ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ВИЛЬНА

1869.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мъ рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ коммисіонерамъ „Вѣстника“ А. Ѳ. Базунова въ С. Петербургѣ и А. И. Ѳерапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: **„Очерки бѣлорусскаго Полѣсья“** (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VII, — 1869.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1869 г. Вильна.

I.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Отвѣтное письмо Іосифа *) митрополита Кіевскаго на письмо подскарбія Ивана Андрѣевича, извѣщающее митрополита, что онъ будетъ давать отнынѣ десятину на придѣлъ Вознесенія Христова, при Воскресенской церкви въ Трокахъ не съ Попортей, а съ Мигутянъ, а попортьскую десятину будетъ давать на церковь св. Николая въ Попортяхъ. Мая 9, Индикта 3.

Благословеніе Іосифа Божею милостью архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси о Святомъ Духѣ возлюбленному господину и сыну нашего смиренія благоверному и Христолюбивому пану Ивану Андрѣевичу подскарбѣму дворному го-

*) Іосифъ III, православный митрополитъ Кіевскій отъ 1526—1538 г.

сударя короля его милости, старостѣ Виленскому и
литва наша милому Богу за вашее милости здо
ве и ради быхмо слышали о здорови твоее мило
и твоее милости панее, а слышачи то Бога мил
съ того хвалю и тымся духовне веселю. А также п
писалъ твоя милость до насъ новѣдаючи и указыва
намъ архимандритомъ нашимъ Сарапіономъ, што
передъ тымъ даивалъ твоя милость десятину ку це
ви Христову Воскресенію въ каплицу вашое мило
Вознесенія Христова у Троцехъ зъ двора своего
Попортей а передъ тымъ въ томъ дворѣ вашое м
лости въ Попортехъ церкви Божее небыло и те
пану мысливши то твоя милость и поставилъ ц
ковь храмъ Святого Николы во имѣньи своемъ
Понортехъ хотячи собѣ лепшого богомоля мѣти
тую и десятину того двора Попортьскаго штожъ
редъ тымъ давано къ тому придѣлу Христова Воз
сенья у Троцехъ обернути и давати на тотъ хра
святого Николы въ Попортехъ, а тамъ до Троковъ
того придѣлу Вознесенія Христова хочешь твоя м
лость зъ другого двора своего зъ Мигутянъ десяти
давати также сполна якожъ и съ того двора и
томъ твоя милость жадаешь и просишь въ насъ б
гословенія, абыхмо мы зволили то и благословили
А про тожъ мы на прозбу и жодане твоее мило
госнодина сына нашого дозволяемъ то и благосл
ляемъ твою милость, рачи твоя милость тую деся
ну, котораяжъ передъ тымъ давана до Троковъ
придѣлу Христова Вознесенія обернути и давати
храмъ святого Николы въ Попортехъ, а съ того имѣн
Мигутянъ, котороежъ поблизку Троковъ есть въ д
миляхъ, твоя милость рачи давати до того къ п
дѣлу Христову Вознесенія десятину также спо
какже и съ того двора бывало и давано. толко бы
му священнику..... адъ попомъ Троцкихъ до Воскрес

наго писали есмо, абы они черезсто той десятинѣ юпортьской впокой дали, и ни во штося не вступали вжобы смотрѣли собѣ и брали десятину съ того двора зъ Мигутянъ. А при томъ милость Божья и нашого смиренія благословеніе и молитва да будетъ съ вашею милостью честнымъ благородствомъ. Писанъ въ Новегородку Мая 29 Индикта 3.

Подлинный на бумагѣ съ одною печатью.

2.

Письмо Іосифа, митрополита Кіевскаго, къ трокскому городничему Богухвалу, въ которомъ проситъ его ходатайства у подскарбія Ивана Андрѣевича о назначеніи на трокскую архимандрію священника Николаевской церкви Василія.

Благословеніе Іосифа Божею милостію архіепископа митрополита Кіевскаго и всея Руси о святомъ Дусѣ сыну нашего смиренія пану Богухвалу Дмитровичу городничему Трокскому и пану Величку ключнику Троцкому молитва наша къ милому Богу за вашее милости эдорове. На игумена Троцкого на Симона многи до насъ жалобы приходятъ и въ нѣкоторыхъ выступкахъ и мы виноватого находимъ какже и панъ Иванъ подскарбей и по двакротъ вже до насъ писалъ и слугу своего присылалъ для его таковое нерядности нехотячи его въ томъ монастыри больши того мѣти ино и намся тоежъ видитъ и до пана Ивана подскарбьего вже есмо о томъ отписали. И просилъ насъ попъ Никольскій Василей богомолецъ вашее милости хотячи въ томъ манастыри игуменомъ быти, абыхъ я въ той речи до вашее ми-

лости за нимъ писалъ, штобы ваша милость за ни
причинились до пана Ивана подскарбьего о тотъ м
настырь. Ино я вашу милость благословляю рачте (бл
говолите) за нимъ писати до пана Ивана просячи а
ему тотъ монастырь нодалъ, бо мися такъ по немъ зн
етъ, ижъ бы къ тому годный былъ, а ведь же естлибы
томъ не такъ онъ жилъ въ монастыри какъ на и
мена служитъ, тогды самъ себѣ отъ игуменства
далитъ и мы ему не вкажемъ священствовати, а
де то ли панъ добрый въ тымъ чину мнишескомъ,
гды будетъ всимъ вашее милости любъ. Да про
твоее милости пане городничій какъ будете селя
ловити, не забудь насъ селявами накормити. А
лость Божія и нашего смиренія благословеніе да
детъ зъ вашею милостью. Писанъ на Вацѣ. Сен
бря 18 дня.

3.

Письмо Іосифа митрополита Кіевскаго къ по скарбію Ивану Андреевичу, въ которо просить назначить кого нибудь на игум ство въ трокскій монастырь.

Благословеніе Іосифа Божіею милостію архіе
скопа митрополита Кіевскаго и всея Руси о Свят
Дусѣ возлюбленному сыну нашого смиренія бл
родному пану Ивану Андрѣевичу подскарбьему д
ному государя короля его милости державцы Ви
скому молитва наша къ милому Богу за вашое м
сти здоровье ради быхмо всегды слышечи здор
твоей милости и твоее милости панее и вашоей
лости дѣтей милыхъ, а коли то слышимъ милог
га съ того хвалимъ и тымся духовне вѣселимъ.
редъ симъ вже есми много кротъ до твоеей мил

писывали и теперь чересъ сесъ нашъ листъ твою милость вспоминаемъ, абы твоя милость рачилъ къ монастырю Пречистое Богоматери въ Троцехъ своего подания игумена находити и до насъ его прислати но благословенье, а коли твоя милость тамъ такого священника не найдешъ и твоя милость рачи о томъ до насъ отписати, мы вже будемъ о томъ печаловати и таковаго человѣка набывши къ тому монастырю пошлемъ, бо тотъ грѣхъ теперь ни на комъ, толко на моей души и тежъ на твоеей милости лежить, што тоя церковь Божія вже болши году безъ хвалы Божеей стоитъ а при томъ твою милость просимъ, абы твоя милость рачилъ казати часто кротъ о своемъ здоровьи до насъ отписовати. А милость Божія и нашого смиренія благословеніе да будетъ съ твоею милостью, Писанъ въ Мѣньску. Декабря 31 дня.

Подлинный на бумагѣ безъ печати.

4.

Позывъ королевскій Самуилу Величкѣ, по дѣлу о присвоеніи имъ плаца, на которомъ стояла виленская св. Михайловская церковь. 1620 г.

Жикгимонтъ Третій Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Прускій, Жомоитскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, а Шведскій, Кгодскій, Вандальскій дѣдичный король.

Земенинови нашому повѣту Ошмянского урожоному Самуелеви Яновичу Величку. Приказуемъ вѣрности твоей, штобы еси за симъ позвомъ мандатомъ нашимъ отъ поданя, або положеня его на имѣню вашомъ, передъ нами господаромъ и судомъ нашимъ

тамъ, гдѣ на тотъ часъ, дасть Богъ, счастливе двором нашимъ будемъ, если у великомъ князствѣ Литовскомъ, за чотыри недѣли, а если въ коронѣ Польской, за недѣль осмъ самъ обличне и завите сталъ на жалобу и правное попиране въ Бозѣ вслебного отца Іосифа Велямина Рутского, архіепископа митрополиты Кіевского, Галицкого и всея Руси, который вѣрность твою позываетъ о безправное и неслушное привлящене черезъ небожчика Яна Величка, подстаросты Ошменского, отца вѣрности твоей, кгрунту власного церковного церкви светого Михаила Архангела въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ на улицы велкќой Замковой, не доходечи костела светого Яна, па рогу, идучи улочкою ку сбору евангелицкому по правое руцѣ, гдѣ церковь самая стояла и мѣшкане поповское при той церкви бывало, и вѣрность твоя тотъ кгрунтъ церковный безправне и неслушне держишь, домы на немъ побудовавши, пожитки собѣ привлащешь а отцу митрополитови уступити не хочешь ку немалой кривдѣ и шкодѣ (убытку), церкви Божой. Про то жебы вѣрность твоя сталъ на жалобу прेречоного отца митрополита Кіевского, которая вѣрности вашой часу права ширей прेложона будетъ, скуточне во всемъ усправедливилсе. Писанъ у Варшавѣ, въ канцеляріи нашой лѣта отъ Нароженя Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцатаго, мѣсяца Генваря шестнадцатого дня.

Скрѣпленъ королевскою печатью и подписью: Александеръ Корвинъ Кгосевскій, рефендарій, писаръ.

5.

Духовное завѣщаніе виленскаго мѣщаиина Луки Емельяновича Св. Духовскому монастырю. 1625 г.

Лѣта отъ Нароженя Сына Божого тисеча шесть сотъ двадцать пятого, Декабря дванадцатого дня. На врадѣ его королевской милости кгродскомъ въ замку Виленскомъ, передомною Миколаемъ Млечдимъ, хорунжимъ Оршанскимъ, подвоеводимъ Виленскимъ оповѣдалъ отецъ Дмитрій Шарипа, намѣстникъ церкви Светого духа монастыря Виленского. и покладалъ ку актыкованю тестаментъ остатнее воли мѣщанина Виленского пана Лукаша Амельяновича подъ часъ морового повѣтра, року теперешняго тисеча шесть сотъ двадцать пятого, которымъ дей тестаментомъ помененый Лукашъ Амельяновичъ урадовне лекговалъ домъ свой тутъ въ мѣстѣ Виленскомъ и товары свое на церкковь Светого Духа монастыра Виленского. За тымъ отецъ Дмитрій, показавши тотъ тестаментъ помененого Лукаша, абы оный до книгъ кгродскихъ Виленскихъ актыкованый, принятый и внисаный былъ который вписуючи до книгъ слово отъ слова такъ се въ собѣ маетъ. Року тисеча шесть сотъ двадцать пятого, мѣсеца Августа двадцать первого дня. На жоданье учстивого пана Лукаша Амельяновича, мѣщанина мѣста Виленского,—будучи на тѣлѣ хорымъ а на умыслѣ здоровымъ, просилъ отъ ихъ милостей пановъ бурмистровъ и радецъ о слугу присяглого,—прыданый былъ Хотѣй Курыловичъ. Напродъ домъ свой власный за Плптницами, у тылъ Ивана Рѣдкого огорода, до монастыря братского Виленского церкви Сошествія Пресвятого духа отписую, на которого виненъ пану Прокопу Корольковичу копъ двадцать чотыры, а рокъ

отъ Рожества Христова въ року тисеча шесть сотъ двадцать пятомъ до року двадцать шостого тогожъ свята пришлого; то отдати маютъ отцове зъ монастыря братского Виленского церкви Сошествія Пресвятого Духа. Товары менованыи у склепѣ, у малой кгелдѣ, за копъ девять за ключомъ моимъ, што отдалемъ предъ урядомъ отцу Дмитрію, законнику (иноку) тогожъ монастыря. Боярину виненъ копъ двѣ зозодишокъ (?) Илья пана Комаровъ Марина Офремовна, што дѣтемъ Прокоповымъ отписала, напродъ пара лѣтниковъ, одинъ мухаеру турецкого со всимъ, а другій простого мухаеру,—пара полчамарокъ, шапка одна бобровая, горностаевая другая, третій капелюшъ, кгермакъ чорный люгдышовый одинъ, бѣлыхъ хустъ колко кошулекъ и завитокъ. А долгу Гавриловой Куриличной винно копъ пять, на то есть шолку и кгузиковъ (пуговицъ). То маютъ отдатъ зъ монастыря сестрѣ рожоной Еленѣ, што есть у Жомойти, дать ей копъ пять, а до того малый хлопецъ сестранокъ мой при монастырѣ Стефанъ. А мене коштомъ своимъ живити маютъ и погрести отцове зъ монастыря водлугъ повинности христіанское поховать маютъ. У того тестаменту подписъ руки письмомъ рускимъ тыми словы: Хотѣй Курыловичъ рукою власною. Што есть до книгъ кгродскихъ Виленскихъ записано, съ которыхъ и сесь выписъ подъ печатью урядовою и съ подписомъ руки писарское господину отцу Дмитрію Шарыпѣ есть выданъ.

Печати нѣтъ, подпись: Базылій Быховецъ, писаръ кгродскій Виленскій,

6.

Челобитная отъ русскихъ князей къ цареградскому патріарху о благословеніи на кіевскую митрополію избраннаго ими полотскаго архіепископа Іоны 1488—1489 г.

Иже по чину архіерея Великаго господа Бога Спасителя нашего Іисуса Христа правостоятельному и его всѣмъ ученикомъ и апостоломъ равно власть имущему, въ яже отпущати грѣхи истинному подателю, восточныя христіанскія церкви обручителю и тоя и сыновъ ея по вселеннѣй правителю и въ таковыхъ свѣтлому свѣтилнику православному, и отъ настоящаго нынѣ волненія богодухновеннѣ церковь и соборъ ея утѣшающому и кротко и правительно къ тихому пристанищу приводящому и руцѣ живодательныхъ водъ источники нескудно вездѣ по вселенѣй всѣмъ изливающому, свѣтѣйшому, и честнѣйшому, и благословеннѣйшому, великому, житіемъ равноангельному, господину господемъ и отцу отцемъ киръ имркъ святѣйшому патріарху, великому архіерею Константиноградскому, о Господѣ радоватися!

Сынове послушанія ти князи Русскіи живущіи подъ державою великого господаря, наяснѣйшого пана Казиміра короля польского и великого князя Литовскаго, и Русскаго, и иныхъ невымовныхъ земль владителя, иже держащіи вѣру православную Греческую, Богу помогающому, неуступно и до смерти, челомбитіе главъ нашихъ съ всѣми чувствы тѣлъ нашихъ великому святительству твоему чрезъ посла послали есмо. Вѣдомо да есть святительству твоему, яко предъ симъ въ мало мимошедшое время, Богу тако извольшу, отець нашь; и учитель нашь, съ служ-

бенинкъ святыни ти, добрепомянутый господинъ Симеонъ, митрополитъ Кіевскій, архіепископъ всеа Руси, житья отъиде, и престолъ митрополіи Кіевскія не мало вдовствуя бѣ; намъ же непрестанно прилежнымъ моленіемъ господаря нашего упросившимъ, да повелитъ его держава избрати годнаго настоятеля престолу Кіевскому и всея Руси; его же величеству, нами умолену, тако повелѣвшу. И тако взысканію многу бывшу въ всихъ странахъ державы господаря нашего, и по многихъ временныхъ днѣхъ обрѣтохомъ мужа свята, достойна вѣры, умѣющаго въ разумныхъ правителя христьянству, въ писаніехъ сугубо наказаннаго, могущаго иныхъ позловати (пользовати), и противящимся закону нашему силного возбранителя и устъ таковѣмъ затыцателя, господина Іону, архіепископа Полоцкого. Оному же вышереченному архіепископу велико не хотащу и недостойна себе глаголющу, но повелѣніемъ господаря и моленіемъ и прошеніемъ нашимъ, напередъ всего духовенства и посполства, едва умоленъ, волю приложи къ тому. Нынѣ же предреченый господинъ нашъ Іона архіепископъ, призволеніемъ господаря нашего короля его державства и зъ листы его державы величества, послалъ къ святительству твоему, яко къ отцу отцемъ и подателю повсюду благословенія, посла своего мужа, выбранаго, честнаго господина Іосифа, архимандрита и настоятеля монастира Святыя Троицы, иже въ Слуцку, благословенія требуючи отъ святительства твоего, яко да вразумѣетъ святительство твое въ листѣхъ господаря нашего и въ рѣчахъ посла оного. Мы же вси, имже образомъ бѣ написанная и глаголанная, отъ мала и до велика весь сонмъ, сынове Русскіи, якоже предрекохомъ, сынове послушанія паствы твоея, православія и уряду церкви Греческыя. молитву и прошеніе наше възсылаемъ святитель-

ству твоему, яко да учинитъ святыня твоя къ нашему утвержденію, ради тѣснящихъ насъ въ вѣрѣ, милосердно да не умедлитъ отъ руки твоей мечь духовный отцу нашему, имже оборонити насъ добротворящихъ, а злымъ изъначала..... явлено, о томъ самому величеству святыни твоей разумно, яко да видѣвше дарованіе и благословеніе святительства твоего, вси по вселеннѣй державы господаря нашего, великаго князства Литовскаго и Русскаго, усердно возрадуеся хвалы въздающи щедротамъ и милосердному благоутробію святителства нашего. Что ради самовидно обличне съслужебнику твоему, отцу нашему, невмѣстно преити тамо; но благоутробіемъ и смиреномудріемъ на краткое наше и неразумное написаніе вонми, святителю, и прошенія и моленія нашего, яко милостивый и щедрый отецъ, не презри, но пріими паче всѣхъ о Христѣ Іисусѣ о Господѣ нашемъ, Ему же слава съ отцемъ и съ Святымъ Духомъ. Аминь.

Изъ рукописи въ листъ, хранящейся въ библіотекѣ супральскаго Благовѣщенскаго монастыря и значащейся по католoгу подъ № 4. Рукопись содержитъ списки Псалтири и нѣкоторыхъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, сдѣланные съ изданія Скорины. Документъ составляетъ позднѣйшій списокъ съ первоначальнаго проекта челобитной; нѣсколько сдѣланныхъ въ текстѣ пропусковъ переписчикъ надписалъ на сторонѣ; здѣсь эти вставки внесены въ текстъ.

7.

Грамота короля Александра, данная по жалобѣ протопопа Харлампея подстаростему Ивану Шимбору, о перенесеніи церкви Рождества Богородицы изъ Бѣльскаго замка на другое годное мѣсто. 1507 г.

Александеръ, Божіею милостію, великій король Польскій, князь Литовскій, Прускій, Жомоитскій, Сѣверскій, Мазовецкій, Инфлянтскій и иныхъ. Войту и подстаростему нашому пану Ивану Шимбору. Жаловалъ намъ попъ замковый Бѣльскій Пречистенскій Харлампей, старшій протопопъ, о томъ, что жъ дей онъ трудность маетъ, какъ приходить на утреню й на всякъ часъ: ворота замыкають, а къ томужъ деи на праздники сего жъ горей. Матку Божью Рожество Еи люде душатся. Пакъ годъ тому назадъ какъ мы, господарь, будучи въ Бѣльску, разсмотрѣли, а къ тому и отецъ Васіянъ, владыка, къ намъ писалъ. Иножъ приказуемъ вашей милости, пане подстаростій, штобысь тую церковь Матки Божей рожества Еи зъ того замку перенеселъ на мѣсто годное, ижъ бо дей зъ наданья княгини Вассы Михайлове, бабки нашое, создана есть, гдѣ жъ бо и тѣло ей положено предъ Богородицею, которое съ богомольемъ пренеси. Преди жъ сего отецъ Васіянъ владыка мѣстце нехай посветить, албо попы пошлеть, иначей не сдѣлаешь. Писанъ у Ломжѣ. Подъ лѣты Божого Нароженья 1507, мѣсеца Апрѣля 17, индикта 10. Alexander Rex. Василей Горностай.

Доставленъ изъ Бѣльска.

8.

Дарственная запись Александра Полубенскаго священнику деречинской церкви Роману Кобятѣ. 1612 г.

Александеръ Полубенскій, подкоморный Лидскій, староста Вилькійскій.

Ознаймую то листомъ своимъ ижъ бачечы я презбитера шляхетие урожоного отца Романа Кобята Красноберезкого, обывателя повѣту Городенскаго, во всякихъ поступкахъ его духовныхъ богобоязного, добре утциве заховалого а заслужоного зъ молодости лѣтъ дому нашого акта наибольшая дознавшы и досвѣтчывшы его, въ справахъ духовныхъ въ письмѣ светомъ добре учоного и въ отправованью хвалы Божое пильного, чулого и порадного по которомъ хотечы я то мѣти, абы межи народомъ посполитымъ хрестіанскимъ, маетности моее здѣшное Деречынское и всихъ обывателевъ тое святой Церкви проповѣданье слова Божого его и проданымъ отправованьемъ хвалы его святое горущое и охотнѣйшее седце на молитвы ихъ силою Забвителя нашого Господа Исуса Христа справилъ а тымъ лѣпшую милость и побожность въ замыслахъ и справахъ ихъ розжарилъ и наукою слова Божого научалъ а церковъ обитель святую винницу Христову...... усмаковалъ далемъ ему церковъ мою въ отчестви моемъ Деречынскую заложенья Святого Спаса съ придѣлами и зо всимъ на все, што въ ней есть, до которое церкви придалемъ тому священику отцу Роману Кобяту земли на пашню церковную съ подданными осѣлыми волокъ тринадцать, которые волоки зъ тыми людьми, яко и первѣй тежъ на тую церковъ служили, зъ домомъ священническимъ и зо всимъ будованьемъ тогожъ дому, а еслибы ся дьяконъ тра-

филъ, тогды зъ власности моей я своего грунту рѣзовъ тры удѣлити повиненъ буду. Маеть онъ въ той церкви Божой службу Божую служити а всякія справы духовныя отправовати за благословеніемъ архіепископа его милости отца Метрополиты до живота своего, яко и съ початку святая соборная восточная Апостольская церковъ уфундована есть. А тую церковь съ тыми людьми а ихъ землями, грунтами церковными па церковь впродъ реченую а на себе спокойно держати и всякихъ пожытковъ уживати, водлѣ воли а уподобанья своего, безъ жадной переказы, а коли поборъ зъ ухвалы сеймовой установленный будеть, тогды тые подданые церковвые отъ того вольные мають быти и до двору моего Деречынского не мають давать, только самому священнику, а гдѣ бы старость, глубокость лѣтъ того священника предреченого въ одправованью всихъ справъ его духовныхъ, тогды зъ верхности моей, найбольшъ ведлѣ правилъ и застановенья Святыхъ Отцевъ, поважаючы въ томъ воли Божой и пристойности христіанской и взглядъ маючы на лѣта его, цѣлому дому нашому чынячыя, онъ на тыхъ дворахъ земли и доходахъ церковныхъ половицы даеть другого священника при собѣ ховати до живота своего, ведлугъ правилъ духовныхъ, который бы ему въ сихъ справахъ духовныхъ одправовати помогалъ. И на томъ далъ сей мой листъ зъ печатію и подписомъ руки моей власное. Писано въ Деречинѣ. Лѣта одъ Пароженья Сына Божого року 1612, мѣсеца Іюля 27 дня. Александеръ Полубинскій ręką swą.

Писанъ на поллистѣ латинскими буквами. Хранится тамъ же.

9.

Заявленіе полотскаго архіепископа Антонія Селявы о покушеніи на его жизнь нѣкоторыхъ полотскихъ мѣщанъ. 1633 г.

Оповѣданье его милости въ Бозѣ велебного отца Антонея Селявы, архіепископа Полоцкого, на Ивана Филиповича Ходыка микулича и Стешки Золозича.

Пры бытности его милости пана Яна Лисовского, лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року справы судовые въ ратушу Полоцкомъ отправуючими, оповѣдалъ и обтежливе жаловалъ въ Бозѣ велебны его милость отецъ Антоній Селява, архіепископъ Полоцкій, Витебскій и Мстиславскій о томъ, ижъ дей кгдымъ дня сегоднешнего, дванадцатого Октебра, о годинѣ, може быть, предъ полуднемъ осмой, ѣхалъ зъ замку Полоцкого зъ двора моего архіепископского рѣкою Двиною въ чолноку къ монастыру Борисоглѣбскому, также нѣтъ вѣдома, хто съ Крывцова посаду зъ громады стоячого посполъства мѣщанъ Полоцкихъ зъ мушкету два разы окрутне выстрѣлилъ, съ которого выстрѣленья кули обѣдвѣ не далеко а праве мимо мене самаго и челядки моее, въ томъ же чолнѣ при мнѣ будучее, летѣли. Которымъ пострѣломъ мало мене самаго и челядки моее не трафило. Што кгды скромно знесши пріѣхаломъ до помененого монастыра, тоже дей тогожъ дня, дванадцатого Октебра, надошодши надъ самый монастырь Борысоглѣбскій, тры особы зъ мѣщанъ Полоцкихъ, меновите: Иванъ Филиповичь, ходко Микуличь и Стешко Залозичь, чинечи тымъ барзей набольшую зневагу и навеликое небезпеченство здоровья моего и челядки моее, подъ самымъ монастыромъ у воротъ кминтаровыхъ, учынивши якись

непотребный крыкъ, повтурне зъ мушкетовъ стрѣяли. О чомъ кгды довѣдѣти ся казаломъ, хто бы былъ и по што прышолъ и для чего бы подъ монастыромъ стрѣльбу такую чынилъ, ино они номененые особы выростка моего, отъ мене посланогв для вѣдомости Езефа Ушацкого, бить хотѣли и до него зъ мушкету вымѣраючи, словами ущипливыми мене самаго лжити почели. Ино дей вже въ тотъ часъ иншая челядка моя, ратуючи отъ нихъ того выростка моего, самыхъ, яко кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого, улапили. И за прыведеньемъ ихъ до мене въ монастыръ пыталомъ у нихъ, што-бы то за прычина была, же первѣй въ чолнѣ ѣдучему мнѣ, а потомъ и тутъ подъ монастыромъ, стрѣльбу ку небезпеченству здаровья моего чынили. А помененые особы: Иванъ Филиповичъ, Ходко Микуличь и Стешко Залозичъ и переҁо мною самымъ, зъ зухвальства, слова брыдкія кгды мовить и волать почели. Ино я, заховуючы се водлугъ науки правное, тыхъ всихъ людей трохъ особъ, яко кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого, засегнувши енерала и вознаго воеводства Полоцкого и сторону двухъ шляхтичовъ: пана Северина Станского и пана Яна Дмитровского, пры двухъ слугахъ своихъ: Яну Ейсымонтѣ и Яну Шпаку, также и пры слузѣ замковомъ Тиляновичомъ, яко подъ часъ отправованья роковъ теперешнихъ Михаловскихъ посламомъ ихъ былъ того жъ дня до росправы до везенья до замку на врадъ кгродскій Полоцкій. Которыхъ кгды, одъ устья рѣки Бѣлчицы въ чолнѣ за рѣку Двину перевезли, ино мѣщане Полоцкіе на имя, Иванъ Рабецъ, Ананія Гарасимовичъ, Семенъ Горунко, Васко Шапошниковичъ, Стешко Дащонокъ, Гаврыло Дроничъ, Өедоръ Пупшынъ, также и мѣщане слободскіе: Данило Заговаленокъ, Андрей Войненкопъ, Юрко Выдронекъ, побунтовавши посполство, такъ зъ

мѣщанъ Полоцкихъ и Кривцева посаду, яко и съ тое слободки замковое, которыхъ личба не малая была, учинивши великій бунтъ и окрыкъ, тыхъ кгвалтовниковъ вышей помененыхъ трохъ особъ на берегу рѣки Двины, за острогомъ, отняли и отбили и на урядъ кгродскій до замку не допустили. А мало на томъ маючи и за тыми слугами моими: Яномъ Ейсымонтомъ и Яномъ Шпакомъ, хотѣли ихъ бити, деспектовати, або подобно и на смерть позабіяти гонили, которыхъ бы нѣкоторые люди отъ того тумульту не ратовали, бы ихъ вжо въ самомъ мѣстѣ Полоцкомъ на смерть окрутне позабіяли, гдѣ дей, самого лаючи, отповѣди на здоровье мое чинили. О што все такъ съ тыми особами, кгвалтовниками отбитыми, яко и съ тыми вжо помочниками особами, которые, тумултъ учинивши, кгвалтовниковъ и взрушителей покою посполитого отдали, о што у кождого суду, гдѣ се хто покажеть, и до которого гдѣ одно приступъ мѣти буду, правомъ чинити готовъ естемъ. А немнѣй и то въ жалобѣ моей оповѣдаю и допошу, ижъ дей дошла мене о томъ вѣдомость, же тое бунтованье посполства стало се, за пріѣханьемъ зъ Вильна тутъ до Полоцка Стефана Аѳанасовича, который, яко передъ тымъ все посполство Полоцкое противо мене, архіепископу, отводечи отъ послушенства моего, бунтовалъ, такъ и теперь бунтовать не переставаеть, и, учинивши змову зъ нѣкоторыми мѣщани Полоцкими, то есть, съ Карпомъ Оспанкою, зъ Гришкомъ Шанолникомъ и съ тыми вжо всими вышей обжаловаными, яко бы мене, архіепископа, съ того свѣта могли згладити, розныхъ способовъ заживаючи, розныхъ особъ собѣ въ томъ на здоровье направуючи. Што все и теперь отъ тыхъ трохъ особъ, засъ отъ того Стефана и его помочниковъ мнѣ стало се. Чому всему забѣгаючи, абы здоровья своего на

каждомъ местцу и кождого часу, за прiѣханьемъ и подбунтованьемъ того Стефана Аѳанасовича и его помочниковъ, такъ вжо и отъ всихъ мѣщанъ Полоцкихъ не будучи безпеченъ, просилъ его милость, отецъ архiепископъ Полоцкiй, ижъ бы тое его милости оповѣданье до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ было записано. Што есть записано.

Изъ книги Полотскаго Магистрата за 1633 г., стр. 121. Хранится тамъ же, сообщено тѣмъ же.

10.

Жалоба iезуита на полотскихъ мѣщанъ католиковъ, пожелавшихъ быть православными, и потому неисполняющихъ латинскихъ обрядовъ. 1645 г.

Справа, зачатая велебного въ Богу его милости ксендза Станислава Косинского, ректора ихъ милостей ойцовъ iезуитовъ колеюмъ Полоцкого, зъ нѣкоторыми розными мѣщаны Полоцкими о то, ижъ они, будучы католиками, въ костелѣ не сповѣдаютъ и не кумуникуютъ.

При бытности его милости пана Яна Болеслава Богатыра Косаровскаго, економа и лянтвойта Полоцкого, передъ нами бурмистрами, райцами и лавниками, того року на справахъ судовыхъ въ ратушу Полоцкомъ будучыми, постановившысе очевисто въ Бозѣ велебный его милость ксендзъ Станиславъ Косинскiй, ректоръ ихъ милостей ойцовъ езуитовъ колеюмъ Полоцкого, жаловалъ на мѣщанъ мѣста Полоцкого: Михала Пузеку, на жону его, на сына и на цорку ихъ, на Яна Дышлевского, на Гаврыловую,

Котляровую и на Юрьевую Чечелевую, о томъ, ижъ дей они вси помененые особы, бывшы католиками, не вѣдать для чого, отъ тое вѣры оторвавшы се, дызунитами зостали, а въ костелѣ такъ споведи, яко и светое комуніи не заживають, што все на великую взгарду хвалы Божое чынять. О што будучы тые вси помененые особы очевисто черезъ слугу врадового мѣского, Мартина Курскаго, заказаны, скоре се постановили, теды мы, судъ, тую справу до дня третего отложывши, обудвумъ сторонамъ того року тое справы пильновать наказали. Што все есть до книгъ мѣскихъ Полоцкихъ записано.

Изъ книги Полоцкой ратуши за 1645 годъ (стр. 167).

II.

ПОСЛАНІЕ ОРЛЕАНСКАГО ЕПИСКОПА ДЮПАНЛУ О ПРЕДСТОЯЩЕМЪ ВСЕЛЕНСКОМЪ СОБОРѢ. [1]

(Окончаніе. См. 1-я кн. 1869 г.)

VI.

Ложныя опасенія по случаю собора.

Чего жъ опасаетесь вы, робкіе католики, вы мрачные политики? Ахъ! пусть лучше возрадуется человѣчество о великой рѣшимости Пія IX. Эта рѣшимость должна, какъ для вѣрующихъ, такъ и для тѣхъ, кои потеряли блаженство вѣры, служить залогомъ великаго чаянія. Если вы имѣете вѣру, то вы очень хорошо знаете, что Духъ Божій присущъ такимъ собраніямъ и управляетъ ими. Безъ сомнѣнія, тамъ будутъ люди, а слѣдовательно—и возможные недостатки; но тамъ будутъ также святые труды, великія добродѣтели, высокія познанія, чистая и самоотверженная ревность о славѣ Божіей и спасеніи душъ, чудный духъ любви, а сверхъ всего этого, превосходящая все божественная сила, а Богъ тамъ какъ всегда, свершитъ свое дѣло.

Богъ, говоритъ Фенелонъ, устрояетъ, чтобы епископы, въ случаѣ нужды, собирались свободно, чтобы они были наблюдательны и свѣдущи и чтобы никакое нечистое побужденіе не увлекало противъ истины тѣхъ, которые должны быть ея хранителями. Въ ходѣ изслѣдованій могутъ быть несообразныя увлеченія; но Богъ и это обратитъ къ достиженію своихъ благихъ предначертаній, именно въ тотъ моментъ, который предопредѣленъ.

Но и для тѣхъ несчастныхъ, которые не знаютъ христіанства и не слышали въ церкви гласа Божія,—съ самой обыкновенной точки человѣческаго зрѣнія, что можетъ быть болѣе достойнымъ симпатіи и уваженія, какъ не эта попытка вселенской церкви потрудиться,—на сколько это ея касается и воз-

можно, — надъ просвѣщеніемъ и умиротвореніемъ вселенной? Что можетъ быть величественнѣе и почтеннѣе этого собранія семи, или осьми сотъ епископовъ Европы, Азіи, Африки Америки и далекихъ острововъ Океаніи,—этихъ представителей, имѣющихъ полный авторитетъ по лѣтамъ, опытности и добродѣтели, представителей странъ, въ коихъ они живутъ, и народовъ всего земнаго шара, съ которыми они имѣютъ ежедневныя сношенія? Этого нигдѣ нельзя видѣть и это увидать въ Римѣ. Только тѣ, чей смыслъ омраченъ самыми странными предразсудками, могутъ опасатеся какихъ либо замысловъ и страстныхъ увлеченій партіи отъ этихъ старцевъ, сошедшихся со всѣхъ концовъ міра, почти вовсе незнакомыхъ другъ другу и не имѣющихъ между собою другой связи, кромѣ общенія вѣры и добродѣтели. Гдѣ найдутъ на землѣ болѣе величественное выраженіе, болѣе высокую гарантію мудрости, даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ ее люди."

Мнѣ случилось слышать, что новѣйшія времена, въ слѣдствіе слишкомъ многихъ опытовъ, потерявъ довѣріе къ мудрости единичнаго человѣка, вѣруютъ въ мудрость собраній: какое жъ собраніе можетъ представлять такую совокупность познаній, независимости, такое разнообразіе въ единствѣ?

Кто эти епископы? читайте ихъ девизы:

„Во имя Господне! Я приношу миръ! Я желаю познаній! Я распространяю любовь! Я не отказываюсь отъ труда! Я служу Богу! Я знаю только Христа! Весь для всѣхъ! Торжествовать надъ зломъ посредствомъ добра! Миръ въ любви!" и проч.

Что касается ихъ самыхъ, они оставили свои прежнія названія, они подписываются именемъ святаго и именемъ города, гдѣ жительствуютъ. Собственное ихъ имя скрылось, какъ имя зодчаго въ первомъ камнѣ храма. Вотъ Вавилонъ и вотъ Іерусалимъ: вотъ Нью-Іоркъ и Вестминстеръ, вотъ Ефесъ и Антіохія,—вотъ Карѳагенъ и Сидонъ, Мюнхенъ и Дублинъ, Вотъ Парижъ и вотъ Пекинъ. Вотъ Вѣна и вотъ Лими. Вотъ Толедо и Миланъ, Кельнъ и Майнцъ, они именуются также: Петръ, Павелъ, Іоаннъ, Августинъ, Амвросій,—именуются именами великихъ людей, которые основали и просвѣтили народы, проповѣдуя имъ евангеліе. Они носятъ имена не только прошедшія и настоящія, они носятъ имена и будущія:

этотъ именуется епископомъ на Красной-Рѣкѣ, другой въ Дагомеи, тотъ въ Орегонѣ, а сей въ Наталисѣ, въ Викторіи, въ Сайгонѣ. Мы трудимся для будущаго,—мы, которыхъ называютъ людьми прошлаго. Мы трудимся для странъ, въ которыхъ нынѣ нѣтъ городовъ и народа, которыя не имѣютъ даже наименованія. Мы идемъ гораздо далѣе, чѣмъ знанія, за предѣлы коммерціи,—туда, гдѣ мы одни и прежде всѣхъ. Если мы не опережаемъ вашихъ путешественниковъ; то устремляемся по ихъ стопамъ. Зачѣмъ?—затѣмъ, чтобы создавать христіанъ, иначе сказать людей, иначе сказать-націи! Чѣмъ же соборъ можетъ навесть на васъ тѣнь,—на васъ, которые именуете себя съ такою надменною самоувѣренностью людьми прогресса, глашатаями будущности?

Что жъ? можетъ быть, соборъ затронетъ національности, отечество? Какимъ образомъ могли быть угрожаемы, или проданы національности тѣми людьми, которые представляютъ собою національности всего земнаго шара, которые взываютъ къ нимъ, которые живутъ въ ихъ средѣ для своихъ собственныхъ интересовъ, для защиты своей собственной вѣры? Не епископы ли Польши войдутъ въ соглашеніе съ епископами Ирландіи на подавленіе національностей, на пагубу отечества? Есть ли хоть одинъ епископъ во Франціи, или въ Англіи, епископъ какой бы то ни было націи, который не гордился бы быть истымъ французомъ, истымъ англичаниномъ, истымъ гражданиномъ, какъ ни кто?

Не свобода ли можетъ за себя опасаться? Но чѣмъ могутъ быть страшны ей люди, которые отъ катакомбъ до истребленія des Carmes, утверждали христіанство только жертвою своей жизни и проливали свою кровь лишь тогда, когда видѣли, что вмѣстѣ съ церковью, была угнетаема свобода. Не епископы ли Америки вступятъ въ заговоръ противъ свободы съ епископами Белгіи, Голландіи, Швейцаріи? Не епископы ли Востока согласятся съ епископами Франціи и другихъ государствъ Европы воспѣвать благодѣянія деспотизма *)?

*) Но прошедшая и современная исторія ясно свидѣтельствуетъ, что не только епископы, но и все духовенство западной церкви въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, да и въ настоящее время состоятъ въ заговорѣ противъ свободы церкви восточной.

Нѣтъ, нѣтъ! Въ этихъ опасеніяхъ нѣтъ ничего правдоподобнаго. Это были бы пустые призраки, которые слѣдовало бы презирать, если бы въ основѣ ихъ не лежало лукавое дѣло злобы, предусматривающей въ соборѣ добро, которому хочетъ оно положить всевозможныя преграды. Что сдѣлаетъ соборъ? Я не могу этого сказать теперь. Одинъ Богъ вѣстъ, что совершится. Могу сказать только, что такое соборъ самъ въ себѣ, потому что осмнадцать вѣковъ христіанства и цивилизаціи знаютъ это и удостовѣряютъ: соборъ есть нравственная сила по превосходству,—есть благороднѣйшій союзъ власти и свободы, союзъ, какой только можетъ представить себѣ человѣческій разумъ.

Я не буду указывать здѣсь предѣловъ свободы, предѣловъ власти; не буду также охарактеризовывать раскола и ереси, ни протестантизма англиканскаго или германскаго, ни православія Россіи; скажу лишь одно слово, которое сей часъ и разъясню: если церкви могутъ снова стать сестрами, если люди желаютъ быть снова братьями, они никогда не достигнутъ этого ни болѣе надежно, ни болѣе величественно, ни болѣе искренно, какъ на соборѣ.

Не то-ли безпокоитъ васъ, что въ церкви существуютъ различныя, по вашему понятію мнѣнія? Такая ваша заботливость кажется мнѣ не много странною; но я готовъ считать ее искреннею и потому отвѣчаю: какъ же мало знаете-вы церковь? Враги ея каждодневно представляютъ нашу вѣру, какъ подавляющее иго, которое не позволяетъ намъ двинуться съ мѣста; а когда увидятъ, что мы размышляемъ совершенно свободно, они изумляются. Не то ли и составляетъ жизненныя условія для церкви, что самое сильное движеніе идей всегда происходитъ въ ея нѣдрахъ? Правда, мы имѣемъ неизмѣнный символъ; мы не то, что философы, которые изслѣдуютъ для того только, чтобы безъ конца производить изысканія,—для которыхъ все вопросъ и нигдѣ нѣтъ рѣшенія; которые вѣчно идутъ, и никогда не достигаютъ конца пути. У насъ, напротивъ, есть положенія усвоенныя, опредѣленныя, о которыхъ мы уже не споримъ. Такимъ образомъ церковь имѣетъ непоколебимыя основанія, она не есть какой нибудь воздушный замокъ. Но за всѣмъ тѣмъ во вселенской церкви свобода имѣетъ свое-

мѣсто. Наши якори крѣпки, а перспектива безгранична, потому что и внѣ опредѣленныхъ пунктовъ есть еще необъятное пространство. Даже въ отношеніи догматовъ христіанскому разуму предстоитъ великій трудъ, который будетъ продолжаться безъ конца, потому что наши догматы представляютъ высоту недосягаемую, какъ самъ Богъ,—и разумъ человѣческій всегда будетъ почерпать изъ этого моря и никогда оно не изсякнетъ.

Пусть же не удивляются, что, внѣ опредѣленныхъ пунктовъ, обо всѣхъ прочихъ запутанныхъ и трудныхъ вопросахъ, которые современная полемика только затемняетъ, католики разсуждаютъ совершенно свободно. Духъ христіанства давно выраженъ сими замѣчательными словами блаженнаго Августина: „въ крайнихъ обстоятельствахъ единодушіе, въ сомнительныхъ свобода, а во всѣхъ любовь.“ Рядъ вѣковъ ничего не перемѣнилъ. Впрочемъ, я сей часъ говорилъ и повторю, что соборъ уже потому самому, что онъ вселенскій, т. е. состоитъ изъ представителей всѣхъ церквей земли, изъ епископовъ, живущихъ подъ всевозможными политическими учрежденіями и при всевозможныхъ общественныхъ условіяхъ, по необходимости, исключитъ преобладаніе какой либо школы, какого либо узкаго національнаго духа и мѣстныхъ предразсудковъ. На соборѣ, какъ мы увѣрены, великій вселенскій духъ, а не какая либо частная, или другая идея, будетъ диктовать рѣшенія,—и каковы бы ни были отдѣльныя мнѣнія той или другой партіи, той или другой школы, соборъ явитъ истинный свѣтъ и единство. Свобода останется неприкосновенною для тѣхъ пунктовъ ученія, которые останутся внѣ опредѣленій. Эти рѣшенія будутъ правиломъ всѣхъ католиковъ и онѣ не должны никого тревожить преждевременно. Эти рѣшенія, наконецъ, не будутъ угрожать ничему, что для васъ, современные люди, *должно быть* драгоцѣнно, а только заблужденію и неправдѣ,—врагамъ какъ вашимъ, такъ и нашимъ. А если вы пожелаете узнать истинную мысль этого великодушнаго первосвященника, который составляетъ предметъ столькихъ ненавистныхъ и неблагодарныхъ нападокъ, мысль епископовъ его братьевъ; если вы желаете угадать духъ будущаго собора, то онъ весь въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ, обращенныхъ Піемъ IX за годъ предъ

симъ, къ католическимъ публицистамъ, которыя, какъ священный девизъ, начертаны на ихъ знамени: „одной любви христіанской свойственно прокладывать путь, очищая оный отъ всякихъ препятствій—путь къ той свободѣ, къ тому братству, къ тому прогрессу, которыхъ такъ пламенно жаждутъ всѣ.“ Не перестану повторять,—и вы, господа, не переставайте говорить окружающимъ васъ, что ни съ чѣмъ несообразно мнѣніе тѣхъ, которые называютъ будущій соборъ угрозой и революціей. Мы живемъ въ такое время, когда должны все выслушивать, но не должны допускать, чтобы всему вѣрили.

Когда за годъ предъ симъ, папа объявилъ собравшимся въ Римѣ епископамъ о своемъ рѣшеніи созвать вселенскій соборъ, что видѣли на семъ соборѣ епископы всего міра? Видѣли великое дѣло просвѣщенія и умиротворенія „grande opus illuminationis et pacificationis,—говоря подлинными словами ихъ адреса. Тоже самое говоритъ и булла. На семъ вселенскомъ соборѣ, чего потребуетъ папа отъ своихъ братьевъ епископовъ? Потребуетъ изслѣдовать и со всевозможною тщательностью изыскать и установить все, что касается общаго мира и единства. Перечитывая буллу отъ начала до конца, на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ ея что вижу? выраженіе попечительности вполнѣ достойной общаго пастыря,—попечительности и о гражданскомъ обществѣ точно такой какъ и о церкви: онъ никогда не раздѣляетъ ихъ; а напротивъ постоянно утверждаетъ, что бѣды ихъ и опасности общія одна и таже буря поражаетъ ихъ своими волнами. Въ это время, — которое называютъ переходнымъ состояніемъ, религія и государство, та и другое переживаютъ страшный кризисъ. Много нынѣ людей, которые желали-бы разрушить церковь, если бы могли и ниспровергнуть общество до послѣднихъ его основаній. Чтобы подать помощь той и другому и устранить общія имъ опасности святой отецъ рѣшилъ созвать соборъ и опредѣленная цѣль, которую онъ указалъ епископамъ, состоитъ въ томъ, чтобы изучить это критическое положеніе и предложить врачество противъ этой двойной язвы. „Необходимо, говоритъ онъ, чтобы наши достопочтенные братія, которые понимаютъ и, какъ мы, оплакиваютъ критическое положеніе церкви и общества,—необходимо, чтобъ они, вмѣстѣ съ нами, употребили всѣ усилія устранить, съ

помощью Божіею, отъ церкви и государства удручающія ихъ бѣдствія.

Вамъ говорятъ, что папа желаетъ рѣшительно прервать всякую связь съ современнымъ обществомъ, осудить его, проклясть и произвесть въ немъ глубокое смятеніе; а между тѣмъ бѣдствія, которыя удручаютъ васъ, христіанскіе народы, никогда не трогали такъ живо главу церкви и никогда изъ его устъ не вылетало болѣе симпатичное слово о вашихъ опасностяхъ и о вашихъ скорбяхъ. Весь міръ замѣтилъ, что будучи лишенъ трехъ четвертей своего небольшаго государства, ограниченный Римомъ и его окрестностями, находясь постоянно среди опасностей, вися надъ пропастью,—папа вовсе не помышляетъ объ этомъ; не свой тронъ намѣренъ онъ защищать; объ этомъ важномъ предметѣ онъ не говоритъ ни слова,—нѣтъ, въ буллѣ о созваніи собора, земной государь молчитъ и совершенно забываетъ себя,—одинъ первосвященникъ взываетъ къ міру.

VII.

Соборъ и церкви отдѣлившіяся.

Мы не все еще сказали; можно имѣть о будущемъ соборѣ другія надежды, отъ него можно ожидать другихъ великихъ результатовъ. Посланія святѣйшаго отца къ восточнымъ епископамъ—дезунитимъ и братьямъ нашимъ протестантамъ обѣщаютъ намъ это.

Въ двѣ роковыя эпохи всемірной исторіи, произошли два великихъ раздѣленія въ царствѣ душъ, въ церкви; нешвенная риза Христова двукратно разорвана расколомъ и ересью *). Это два бѣдствія человѣчества, двѣ основныя причины, которыя замедлили всемірный прогрессъ.

Кто этого не знаетъ? Если бы древняя греческая имперія, если бы востокъ не прервалъ такъ злощастно сношеній съ западомъ, они никогда не сдѣлались бы добычею исламизма 10).

---

*) Мы основываясь на исторической правдѣ разумѣемъ здѣсь, подъ именемъ раскола отпаденіе римской церкви отъ единства церковью вселенской, въ которомъ единствѣ осталась и во вѣка пребудетъ восточная церковь.

10) Это иго давно уже было бы свергнуто, если бы не своекорыстіе западныхъ народовъ. На нашихъ глазахъ р. католицизмъ протестантизмъ и исламизмъ, при всей діаметральной противопо

который такъ унизилъ его и до сихъ поръ держитъ его подъ
момъ; онъ не увлекъ бы въ свою схизму другое обширнѣйш
царство въ которомъ 70 милліоновъ стенаютъ подъ деспот
момъ религіознымъ и политическимъ. 11).

И кто можетъ сказать, чѣмъ бы были христіанскіе нар
Европы теперь, если бы лютеранство, кальвинизмъ и другі
счастныя раздѣленія не отняли у христіанства столько кр

ложности ихъ вѣрованій, протянули другъ другу руки, какъ бр
чтобы противодѣйствовать великой и чистой мысли православ
царя—рыцаря. Видно промыслу угодно продолжить урокъ
дамъ запада, урокъ о томъ, что, противясь совершенному осво
денію церкви востока, они непосредственно за симъ до
испытывать глубочайшія потрясенія. Къ стыду р. католиче
нѣкоторые изъ его епископовъ были самыми яростными раз
телями кровожадныхъ страстей противъ народа и царя рус
шедшаго въ бой съ изувѣрскимъ исламомъ за вѣру правосла
одинъ изъ таковыхъ проповѣдниковъ ножа, ножемъ и погиб
своего же собрата. Сколько послѣ того потрясающихъ яв
собственно въ р. католическомъ мірѣ, политическихъ и нрав
ныхъ.

11) Благодаря востоку, отъ котораго передано намъ ч
ученіе Христово, отечество наше, эти семьдесятъ милліоновъ
и смиренно развиваютъ и воспитываютъ свое громадное в
конечно, для великой задачи. Въ высшей степени замѣчат
что именно въ тотъ моментъ, когда римская церковь оттор
отъ вселенскаго единенія, православная вѣра востока оз
неизмѣримыя страны сѣвера. Орды исламовъ, правда, пора
востокъ, имперія Византіи исчезла со всѣмъ ея величіемъ
бѣдствіе сугубо тягостно для тамошнихъ злосчастныхъ хр
особенно потому, что корыстные и властолюбивые происки
всѣми средствами сѣютъ между ними смуты раскола. Съ ка
днемъ римская церковь видитъ отпаданіе своихъ чадъ, то
тестанство, то въ раціонализмъ и въ безбожіе; довольно
жется заботъ Риму, такъ сказать у себя дома; нѣтъ, ему
тельно поработить своему духовному деспотизму восточныя
и вотъ, не гнушаясь даже подкупами мусульманскихъ ти
добываетъ онъ себѣ прозелитовъ на востокѣ не изъ поклон
пророка, а изъ среды бѣдствующихъ христіанъ. Благодар
что орлеанскій епископъ неправильно называетъ *увлечен
схизму*, *мы* не знали ужасовъ инквизиціи, интердиктовъ,
ломовскихъ ночей, революцій XVIII вѣка, не знали того
наго акта, который всенародно совершенъ въ церкви Not
de Paris.

жихъ силъ, не отдалили отъ свѣта евингельскаго столько душъ, поглощенныхъ невѣріемъ? Кто можетъ въ точности опредѣлить какую задержку встрѣтило отъ этого распространеніе евангелія въ странахъ языческихъ? 12).

Событіе достойное слезъ! И теперь еще до множества милліоновъ людей не досягалъ свѣтъ евангелія, они и до сихъ поръ пребываютъ во мракѣ идолопоклонства. Посмотрите на этихъ жалкихъ язычниковъ-островитянъ: смутно ждутъ они какого-то спасителя; они простираютъ руки къ невѣдимому Богу, во-время своихъ нуждъ и страданій они призываютъ свѣтъ, истину и спасеніе. Осмнадцать вѣковъ прошло, какъ господь Іисусъ Христосъ принесъ сіи блага міру и сказалъ своимъ апостоламъ это великое слово: „проповѣдите евангеліе всей твари.“ Вотъ, наконецъ, апостолы Іисуса Христа, ученики и подражатели ихъ Петра и Павла пристали когда-то къ берегамъ Италіи, проповѣдали нашимъ отцамъ тоже самое евангеліе и умерли вмѣстѣ за одну и туже вѣру!

Но бѣдные индійцы, бѣдные японцы! Во слѣдъ апостоловъ р.-католической церкви, посланныхъ пріемникомъ того, кому сказалъ Іисусъ Христосъ: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь мою“, выходятъ другіе миссіонеры, которые спорятъ съ ними 13). Чтожъ? Христосъ ли, какъ нѣкогда спрашивалъ апостоль Павелъ у диссидентовъ перваго вѣка,—Христосъ-ли раздѣлился. Не въ этомъ ли, спрошу васъ, наши отпадшіе братья, не въ этомъ ли самое большее несчастіе для

---

12) На эти вопросы громогласно на цѣлый міръ, отвѣчаютъ Италія и Испанія,—страны, въ которыя протестанство не проникало, страны лучшія по климату и почвѣ въ цѣлой Европѣ и дошедшія при всемъ этомъ до послѣдней степени политическаго ничтожества, экономическаго нищенства и гражданственной деморализаціи.

13) Авторъ какъ будто не знаетъ, или думаетъ, что другіе не знаютъ, какъ іезуиты, являясь въ идолопоклонническія страны, въ слѣдъ за доминиканами, завидуя ихъ успѣхамъ, начинали интриговать противъ послѣднихъ, къ величайшему соблазну язычниковъ и новокрещенныхъ христіанъ. Сколько разъ китайцы, раздраженные интригами латинскихъ миссіонеровъ, истребляли всѣхъ христіанъ!

сихъ бѣдныхъ язычниковъ? Какое христіанское сердце не про
ливало слезъ объ этомъ.

И единеніе, если оно возможно,—а почему же не быть ем
возможнымъ, когда на то будетъ воля Всевышняго? единені
теперь, когда всѣ пути открыты и разстоянія, такъ сказать, исче
зли, не составило ли бы счастливаго событія, великаго событі
для просвѣщенія евангеліемъ всей вселенской?

Да, всякая душа, въ которой живетъ духъ Христовъ, долж
на ощущать въ себѣ мученическое страданіе, при видѣ разд
леній должна ежеминутно возносить къ небу молитву Спасите
и призывъ къ единенію: „Отче мой! да будутъ сіи едино
Вотъ та великая задача, которой занятъ глава католическ
церкви и, забывая собственныя опасности, будучи всецѣ
преданъ лежащему на немъ попеченію о всѣхъ церквахъ, с
зываетъ вселенскій соборъ. Онъ обращается къ востоку и з
паду, онъ простираетъ ко всякому отдѣлившемуся общест
слово мира, благородный призывъ къ единенію каковъ бы
былъ пріемъ его слову, кто не видитъ въ этомъ послѣдне
усиліи къ соединенію всѣхъ христіанъ мысли съ неба, мыс
вдохнутой тѣмъ, который восхотѣлъ, чтобы церковь его бы
едина, и который сказалъ, какъ напоминаетъ о чемъ свят
отецъ: „о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, а
любовь имате между собою."

На эту мысль, на это желаніе отзовутся ли наши бра
востока и запада?

Востокъ! Востокъ! чье сердце не содрогается предъ эт
колыбелью древняго благочестія, откуда возсіялъ для н
свѣтъ! Я видѣлъ католическихъ епископовъ востока; они о
яты были трепетомъ радости при вѣсти о соборѣ и надѣю
для своихъ церквей восхода новой жизни и плодотворной
ятельности.

Ужели восточныя дизунитскія церкви откажутся послуш
сихъ словъ мира и любви, обращеннымъ къ нимъ святымъ
цемъ отъ всей полноты души? И для чего останутся они г
къ такому призыву? По какимъ неумѣстнымъ и химерическ
опасеніямъ?

Но нѣкто замѣтилъ, кто онъ былъ глубоко тронутъ,
деликатностью, тѣмъ тономъ особенной нѣжности, съ ка

говоритъ святой отецъ къ нашимъ восточнымъ братьямъ, которые, среди мусульманской Азіи, исповѣдуютъ и чтутъ какъ мы Господа Іисуса Христа, и которые, будучи искуплены его драгоцѣннѣйшею кровію, вступили посредствомъ крещенія, во дворъ его церкви. Сколько вниманія къ симъ древнимъ церквамъ, нынѣ, къ несчастію, пребывающимъ въ разобщеніи отъ великаго единства, но въ свое время пролившимъ яркій свѣтъ благочестія и небеснаго ученія и приносившимъ обильные плоды во славу Божію и спасеніе душъ. И въ тоже время, какая кротость и отстраненіе всѣхъ раздражающихъ напоминаній! Святой отецъ говоритъ только о мирѣ и любви; онъ требуетъ только одного, чтобы древніе законы любви были возстановлены, и когда миръ нашихъ отцевъ, сей спасительный, небесный даръ Христовъ, прерванный на время, будетъ прочно утвержденъ, тогда чистый свѣтъ вожделеннаго единства озаритъ очи всѣхъ послѣ мрака столь долгой скорби, послѣ наводящаго уныніе столь долгаго разногласія?

Это желаніе единства и мира столь живое и искренне не только въ сердцѣ святаго отца, но и въ сердце всѣхъ епископовъ, и, пусть наши восточные братья будутъ увѣрены, во всѣхъ христіанахъ запада можетъ ли не быть желаніемъ ихъ вѣры, ихъ самыхъ и всякаго кто носитъ имя христіанина на землѣ. Боже мой! какая польза въ этомъ раздѣленіи ризы Христовой? Спросимъ мы церкви древняго востока, что выиграли *) онѣ въ познаніяхъ и любви отъ того, что не пребы-

*) „Что выиграли!" Ужели мы для какого бы то ни было *выигрыша* должны измѣнить Христовой истинѣ? Ужели мы, при первомъ допросѣ какой нибудь „рабыни," должны отрекаться Христа?.. „Кто удерживаетъ?.." Удерживаетъ совѣсть, удерживаетъ неприкосновенность и чистота христіанской истины, разумъ и исторія, удерживаютъ не „метафизическія тонкости и словопренія," а произвольныя натяжки, позднѣйшіе наросты и искаженія вселенскаго ученія римскими богословами и епископами,—а главное незаконное притязаніе сихъ послѣднихъ на свѣтскую царскую власть и главенство надъ *всею* церковью Христовой. Пусть только папы откажутся отъ этихъ, противныхъ Христовому смиренномудрію, аттрибутовъ своей самозванной власти, и примиреніе христіанъ сдѣлается возможнымъ. Но мы думаемъ, что папы готовы отказаться отъ всего и всѣхъ, за исключеніемъ своихъ высокомѣрныхъ

вают въ общеніи съ остальнымъ христіанскимъ міромъ? Кто же ихъ удерживаетъ?. Уже ли мы еще живемъ во времена метафизическихъ тонкостей и словопреній византійской имперіи?

Я только что упомянулъ о народахъ невѣрныхъ: пусть же наши братья восточные епископы позволятъ напомнить имъ о нынѣшнемъ состояніи цѣлаго міра, положеніи церкви Христовой по всей землѣ. Правда, во всѣ времена церковь Христова должна была бороться, но не теперь ли, какъ никогда болѣе усиливаются поражать ее и угнетать? Духъ нечестія и мятежа не возстаетъ ли противъ нея со всѣхъ сторонъ? 14). И вы, церкви востока, пребывающія и не пребывающія въ единеніи, не имѣете ли своихъ опасностей? Духовная свобода ваша не составляетъ ли всегдашней добычи мусульманства? Не окружены ли вы свирѣпыми врагами справа, слѣва и отовсюду? И самый духъ нечестія, колеблющій Европу, теперь, когда пространства уже не существуютъ, не дохнетъ ли даже во глубину Азіи, и эти открытыя для вѣры племена древняго востока, при непрестанныхъ усиліяхъ прессы, столь враждебной религіи, достаточно ли безопасны отъ заразы?

Въ томъ трудномъ положеніи, въ какомъ нынѣ находится церковь Іисуса Христа повсюду, первый долгъ всѣхъ христіанъ положить конецъ разногласіямъ, которыя ослабляютъ и искать въ сближеніи и мирѣ единенія, которое составляетъ силу? Какой епископъ, какой христіанинъ, размышляющій объ этихъ обстоятельствахъ, можетъ сказать: „нѣтъ, раздѣленіе есть благо, а единеніе было бы несчастьемъ!“ Кто, напротивъ, не видитъ, что единеніе, что возвратъ къ единенію, есть вѣрное благо душъ, есть явная воля Божія и послужило бы къ благосостоянію вашихъ церквей. Какія же личныя выгоды, какія чело-

---

притязаній на духовное и мірское преобладаніе. Да, папамъ нужно уступить намъ во многомъ, а намъ нельзя сдѣлать въ пользу ихъ и одной уступки, не измѣнивъ ученію Христову, апостольскому, вселенскому. *Прим. редак.*

14) Гдѣ это? гдѣ? Во франціи, въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Англіи,—словомъ по преимуществу въ тѣхъ странахъ, гдѣ властолюбіе и деспотизмъ, жадность и роскошь Рима вѣками готовили раздраженіе народовъ, которое отъ ненавистныхъ лицъ перенесено на самыя святыя и спасительныя истины вѣры.

вѣческія побужденія могутъ быть выше сихъ великихъ интересовъ сихъ священныхъ обязанностей? Ваши отцы, великіе вселенскіе учители: Аѳанасій, Григорій Назіанзинъ, Василій Великій, 15) Кириллъ, Златоустый, находили труднымъ преклонять свое увѣнчанное славою чело предъ тѣмъ, котораго они называли твердымъ и неподвижнымъ камнемъ, на которомъ Спаситель создалъ свою церковь 16). Когда бъ жили они теперь не попрялиль бы они ногами эту независимость, которая не по духу Христа, не отвергли-ль-бы они всѣ наущенія слѣпой гордыни? Если минувшіе вѣка впали въ ошибку, ужели нужно, чтобъ эта ошибка длилась безконечно?

Но время, если бы вы, наши восточные братья, внимали его урокамъ, не преподаетъ ли вамъ важныхъ наставленій? Вы, которыхъ тѣснитъ съ одной стороны деспотизмъ, съ другой магометанство, можете ли вы, наконецъ, не видѣть опасностей отдѣленія и пагубныхъ послѣдствій разрыва 17).

Боже меня сохрани отъ всякаго слова, которое могло бы вамъ показаться сколько нибудь обиднымъ, меня, который иду на встрѣчу вамъ съ распростертыми объятіями любви Христовой.

Но за всѣмъ тѣмъ, стану ли размышлять о злосчастныхъ племенахъ, которыхъ сердца и земли сдѣлались безплодными

15) Да, Василій Великій уже жаловался на гордыню римскихъ папъ и не ожидалъ отъ нихъ ничего добраго для востока.

16) Въ вѣкъ сихъ великихъ учителей христіанства вовсе не было антихристіанскаго ученія о верховномъ главенствѣ папъ, объ ихъ свѣтской власти и непогрѣшимости.

17) Какъ ни желательно благодѣтельное единеніе въ вѣрѣ, о которомъ непрестанно молится православная церковь, но оно не возможно, доколѣ римскій папа не отречется отъ заблужденій властолюбія, и не покается въ нихъ предъ цѣлымъ міромъ. Авторъ приписываетъ гордыни независимость отъ Рима востока въ дѣлахъ вѣры. Но кого справедливѣе укорять въ этомъ порокѣ, если не того, который всѣми неправдами, наперекоръ воплямъ евангелія, вѣковымъ свидѣтельствамъ и урокамъ исторіи, домогается, чтобы его признали властелиномъ христіанскаго міра? Вожделѣнно единеніе во Христѣ Іисусѣ; но что пріобрѣлъ бы востокъ, подчинившись папѣ; ибо въ этомъ смыслѣ только и хотятъ отъ восточныхъ христіанъ храненія? Ничего болѣе, какъ только сдѣлался бы участникомъ всегда опаснаго антагонизма между церковію и обществомъ.

подъ тяжкимъ ярмомъ исламизма, обращу ли мои взоры на эти народы Россіи, народы благочестивые, народы строгіе въ своихъ нравахъ, народы, которые пребываютъ въ вѣрѣ Христовой 18).... Я чувствую себя тронутымъ до глубины души и молюсь за столько народовъ, достойныхъ искренняго участія и живѣйшаго состраданія. О, вы, отпадшіе братья востока греки, сирійцы, арменіане, халдеи, болгары, россіяне, славяне и всѣ, которыхъ не умѣло назвать, вотъ идетъ къ вамъ католическая церковь съ распростертыми объятіями, идите же къ ней, о братья наши!

Она готова собраться вся въ едино со всѣхъ концовъ оби-

---

18) При всемъ желаніи, въ качествѣ переводчика, держаться буквы подлинника, мы не могли не выбросить съ негодованіемъ слѣдующихъ за симъ строкъ; до того онѣ возмутительны! Папистъ въ нихъ выражаетъ сочувствіе къ Польшѣ, надѣлившей весь міръ скитальцами, и крамольниками, и при этомъ позволяетъ себѣ дерзко отозваться о нашемъ Государѣ освободителѣ, котораго Всевышній видимо сохраняетъ отъ всякаго зла и направляетъ его умъ и сердце ко всякому благу и истинѣ. Не знаетъ, видно, какія чувства возбуждаетъ онъ своимъ кощунствомъ въ сердцѣ каждаго русскаго, который съ молокомъ матери всасываетъ безпредѣльную любовь съ своему царю, олицетворяющему для насъ мудрость и силу, величіе и славу отечества. Мы не мѣшаемъ орлеанскому епископу цѣловать туфлю папы; но ни одно его слово, оскорбительное для нашей матери церкви и обожаемаго Монарха не оставимъ безъ заявленія полнѣйшаго негодованія.

Авторъ называетъ нашъ народъ благочестивымъ, строгимъ въ своихъ нравахъ. Кто жъ воспиталъ это благочестіе, эту строгость нравовъ? Не она ли кроткая и благопечительная наша матерь православная церковь, которую вы считаете въ уничиженіи только потому, что она не желаетъ раболѣпствовать папѣ? Вы сами сознаетесь, что духъ нечестія растлѣваетъ Европу и что заразительное вѣяніе его можетъ пагубно коснуться и востока. Къ несчастію, эта язва, дѣйствительно, заносится къ намъ то посредствомъ произведеній безбожной мысли, то чрезъ голодныхъ искателей приключеній, то въ слѣдствіе международныхъ сношеній и столкновеній. Кто жъ создалъ у васъ этотъ духъ? Тевтоны, англы, саксы, бритты, галлы—не были ль по природѣ своей набожны и строги въ нравахъ?.. А лишь только вошли въ единеніе съ вами язва нечестія заразила и ихъ. Если вы у себя безсильны бороться съ нею, не можете остановить ее, ослабить, уничтожить, то какой помощи противъ нея можетъ отъ васъ ожидать востокъ?

таемаго міра, съ нашего запада, съ вашего востока, съ новаго свѣта, съ острововъ отдаленныхъ епископы придутъ на голосъ верховнаго главы въ Римъ, къ центру единенія. Чтожъ? Она пламенно желаетъ, чтобы вы участвовали въ ея собраніи, придите, о, братья наши!

Вотъ одинъ изъ тѣхъ торжественныхъ рѣдкихъ случаевъ, для которыхъ нужны вѣка, чтобы встрѣтить что либо подобное; католическая церковь предлагаетъ вамъ миръ: мы просимъ васъ прибыть на сей всеобщій соборъ, какъ ваши предки прибывали на соборъ ліонскій и на соборъ флорентійскій, дабы возобновить единеніе и миръ. Ужели вы откажетесь сдѣлать одинъ шагъ къ намъ и упустите столь благопріятныя обстоятельства? И кто пожелаетъ принять на себя столь тяжкую отвѣтственность? Придите же, о, братья наши!

Сердце церкви Іисуса Христа не измѣнилось; но времена измѣнились и тѣ грустныя причины, которыя сдѣлали тщетными усилія нашихъ отцовъ, благодаря Бога, уже не существуютъ. О, придитежъ, наконецъ, вы, наша братья, придите всѣ до единаго!

Что касается насъ, мы питаемъ несомнѣнную (напрасную!) надежду и каковы бы ни были противодѣйствія, которыя встрѣтятся на первыхъ порахъ, намъ кажется, все подготовлено къ великому возврату. „Римъ, писалъ нѣкогда Боссюетъ, не престаетъ взывать къ самымъ отдаленнѣйшимъ народамъ, приглашая ихъ къ пиру единенія, и вотъ на сей материнскій призывъ восколебались предѣлы востока и, кажется, хотятъ породить новое христіанство!“

О, Боже! удостоимся ли мы видѣть такое торжество? Какая была бы тогда радость для Твоей церкви, среди столькихъ ожесточенныхъ бореній и горькихъ скорбей! Какая была бы радость для церкви на небеси и въ особенности для твоихъ, восточная церковь, святыхъ и великихъ учителей, „когда бы, какъ говоритъ святой отецъ, они узрѣли съ высоты небесъ единеніе съ апостольскимъ престоломъ, центромъ католической истины и единства, единеніе, которое, во всю свою земную жизнь усильно поддерживали и укрѣпляли всѣми писаніями, и неутомимыми трудами и примѣромъ, дыша любовію, которую Духъ Святый вливалъ въ ихъ сердца, любовію къ тому, Кото-

рый соединилъ и примирилъ всѣхъ цѣною своей крови, Который восхотѣлъ, чтобы признакомъ его учениковъ былъ миръ и единеніе и Который возносилъ къ Отцу небесному такую молитву: *да будутъ и сіи едина, якоже азъ въ тебѣ и ты во мнѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ.*"

Таковъ языкъ церкви, истинной церкви Іисуса Христа, которая одна изъ всѣхъ христіанскихъ обществъ взываетъ какъ матерь, ища возврата своихъ дѣтей.

Вотъ почему также верховный первосвященникъ, обратившись сперва къ отпадшимъ на востокѣ, обращается потомъ къ другимъ христіанскимъ обществамъ не католическимъ, простирая столь же настойчивый призывъ ко всѣмъ нашимъ братьямъ протестантамъ.

„Протестантизмъ! Ахъ! восклицалъ нѣкогда Боссюэтъ, въ своей пламенной любви, въ своихъ горячихъ желаніяхъ единства, вся наша внутренность возмущается при этомъ словѣ церковь всегда, какъ матерь не можетъ воздержаться при этомъ воспоминаніи отъ горькихъ стенаній."

Эти-то стенанія и эти желанія снова слышны въ апостольскомъ посланіи святаго отца ко всѣмъ протестантамъ и не католикамъ, которое написалъ онъ непосредственно послѣ отзыва своего къ епископамъ восточнымъ, и въ которомъ, оплакавъ бѣдствія раздѣленія и, показавъ великое благо единства, желаемаго нашимъ Спасителемъ, убѣждаетъ, проситъ всѣхъ отдѣлившихся отъ него христіанъ снова присоединиться къ стаду Христову. „Во всѣхъ нашихъ молитвахъ и прошеніяхъ продолжаетъ онъ, мы никогда не перестаемъ смиренно испрашивать для васъ, день и ночь, небеснаго озаренія и обилія благодати у вѣчнаго Пастыря душъ и, съ распростертыми объятіями, ждемъ возврата заблудшихся нашихъ чадъ."

Вотъ что говоритъ святой отецъ, а съ нимъ и вся церковь. Что жъ? Ужели вѣчно будемъ мы напрасно ждать и молить и дѣло возврата ужели такъ трудно, какъ многіе думаютъ?

Я знаю, что предубѣжденія еще очень сильны, и затрудненіе, которое встрѣчаетъ, въ благородной Англіи, дѣло медлительной справедливости, служитъ, въ числѣ многихъ другихъ тому доказательствомъ; но именно соборъ и можетъ разсѣять множество недоразумѣній и, умиротворивъ страсти приготовить поворотъ умовъ.

Кто станетъ обвинять меня въ мечтательности, тому я отвѣчу, что между тѣми изъ нашихъ отдѣлившихся братій, которыхъ не уноситъ мутный потокъ раціонализма съ каждымъ днемъ умножается число оплакивающихъ разрывъ. Ссылаюсь въ этомъ случаѣ на Англію, ссылаюсь на Америку; скажу еще, что мнѣ самому не разъ случалось получать письма по этому предмету, весьма печальнаго содержанія, въ этихъ письмахъ тоскующія сердца, съ глубокими стенаніями призываютъ тотъ день, когда исполнится слово Господне, „будетъ едино стадо и единъ пастырь." Гдѣ же сказано, что этотъ день не придетъ никогда? Ужели раздѣленія необходимы? И почему жъ бы не выпасть на нашу долю, встрѣтить время, которое предвидѣлъ и привѣтствовалъ Боссюэтъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь догматическія затрудненія весьма важны, но онѣ исчезаютъ, какъ только устраняется важнѣйшее изъ всѣхъ *),—это отрицаніе всякаго учительнаго авторитета въ церкви; это неограниченная свобода изслѣдованія, которая волей не волей—смѣшивается съ началомъ раціонализма. Чрезъ это, въ самомъ дѣлѣ, протестантизмъ носитъ въ самомъ сердцѣ первородный недугъ радикальной непослѣдовательности, которую оплакиваютъ, въ средѣ нашихъ отдѣлившихся братій, самые свѣтлые и основательные умы (Овербекъ?); это и подаетъ намъ надежду, покрайней мѣрѣ, на болѣе числительныя частныя присоединенія; а можетъ быть, Богъ дастъ, послѣдуютъ и большія сближенія, общія.

Когда этотъ главный пунктъ рѣшенъ, а рѣшеніе его и по здравому смыслу очень просто, все остальное исчезнетъ. Разумъ съ очевидностью говоритъ, что Іисусъ Христосъ не могъ и не желаетъ устроять свою церковь безъ этого существеннаго начала твердости и единства, иначе христіанство было бы не въ состояніи существовать и продолжаться неизмѣнно, и религія, была бы брошена на произволъ всѣмъ измѣнчивостямъ индивидуальныхъ толкованій. Это очевидно само по себѣ, безъ всякаго текста.

Но есть тексты, которые для здравыхъ умовъ, помимо всѣхъ словопреній, въ равной степени служатъ основаніемъ для

*) Именно: непогрѣшимость, главенство и свѣтская власть папъ. *Ред.*

всего. Приведу только три, первый: ты еси Петръ, здѣсь основаніе первенства святаго Петра какъ главы церкви; второй: сіе есть тѣло мое, здѣсь ученіе о евхаристіи; и третій: се мати твоя, здѣсь ученіе о пресвятой Дѣвѣ. Можете ли вы изгладить въ евангелія эти три выраженія **)? Довольно ли размышляли вы объ нихъ и о многихъ другихъ, не менѣе ясныхъ?

Затѣмъ отъ евангелія перейдите къ исторіи, отъ текстовъ къ фактамъ. Что вамъ недостаетъ жизненной стихіи совершеннаго христіанства, въ этомъ не громко ли удостовѣрили васъ событія? Кажется вы имѣли довольно времени съ одной стороны основательно изучить виновниковъ разрыва, съ другой взвѣсить пагубныя послѣдствія этого разрыва. Три столѣтія вы предъ лицомъ евангелія, три столѣтія вы предъ лицомъ исторіи. Чтожъ? Три протекшія столѣтія ужели не преподали вамъ новаго и торжественнаго объ этомъ капитальномъ предметѣ урока? Начало протестанства развиваясь само изъ себя, принесло свои плоды и предсказанія нашихъ католическихъ учителей, выраженныя въ древнихъ спорахъ, сбываются каждый день предъ вашими глазами. Современный протестантизмъ все болѣе и болѣе превращается въ раціонализмъ. Весьма многіе изъ представителей, по собственному ихъ сознанію, уже не признаютъ сверхъестественной вѣры и еще такъ недавно послышался изъ среды его крикъ тревоги, отозвавшійся даже въ нашихъ политическихъ собраніяхъ: но этотъ крикъ потерялся въ воздухѣ. Это разложеніе будетъ продолжаться, не смотря на всѣ благородныя усилія и благочестивое противодѣйствіе, все болѣе и болѣе ниспровергая такое неполное христіанство, которому не достаетъ существенной силы охраняющей,—не достаетъ авторитета. Превратить христіанство въ чистую философію—вотъ къ чему волей не волей—ведетъ современное протестантство. Но изъ самой крайности зла, можетъ произойдти добро. Ознакомившись съ этимъ существеннымъ недостаткомъ, съ этимъ разложеніемъ протестантскихъ церквей, многія души, увлеченныя, но искреннія, желающія еще оставаться христіанами, узрятъ и признаютъ въ соборѣ живое проявленіе могучаго единства католической церкви.

**) Изгладить не можемъ, но толковать слова эти иначе, нежели какъ толкуютъ написты, и можемъ и обязаны. *Ред.*

Есть другая надежда, согласенъ, мало подходящая подъ уровень человѣческихъ вѣроятій, но тѣмъ не менѣе, возможная,—что сами іудеи, чада Израиля, которые живутъ среди насъ, подъ нашими общественными условіями, почувствуютъ нѣчто хватающее за сердце и, можетъ быть, придутъ они, послушные гласу святаго Павла, подъ кровъ церкви. Въ іудеяхъ, въ самомъ дѣлѣ, столь видимо и столь долго наказываемыхъ, я не могу не признать моихъ предковъ по вѣрѣ сыновъ Авраама, соотечественниковъ Іосифа и Маріи, Петра и Павла, не могу не признать тѣхъ, о которыхъ сей послѣдній говоритъ: „имъ божественное усыновеніе, и слова, и завѣтъ, и законъ, и обѣтованія и патріархи, отъ коихъ и Христосъ по плоти. Богъ благословенный надъ всѣми во вѣки вѣковъ. (Рим. IX, 4—5).

И такъ прошу ихъ увѣровать въ того, котораго они ожидаютъ, прошу повѣрить осмнадцати столѣтіямъ исторіи, ибо исторія, какъ пятое евангеліе, доказываетъ пришествіе и божество Мессіи. Не удивляйтесь, господа, если я вполнѣ сострадаю протестантамъ, грекамъ и евреямъ, и кажусь жестокосердымъ въ отношеніи изобрѣтателей современнаго невѣрія. Я умѣю различать заблужденія начинающихъ отъ тѣхъ, коимъ приходитъ конецъ, различать отвѣтственныхъ виновниковъ, злодѣевъ, которые умышленно сѣютъ заблужденія, отъ невинныхъ жертвъ, которыя вѣками закоснѣли довѣрчиво въ своихъ заблужденіяхъ. Какъ не быть мнѣ тронутымъ до слезъ при видѣ народовъ моей родины, при видѣ этихъ мастеровыхъ, этихъ земледѣльцевъ, столь трудолюбивыхъ, столь достойныхъ всякаго сочувствія,—этой молодежи нашихъ учебныхъ заведеній, которыхъ пылкій умъ призываетъ истину и которые впадаютъ прежде чѣмъ начнутъ сознавать себя въ злодѣйскія руки коноводовъ заблужденія? Когда за нѣсколько лѣтъ предъ симъ оживленіе вѣры было столь замѣтно и, казалось, совершился рѣшительный поворотъ къ лучшему,—вдругъ, Богъ вѣстъ откуда, нашли мрачныя тучи и пропасти открылись, удушливый вѣтеръ безбожныхъ ученій, при содѣйствіи летучей прессы, сдѣлался такъ силенъ, что прекрасная ладья вѣры и счастья Франціи, готова была потонуть при самомъ выходѣ изъ пристани. Ахъ! я проклинаю виновниковъ такого варварскаго

потопленія, тогда какъ я только сожалѣю о тѣхъ откровенныхъ душахъ, которыя вижу въ средѣ нашихъ отдѣлившихся братій, которыя рождены въ заблужденіи, но не рождаютъ его. Съ какою любовію я простираю къ симъ плѣненнымъ душамъ мои братскія объятія! Пусть возвратятся онѣ въ церковь, ибо она сохраняетъ для нихъ Іисуса Христа, Бога всякой истины и зоветъ ихъ на семейный пиръ вѣры.

Пусть же предстоящій соборъ, дѣло умиротворенія и просвѣщенія, приблизитъ наконецъ къ намъ эти столь многія души, которыя принадлежатъ намъ уже по ихъ искренности, по ихъ добродѣтелямъ и нѣкоторыя, какъ я знаю, и по ихъ влеченіямъ. По крайней мѣрѣ пусть это будетъ желаніемъ всѣхъ католиковъ. Да, откроемъ наши сердца всецѣло для нашихъ возлюбленныхъ братій и будемъ, вмѣстѣ съ святымъ отцемъ, желать, чтобы будущій соборъ сдѣлался могучимъ и благополучнымъ усиліемъ къ единенію и будемъ возносить къ небу непрестанно сію молитву Господа: „да будутъ едина, якоже и мы.“

VIII.

Католическая церковь.

О вы, къ которымъ, по долгу моего званія, я обязанъ обращаться благовременно и безвременно иногда съ суровымъ словомъ на устахъ, но всегда съ любовью въ сердцѣ,—вы противники моей вѣры, кто бы вы ни были: философы, протестанты, индиффарентисты, желалъ бы я, чтобы слово мое дошло і до васъ, несчастные язычники, погрясшіе въ заблужденіяхъ тяготѣющихъ еще надъ цѣлою половиною земнаго шара! О братья мои! какъ-бы я хотѣлъ дать вамъ хоть на минуту вкусить пренебеснаго мира, которымъ наслаждаются живущіе и умирающіе въ объятіяхъ святой католической церкви! Будьте мнѣ свидѣтелями вы, которые несете тѣже обязанности священства и всѣ вы вѣрные христіане всякаго званія, пола возраста! Когда чувствуешь вокругъ себя такой свѣтъ, питаешь несомнѣнно такія надежды, когда видишь впереди себя цѣлый сонмъ святыхъ, которыхъ небесную славу привѣтствуетъ церковь съ земли, видишь себя въ связи, чрезъ апостольское преемство, со всѣми христіанскими сынами, видишь себя н

конецъ утвержденнымъ въ Іисусѣ Христѣ, какая радость, какое сообщество, какая сила, какое спокойствіе увѣренности и знанія!

Я убѣжденъ, и каждый день представляетъ новое этому доказательство, судя по воплямъ противъ насъ,—иные думають, что насъ проклинаютъ; нѣтъ! господствующее чувство у нашихъ враговъ—не всегда ненависть, а другое чувство, которое стараются скрыть, которое, однакожъ чаще всего овладѣваетъ ими,—это зависть. Да, они часто завидуютъ намъ—безбожники, даже въ то самое время, когда поносятъ христіанина, невольно говорятъ втайнѣ: „какъ онъ счастливъ!"

Не вѣрьте также, господа, тѣмъ, которые говорятъ о церкви, что ея священный ликъ обезображенъ клеветою и что люди начинаютъ видѣть въ ней не болѣе, какъ провозвѣстницу тираніи и невѣжества. Правда, эти предразсудки вкоренились и несомнѣнно имѣютъ свою силу; наши враги и наши ошибки распространяютъ ихъ. Но церковь, вопреки всего этого, и вселенскій соборъ явитъ предъ всѣмъ міромъ новое доказательство, что она тѣмъ неменѣе—невѣста Христова чистая, непорочная. И кто изъ тѣхъ, которые нападаютъ на нее можетъ сказать, положа руку на сердце, что она сдѣлала кому либо зло? „Людіе мои, что сотворилъ вамъ"?

Зло! Обитатели городовъ и селеній не ей ли обязаны вы невинностью вашихъ дѣтей, вѣрностью вашихъ дѣтей, вѣрностью вашихъ женъ, честностью сосѣдей, правотою вашихъ законовъ, самыми праздниками и увеселеніями въ вашей однообразной жизни и самыми украшеніями вашихъ скромныхъ жилищъ, а надежды за гробомъ, свѣтлыя чаянія будущей жизни? Не это ли зло сдѣлали та, которую богохульно называете врагомъ человѣческаго рода?

А если бы умѣли вы подняться выше вашей личности, выше вашего интереса, вашей деревни; если бы мысли ваши могли восходить выше дыма отъ вашихъ очаговъ, какое зрѣлище представила бы вашимъ взорамъ вселенская церковь, столь великая и столь благодѣтельная даже въ узкой рамкѣ исторіи каждаго изъ насъ,—но несравненно болѣе великая и благотворная въ исторіи трудоваго развитія человѣческаго общества. Неразлучная спутница человѣка на землѣ, она страждетъ и ра-

тоборствуетъ вмѣстѣ съ нимъ, она присуща была человѣчеству вдохновляла и руководила его во всѣхъ какъ скорбныхъ, такъ и славныхъ преобразованіяхъ. Это она изъ самаго глубокаго языческаго развращенія успѣла произвести на свѣтъ добродѣтели, которымъ до того времени не вѣдали даже названія, это она умѣла породить души такой чистоты, такой возвышенности и благородства, что и до сихъ поръ предъ ними міръ невольно преклоняетъ колѣна. Это она укротила и образовала варваровъ, она, въ періодъ долгаго и труднаго средневѣковаго пороржденія нынѣшнихъ обществъ, мужественно одолѣла зло и ускорила прогрессъ. Она ещё и нынѣ поможетъ вамъ, неблагодарныя современныя общества, если только вы окончательно не разойдетесь съ нею,— поможетъ отдѣлить отъ подавляющихъ васъ смѣшанныхъ и смертоносныхъ элементовъ сѣмена жизни, поддерживая и утверждая вѣчныя истины, которыя однѣ могутъ сохранить васъ.

Ахъ, господа! еще не довольно узнали люди, что такое вселенская церковь! Живутъ въ ней, составляютъ ея часть и однакожъ слишкомъ мало знаютъ ее; не знаютъ что она была, что есть она для міра; Богъ далъ ей особенное назначеніе, надѣлилъ ее живыми силами, предоставилъ ей божественныя преимущества, чтобы вѣчно могла она выполнять свою задачу на землѣ,—поддерживать здѣсь истину и добро, науку и добродѣтель и быть всегда, по выраженію апостола, „столпомъ и утвержденіемъ истины."

По истинѣ, я никогда не слыхалъ, чтобы кто либо сталъ порицать фундаментъ за то, что онъ неподвиженъ. Что сталось бы съ зданіемъ если бы фундаментъ его колебался? Зачѣмъ же нарекаете вы на церковь, что она неподвижна, какъ будто эта неподвижность не для васъ же благодѣтельна? Гдѣ были бы вы, если бы были такія-же потрясенія истины какія бываютъ потрясенія земли? Тогда какъ вы разгоняете, мы собираемъ; тогда какъ вы губите, мы охраняемъ. Мы можемъ сказать вашимъ доктринамъ: мы знали васъ въ Александріи, Аѳинахъ, знали васъ и вашихъ матерей, сестръ и друзей. Церковь можетъ говорить народамъ: Франція, ты образована и ими епископами, которыхъ именами названы твои стогны города! Англія скажи, кто тебя возвеличилъ и почему наз

на ты „Островомъ Святыхъ“? Германія! непосланный ли отъ меня святый Бонифатій ввелъ тебя въ цивилизацію запада? И ты, Россія, гдѣ-бы ты была безъ моихъ (не вашихъ!) Кирилла и Меѳодія Цари! я знала вашихъ предковъ,—потому что я древнѣе Гибсбурговъ, Бурбоновъ, Романовыхъ, Гогенцоллерновъ, Бонапартовъ, Карильяновъ,—я видѣла, какъ умирали Цезари, Антонины. И завтра, и всегда я буду тоже. Безъ средствъ, безъ крова, безъ опоры,—вы скажете? И это можетъ быть, сто разъ я уже проходила подобныя испытанія, и всегда готова обратиться къ народамъ съ кроткимъ словомъ Іисуса къ Закхею: „другъ мой, завтра я побываю у тебя.“ Если я оставлю на время Римъ, я проживу въ Лондонѣ, въ Нью Іоркѣ, въ Парижѣ. Только церковь и солнце съ достовѣрностью могутъ утверждать, что и завтра, и всегда увидятъ ихъ восходъ. Это именно и доказываетъ церковь, назначая соборъ среди смятеній настоящаго времени.

Чудное зрѣлище, которому нашъ вѣкъ не хотѣлъ бы удивляться, но котораго неоспоримое величіе онъ долженъ признать! Да, утомленные взоры, съ непреодолимымъ влеченіемъ обращены на этотъ величественный столпъ, который одинъ уцѣлѣлъ и возвышается среди развалинъ прошедшаго, при современной нивеллировкѣ всѣхъ величій человѣческихъ. Самые индиффарентисты—и тѣ смущены, изумлены, потрясены, видя, что церковь такимъ великимъ актомъ заявляетъ свою безсмертную силу, и многіе переизслѣдовавъ всѣ доктрины, невольно должны сказать ей то, что сказалъ Петръ апостолъ: „*Господи! къ кому идемъ? глаголы живота имамы.*“

Внемлите симъ словамъ жизни, вы, которые сомнѣваетесь, которые изслѣдуете, и вы, которые страждете! Внимайте и вы, которые торжествуете, наслаждаетесь, которые угнетаете людей! Внимайте словамъ, которыя вселенская церковь каждодневно при восходѣ солнца повторяетъ устами своихъ дѣтей:

„Вѣрую во единаго Бога Вседержителя, Творца. Вотъ, вамъ, ученые, отвѣтъ на ваши недоумѣнія.“

„Вѣрую во единаго искупителя міра, который рожденіемъ своимъ освятилъ цѣломудріе, своимъ ученіемъ посрамилъ гордость; своими страданіями низложилъ неправду, своимъ воскресеніемъ явилъ міру свое божество и наше безсмертіе,—

вѣрую во Іисуса Христа"! Вотъ вамъ, бѣдные страдальцы, вамъ, несчастные угнетенные народы, отвѣтъ на ваши отчаянія.

„Вѣрую въ Духа Святаго, во святую соборную и апостольскую церковь, въ воскресеніе мертвыхъ и вѣчную жизнь. Вотъ вамъ, протестанты и философы, столь несогласные въ своихъ ученіяхъ, столь нищіе надеждами,—вотъ вамъ отвѣтъ на ваши состязанія! Вотъ вамъ, гнетущія власти, отвѣтъ на ваши неправды; вотъ и тебѣ, о, смерть неумолимая, отвѣтъ на твои ужасы.

Любить, надѣяться, вѣровать. Все въ этомъ, и одна церковь бережете для людей эти сокровища во всей чистотѣ и неприкосновенности.

Но перестанемъ разглагольствовать, перестанемъ спорить, братья, перестанемъ опасаться, а лучше, преклонивъ колѣна, помолимся:

Боже! ты одинъ вѣдаешъ тайны твоего промышленія и знаешь, какія чудеса еще должна церковь явить міру; дай-же чтобы страсти и заблужденія человѣческія непоставили ей преграду.

Боже! Если бы вѣра и общество, опираясь одна на другое, могли въ единодушіи продолжать ихъ благотворное шествіе, какъ-бы это ускорило устроеніе твоего царства на землѣ, какъ-бы пособило это истинному прогрессу народовъ и свободѣ, задушевному братству людей, къ прекращенію смятеній и войнъ и миру вселенной! Ахъ! тогда могла бы начаться новая эра и наступилъ бы новый великій вѣкъ въ исторіи.

Дадимъ-же мѣсто въ нашей душѣ этимъ свѣтлымъ надеждамъ и будемъ испрашивать у Бога всѣхъ благъ, а бѣды будемъ предвидѣть лишь для того, чтобы предотвратить ихъ по возможности. Пусть знаютъ, по крайней мѣрѣ, что вѣрные христіане суть люди не отчаянія, не зловѣщихъ предсказаній, не возмутительныхъ замысловъ, но люди любви, благородныхъ надеждъ, мирныхъ усилій и въ тоже время геройскаго ратоборства!

Призовемъ святыхъ Петра и Павла, призовемъ дѣву Марію, матерь Іисуса, славу и небесную покровительницу семьи человѣческаго рода и, соединенные души со всѣми святыми, помолимся присноприкланяемой Тройцѣ, царствующей на небесахъ; помолимся, чтобы соборъ могъ совершить свое дѣю,

чтобы христіанскіе народы не отринули этого послѣдняго усилія, которое дѣлаетъ церковь, чтобы пособить имъ. Пусть свѣтъ озаритъ умы и сердца умиротворятся; пусть разъяснятся недоразумѣнія, искоренятся предразсудки, уничтожатся всѣ поводы къ столкновеніямъ, пусть снова процвѣтетъ христіанство, а съ нимъ и цивилизація міра; пусть свершится долго ожидаемое соединеніе всѣхъ!

Помолимся о томъ, чтобы цари, по желанію и согласно формальному требованію, съ которымъ обратился къ намъ святой отецъ, отбросивъ напрасныя подозрѣнія, облегчили предоставленіемъ полной свободы епископамъ, будущее собраніе церкви и дали ей мирно окончить свое дѣло.

Помолимся, чтобы и народы, въ свою очередь, оцѣнивъ чадолюбивыя намѣренія церкви и, закрывъ свой слухъ для злобныхъ клеветъ, ждали съ довѣріемъ и съ покорностью приняли слово своей матери!

Помолимся, чтобы и отъявленные враги ея прекратили свои подозрѣнія, свои нападки, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ пока она на соборѣ, по вдохновенію духа Божія, выразитъ свои постановленія, коихъ мудрость и милосердіе тронетъ и ихъ безъ сомнѣнія.

Помолимся, чтобы всѣ честные люди: ученые, политики, отцы семействъ, люди труда и ратныхъ подвиговъ, кои еще не озарились свѣтомъ Христовымъ, чтобы всѣхъ ихъ коснулся живительный лучь его.

Помолимся, чтобы нетерпѣливыя желанія стольких матерей, сестръ, супруговъ, дочерей, которыя скромно сохраняютъ чистоту и неприкосновенность ихъ семействъ, не будучи иногда въ состояніи низвести въ оныя вѣру, чтобы ихъ желанія были услышаны.

Помолимся, наконецъ, чтобы востокъ и западъ сблизились навсегда, и наши отпадшія братья, наскучивъ раздоромъ, который ихъ ослабляетъ, отвѣтили на громкій зовъ святой церкви полнымъ сочувствіемъ и бросились бы въ наши объятія, простертыя къ нимъ уже три столѣтія.

Помолимся, чтобы и церковь въ своихъ вѣрныхъ, въ своихъ служителяхъ, съ каждымъ днемъ возвышалась и усовершенствовалась въ непорочности, въ познаніяхъ и любви, чтобы

наши, братья мои, недостатки не полагали преграды царству Божію, которое мы обязаны научить искать и любить.

Наконецъ помолимся за святаго отца. Храни его, о, Боже! для твоей церкви; пусть сей великій первосвященникъ, неубоявшись подъ бременемъ преклонныхъ лѣтъ, предпринять столь трудное дѣло собора, увидитъ и благополучное его окончаніе. Пусть онъ послѣ стольких, мужественно перенесенныхъ искушеній, насладится торжествомъ церкви прежде, чѣмъ приметъ воздаяніе своихъ подвиговъ и добродѣтелей.

МѢСТЕЧКО ОЛЫКА.

Мѣстечко Олыка, съ тремя прилегающими къ нему предмѣстьями: Турчиномъ, Залесочемъ и Миловицей, находится въ Дубенскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, на сѣверовосточной его сторонѣ, при впаденіи рѣчки Миловички въ Путыловку; Олыка лежитъ почти посрединѣ между тремя уѣздными городами: Дубномъ, Ровномъ и Луцкомъ.

При въѣздѣ въ Олыку со стороны г. Ровна издали видъ этого мѣстечка довольно живописный. Предъ вами виднѣются: великолѣпный старинный костелъ, каменный громадный древній замокъ князей Радзивилловъ съ брамами и башней, бѣленькая, чистая церковь; тамъ и сямъ разбросанные чистенькіе домики мѣщанъ, окруженные садами, сребристая поверхность спокойно дремлющихъ прудовъ, холмы и вьющіяся между ними рѣчки.

Но когда вы приблизитесь къ самому мѣстечку, оно представтанетъ предъ вами въ своемъ настоящемъ видѣ; вы увидите, что Олыка похожа на другія мѣстечка Волынской губерніи, наполненныя евреями; въ немъ нѣтъ даже порядочнаго заѣзжаго дома, вездѣ евреи; здѣсь царствуетъ совершенная тишина, торговли почти никакой. Впрочемъ, здѣсь, въ день святыхъ Косьмы и Даміяна (1 ноября) бываетъ порядочная ярмарка; здѣсь и особенно на Полѣсьѣ есть пословица на счетъ ярмарокъ Олыкскихъ: „*Олыка на лыка;*" и дѣйствительно полѣшуки привозятъ въ Олыку множество лыкъ на обшивку возовъ, саней, много лычаковъ *)—и жители не Полѣсья: крестьяне и евреи

*) Родъ башмаковъ изъ лыкъ.

пріѣзжиютъ часто въ Олыку единственно для того, чтобы накупить здѣсь лыкъ.

Олыка принадлежитъ князьямъ Радзивилламъ; въ немъ числится жителей обоего пола: мѣщанъ христіянъ 637 душъ, евреевъ 2026, крестьянъ собственниковъ 120, военнаго вѣдомства 55, духовныхъ 12 душъ.

Въ Олыкѣ церквей двѣ: одна каменная, другая деревянная, костелъ каменный одинъ при немъ каплица, еврейская синагога деревянная одна и молитвенныхъ домовъ 6.

Замокъ въ Олыкѣ-зданіе большое, мрачное; замокъ этотъ стоитъ три столѣтія,—онъ заложенъ былъ въ 1564 году; онъ построенъ въ квадратъ—съ одной стороны въ три этажа, а съ трехъ въ два,—извнѣ нижній этажъ защищенъ валомъ,—далѣе каменная стѣна—и каналъ, обложенный камнемъ, наполненный водою. По угламъ замка были бастіоны круглые и квадратные—о двухъ этажахъ съ круглыми стрѣльницами.—На обширный дворъ замка ведутъ двое воротъ—на однихъ изъ нихъ со стороны Турчина была башня, на которой находился орелъ Радзивилловъ. Въ этомъ замкѣ до 1793 года былъ всегда гарнизонъ князей Радзивилловъ—и пушки. Рѣдко гдѣ можно видѣть такъ вполнѣ сохранившійся оборонный замокъ, какъ Олыкскій; ему недостаетъ только пушекъ, подъемныхъ мостовъ и войска.

Кромѣ замка, мѣстечко защищалъ земляной валъ, остатки котораго и теперь еще видны, въ немъ было двое воротъ каменныхъ съ гербами Радзивилловъ и нѣсколько стрѣльницъ въ разныхъ мѣстахъ.

Замѣчателенъ въ Олыкѣ костелъ; зданіе это каменное, величественное, окончено оно въ 1640 году; въ костелѣ этомъ одинадцать мраморныхъ алтарей; капители колоннъ мраморныя, а также и статуи изъ мрамора. Архитекторомъ его былъ италіянецъ Іоаннъ Маливерна, въ склепахъ костела находятся гробы князей Радзивилловъ; при входѣ къ нимъ есть портретъ основателя костела, князя Станислава Радзивилла.

Въ Олыкѣ было еще одно замѣчательное зданіе ратуши—съ башней; архитектура его очень красивая; теперь оно въ развалинахъ.

Олыка отъ помѣщиковъ Кишковъ перешла къ Радзивилламъ.

Около 1513 года, Анна дочь Станислава изъ Цѣхановца Кишки, маршала великаго княжества Литовскаго, вышедши въ замужество за Яна Радзивилла Бородатаго, принесла ему въ приданное имѣнія: Олыку, Несвѣжь и Ляхву. Сынъ Яна Бородатаго и Анны Янъ Радзивиллъ, крайчій литовскій, первый началъ писаться (1544 г.) на Олыкѣ.—Братъ его Николай, прозванны Чорнымъ (отъ чорныхъ волосъ), получилъ отъ императора Карла V титулъ князя на Несвѣжи, Олыкѣ и Клецкѣ—Sacri Romani Imperii principis, что подтвердилъ и король польскій Сигизмундъ Августъ въ 1549 году. Онъ былъ маршаломъ, воеводой виленскимъ и канцлеромъ великаго княжества Литовскаго; образованіе онъ получилъ въ нѣмецкихъ академіяхъ и путешествовалъ почти по всей Европѣ.—Онъ былъ большимъ противникомъ уніи Литвы съ Польшей. Еще въ 1553 году, онъ, возвратившись изъ за границы, открыто отступилъ отъ католицизма и принялъ кальвинское исповѣданіе, увлекши за собою много знатныхъ пановъ литовскихъ. Онъ держалъ при своемъ дворѣ много ученыхъ кальвинистовъ, надѣлялъ имъ имѣніями и чрезвычайно много способствовалъ распространенію протестантизма и аріанизма на Литвѣ и Волыни. Онъ посылалъ въ Олыку кальвинскихъ пасторовъ—и поддерживалъ здѣсь это новое ученіе. Въ послѣдніе годы своей жизни, Николай Чорный Радзивиллъ исключительно занимался дѣлами кальвинизма. Въ 1563 году онъ, на свой счетъ, напечаталъ библію, которая ноcитъ названіе Радзивилловской, или брестской, такъ какъ она была напечатана въ Брестѣ-Литовскомъ.—Библія эта была переведена съ еврейскаго, греческаго и латинскаго языка на польскій и посвящена Сигизмунду Августу; переводчиками ея был[и] ученые иностранцы и поляки; изданіе этой библіи стоило ем[у] болѣе трехъ тысячъ червонцевъ.— Николай Радзивиллъ зал[о]жилъ въ Олыкѣ замокъ въ 1564 году; онъ умеръ въ 1565 го[ду] въ Вильнѣ.

Николай Радзивиллъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ пано[въ] литовскихъ; онъ, кромѣ огромныхъ родовыхъ имѣній, влад[ѣлъ] староствами: брестскимъ, шавельскимъ, ковенскимъ и борисо[в]скимъ—и за нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертію получилъ [въ] даръ отъ короля Сигизмунда Августа имѣнія клецкія, въ [ко]торыхъ было болѣе 16,000 душъ крестьянъ.

При его жизни Олыка была гнѣздомъ кальвиновъ и социніянъ. Сыновья его: Николай Кристофъ Сѣротка, Георгій, Альбрехтъ и Станиславъ были воспитаны въ новомъ ученіи кальвинскомъ. Николай Радзивиллъ на смертномъ одрѣ убѣждалъ старшаго своего сына Николая Кристофа твердо держаться кальвинизма.—Но предсмертныя убѣжденія отца недолго удерживали его и братьевъ его въ кальвинизмѣ. Въ это время, для поддержанія падавшаго католицизма, явились въ Польшу воины папскіе—іезуиты; они напрягли всѣ свои силы, чтобы разбить окончательно въ Польшѣ враговъ католицизма: протестантовъ, кальвиновъ и социніянъ; побѣдивъ ихъ, они объявили войну и православнымъ.— Іезуиты обратили всѣ свои усилія на то, чтобы совратить изъ кальвинизма сыновей Николая Радзивилла; это имъ удалось вполнѣ; всѣ они, бывъ пойманы въ сѣти іезуитскія, отреклись отъ вѣры отцовской, приняли католицизмъ и сдѣлались фанатиками; тогда Олыка изъ гнѣзда кальвинскаго сдѣлалась гнѣздомъ католиковъ.

Николай Кристофъ Сѣротка Радзивиллъ, іерусалимскій рыцарь, маршалъ надворный великаго княжества Литовскаго, окончилъ курсъ наукъ въ лейпцигскомъ университетѣ; по смерти своего отца, онъ, по убѣжденіямъ знаменитаго іезуита Петра Скарги, принялъ католическую религію въ 1570 году и склонилъ къ тому же, при помощи іезуитовъ, и меньшихъ своихъ братьевъ. Въ 1582 году онъ съ іезуитомъ Леонардомъ Пацификомъ и 129 человѣкъ своей свиты совершилъ путешествіе въ Палестину—къ гробу Господню и въ Египетъ; возвратившись изъ этого путешествія, которое онъ описалъ,—Николай Кристофъ Радзивиллъ сдѣлалъ множество богатыхъ записей для костеловъ, ксендзовъ, учащейся молодежи, сиротъ и бѣдныхъ; въ Олыкѣ онъ учредилъ пріютъ для сиротъ; онъ учредилъ также изъ имѣній своихъ и братьевъ своихъ *ординацію на Олыкѣ и Несвѣжи*, которую сеймъ въ 1589 году утвердилъ.

Николай Кристофъ Радзивиллъ истратилъ болѣе 5000 червонцевъ на то, чтобы скупить библію, изданную отцемъ его, и истребить ее. Въ Вильнѣ онъ устроилъ огромный костеръ изъ экземпляровъ этой библіи—и съ большимъ удовольствіемъ фанатика сжегъ ее.

Станиславъ Радзивиллъ, братъ Николая Кристофа, былъ

также маршаломъ великаго княжества Литовскаго и первымъ ординатомъ олыкскимъ. И его іезуиты склонили къ принятію католицизма въ 1575 году и сдѣлали его такимъ набожнымъ и фанатикомъ, что получилъ прозваніе „pobożny.“— Станиславъ Радзивиллъ былъ очень ученый, зналъ много языковъ: латинскій, италіянскій, французскій, нѣмецкій, турецкій, арабскій и славянскій; принявъ католицизмъ онъ тотчасъ изгналъ изъ Олыки и другихъ своихъ имѣній кальвинское духовенство, увеличилъ тамъ число католическаго духовенства и назначилъ на содержаніе его значительныя имѣнія.

Георгій Радзивиллъ, кардиналъ, епископъ краковскій, по смерти своего отца Николая, іезуитомъ Скаргою былъ обращенъ въ католицизмъ и, по старанію іезуитовъ, поступилъ въ коллегію іезуитскую въ Позвани, оттуда отправился въ Римъ, сдѣлался покровителемъ и орудіемъ іезуитовъ и поступилъ въ духовное званіе—и въ 1574 году былъ наименованъ коадъюторомъ епископа виленскаго, а въ 1579 году назначенъ былъ бискупомъ виленскимъ. Вступивъ въ управленіе *діэцезіей*, онъ тотчасъ началъ преслѣдовать дессидентовъ, по наущенію іезуитовъ, отобралъ въ Вильнѣ всѣ типографіи и книжныя лавки отъ кальвиновъ и книги ихъ велѣлъ публично сжигать; кромѣ того, онъ строго запретилъ типографщикамъ литовскимъ распространять сочиненія, направленныя противъ католической религіи. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1600 году и похороненъ въ костелѣ іезуитовъ. Онъ былъ ученый человѣкъ, построилъ много костеловъ и записалъ для виленской академіи два своихъ имѣнія.

Сынъ Станислава Радзивилла Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ, канцлеръ великаго княжества Литовскаго, украсилъ Олыку, построилъ замокъ, обвелъ мѣстечко землянымъ валомъ съ двумя каменными воротами и въ разныхъ мѣстахъ стрѣльницами, учредилъ госпиталь, устроилъ въ 1638 академію bonarum artium и семинарію; зданія, въ которыхъ помѣщались эти заведенія въ 1838 году обрушились, но семинарія отстроена была на счетъ ксендзовъ, академія же отстроена была на счетъ жителей Олыки, въ зданіи этомъ помѣщалось приходское училище до 1846 года. Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ, получивъ разрѣшеніе папы Урбана VIII,—заложилъ въ 1635 году камен-

ный великолѣпный костелъ св. Троицы въ Олыкѣ, существующій тамъ и теперь, украсилъ его мраморомъ, рѣзбой и статуями, пожертвовалъ для него много золотыхъ и серебрянныхъ вещей, поднесъ его на степень коллегіаты; въ 1640 году, 28 августа костелъ этотъ былъ освященъ бискупомъ луцкимъ Андреемъ Гембицкимъ и еще тремя бискупами, при многочисленномъ собраніи ксендзовъ, пановъ и шляхты. При этомъ освященіи находились изъ магнатовъ: Александръ Любомірскій графъ на Висничѣ, жена канцлера Ѳомы Замойскаго, Екатерина изъ князей Острожскихъ и княжна Анна Алоизія Острожская, жена гетмана Яна Карла Ходкевича. Основатель этого костела записалъ для настоятеля костела два селенія: Цѣмѣржинъ и Хромяковъ, а капитулѣ и викаріямъ селенія: Деру, Ставокъ, Нисовицу, Одерады, Тынну и Челибу.

Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ родился въ Олыкѣ 1595 г. и умеръ въ Олыкѣ и погребенъ въ построенномъ имъ костелѣ 1656 года.

Альбертъ Станиславъ Радзивиллъ былъ напитанъ духомъ іезуитскимъ; первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ виленской іезуитской академіи, а окончилъ свое воспитаніе за границей: въ Германіи, Бельгіи, Голландіи, Англіи и Италіи въ тамошнихъ университетахъ. Онъ былъ любимецъ Сигизмунда III, короля польскаго; онъ былъ ученъ, написалъ довольно сочиненій историческихъ и богословскихъ,—былъ набоженъ до ханженства; онъ, какъ іезуитъ, былъ заклятымъ враговъ диссидентовъ. Онъ всѣми способами сопротивлялся желаніямъ диссидентовъ, которые домогались свободы вѣроисповѣданій и равноправности.

Олыка послѣ смерти князя Альберта Радзивилла перешла по наслѣдству къ князю Михаилу—Казиміру Радзивиллу, ординату нѣсвижскому—и эти ординаціи: олыкская и несвижская соединены до настоящаго времени.

Послѣднимъ изъ князей въ прямой линіи на Олыкѣ и Нѣсвижи былъ Доминикъ Радзивиллъ, умершій въ 1813 году.

Послѣ него ординація олыкская и несвижская досталась по наслѣдству князю Антонію сыну Михаила Радзивилла, воеводы виленскаго, изъ линіи ординатовъ клецкихъ; князь Антоній Радзивиллъ, мужъ Фридерики Людвики, дочери князя Августа Фердинанда Прусскаго, умеръ въ 1833 году. Сыновья

ихъ: Фридерикъ Вильгельмъ—Павелъ—Николаи (родившійся 1797 г.) и Фридерикъ—Людвикъ—Вильгельмъ Богуславъ (родив. 1809 г.), находящіеся въ прусской службѣ,—теперешніе ординаты олыкскіе и несвижскіе.

Князья Радзивиллы были богатѣйшіе и знатнѣйшіе паны въ Литвѣ и въ Польшѣ; все, что только свѣтъ можетъ дать, было въ ихъ рукахъ. До 1747 г. изъ фамиліи Радзивилловъ было 15 гетмановъ, воеводъ 22, каштеляновъ 12, маршаловъ великихъ 5, надворныхъ 5, великихъ канцлеровъ 8, подканцлеровъ 5, 3 бискупа и кардиналъ 1.—Радзивиллы и Дунины построили въ Литвѣ и Польшѣ болѣе 300 костеловъ.

Олыка судилась правомъ магдебургскимъ, которое дано было этому мѣстечку княземъ Николаемъ Радзивилломъ въ 1564 году. Привиллегію эту, а также привиллегію на ярмарки, подтвердили короли: Сигизмундъ Августъ, Сигизмундъ III и Владиславъ IV.

Во время войнъ Богдана Хмѣльницкаго, козаки сожгли и разграбили Олыку въ 1638 году; въ 1651 году тѣже козаки въ числѣ 18,000 обложили Олыку и домогались выкупу; но командовавшій крѣпостнымъ гарнизономъ Лясоцкій принудилъ ихъ отступить.

Въ архивахъ костельныхъ есть свѣдѣніе о нападеніяхъ татаръ на Олыку и о нападеніи шведовъ въ 1702 году.

Говоря объ Олыкѣ, славной лыками, нельзя не сказать нѣсколько словъ о *лобурахъ, прошакахъ* олыкскихъ.

Лобуры, прошаки—это мѣщане-христіане олыкскіе, занимающіеся хожденіемъ по разнымъ мѣстамъ Волынской губерніи и сосѣднихъ съ нею, для сбора пожертвованій на устройство и починку церквей. Они, провѣдавъ, что на постройку или починку церкви въ какомъ нибудь селеніи, или мѣстечкѣ, послѣдовало разрѣшеніе епархіальнаго начальства, отправляются туда, принимаютъ на себя, по договору, обязанность собирать пожертвованія на церковь, берутъ съ собою книги, выданныя изъ духовной консисторіи, и двигаются въ путь-дорогу.

Нѣкоторые изъ нихъ, какъ уже опытомъ принаровившіеся къ этому дѣлу, дѣйствуютъ довольно успѣшно; крестьяне по своимъ средствамъ и по усердію, даютъ лобурамъ деньги, хлѣбъ въ зернѣ, холстъ, муку, сало и т. п.; само собой, что въ книгу записываются только жертвуемыя деньги. *Василій Пероговскій.*

(Волын. Губ. Вѣд.)

III.

ОСТРОБРАМСКАЯ ИКОНА БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

(ПОСЛАНІЕ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА КЪ ЖИТЕЛЯМЪ Г. ВИЛЬНЫ, НАЗЫВАЮЩИМЪ СЕБЯ ПОЛЯКАМИ).

Чтобы не затемнять истину многословіемъ, позвольте, любезные земляки, поговорить съ вами, коротко и ясно, и при томъ о такихъ истинахъ, которыя не требуютъ никакихъ доказательствъ, и которыя опровергнуть нѣтъ никакой возможности.

Всѣмъ извѣстно, что Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ есть равно Богъ и для поляковъ р. католиковъ, и для православныхъ.

Всѣмъ извѣстно, что пречистая Матерь Божія, Приснодѣва Марія есть общая заступница ваша и наша, и молитъ Бога за васъ, за насъ, и за весь родъ христіанскій.

Всѣмъ извѣстно, что и вы и мы чествуемъ святыя иконы Спасителя и Богоматери, молимся предъ ними, и покланяемся имъ.—

Всѣмъ извѣстны слова Спасителя: потому узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, ежели будете имѣть любовь между собою (Іоан. XIII. 35). Слѣдовательно, ежели вы не будете любить насъ, то вы не будете предъ Богомъ имѣть права называться христіанами, т. е. Христовыми учениками. Имя римскаго католика не можетъ замѣнить имени истиннаго христіанина.

Всѣмъ извѣстно, что любовь къ ближнему требуетъ, между прочимъ, не присвоивать себѣ чужой собственности. А если бы, по какому-нибудь недоразумѣнію, или невѣдѣнію случилось завладѣть чужимъ достояніемъ, то при первомъ обличеніи надобно возвратить чужое тому, кому оно прежде принадлежало. Кто не возвращаетъ чужаго тому, кому оно принадлежитъ, тотъ грѣшитъ противъ 8-й заповѣди: *не укради.*

Стыдно человѣку, называющему себя полякомъ, не изучать и не знать исторіи Польши; а еще стыднѣе и грѣшнѣе для него переиначивать, сочинять и извращать историческіе факты и передѣлывать свою исторію для какихъ-либо несправедливыхъ цѣлей. Это значитъ: *лжесвидѣтельствовать*, т. е. грѣшить противъ 9-й заповѣди Божіей.

Любезные земляки! ни одного изъ выше написанныхъ положеній вы не можете опровергнуть, потому что въ нихъ неопровержимая истина. Сдѣлаемъ же приложеніе этихъ истинъ къ нашей жизни и къ нашимъ дѣламъ.

Всѣмъ извѣстно, что Вильна не польскій городъ, что она построена литовскимъ княземъ *Гедиминомъ,* и была издревле столицею Литовско-Русскаго княжества,—потому *Литовскаго,* что въ немъ князья были литовскаго происхожденія, и потому *Русскаго,* что всѣ жители этого княжества были коренные русскіе и православные, а литовцы, смѣсь выходцевъ неизвѣстнаго происхожденія—составляли съ немъ только около 1/12 части всего народонаселенія. Княжество Гедимина составилось изъ соединенія древнихъ русскихъ княжествъ Полоцкаго, Минскаго, Витебскаго, Владимірскаго на Волыни, Кіевскаго и Черниговскаго. Всѣ эти княжества онъ подчинилъ себѣ, освободивъ ихъ изъ подъ власти татаръ, нахлынувшихъ тогда на Россію. И хотя самъ Гедиминъ былъ язычникъ, но дѣтей своихъ крестилъ въ православную вѣру, которая была господствующею въ его княжествѣ, подобно тому какъ и русскій языкъ былъ тамъ господствующимъ языкомъ.

Всѣмъ извѣстно, что поляки, чувствуя безсиліе и безпомощность своего маленькаго королевства республики, всячески старались присоединить къ себѣ великое литов-

ско-русское княжество. Но, начиная съ князя литовскаго Ягеллы, призваннаго ими на польскій престолъ, да люблинскаго сейма, (1386—1569) такому желанію ихъ постоянно противились жители литовско-русскаго княжества, не позволяя полякамъ ни занимать въ княжествѣ служебныхъ должностей, ни селиться и пріобрѣтать какую-либо недвижимую собственность.

Всѣмъ извѣстно, что хотя люблинская унія въ политическомъ (1569), а брестская унія въ церковномъ отношеніи (1594), старались ополячить и олатинить Литовско-Русское княжество и отчасти успѣли въ томъ, но огромное большинство жителей этого края всегда состояло и теперь, какъ вы сами видите, состоитъ изъ коренныхъ русскихъ жителей; а живущіе здѣсь поляки суть или переселенцы изъ Царства Польскаго, или потомки русскихъ, измѣнившихъ вѣрѣ и народности своихъ праотцевъ.

Всѣмъ извѣстно, что сынъ и преемникъ Гедимина *Ольгердъ* присоединилъ къ своему княжеству еще три русскія области, Пинскую, Мозырскую и Витебскую, потомъ напалъ на татаръ, кочевавшихъ въ Подольской области, выгналъ ихъ оттуда, и завладѣлъ цѣлою Подоліей. Послѣ того, около 1331 года, онъ пошелъ войною на Крымъ, и тамъ разрушилъ древній греческій городъ *Херсонъ,* или *Корсунь,* въ которомъ крестился равноапостольный Владиміръ. Изъ Херсона Ольгердъ привезъ въ Вильну великія богатства, о которыхъ вотъ что говоритъ вашъ польскій историкъ XVII вѣка, ксендзъ *Даніилъ Лодзята:* «великій князь Ольгердъ обогатилъ свои сокровищницы безчисленными херсонскими драгоцѣнностями. Семейство этого князя большую часть церковныхъ украшеній раздарило православнымъ церквамъ города Вильны, къ числу коихъ принадлежитъ благодатная икона пресвятой Богородицы, находящаяся нынѣ въ часовнѣ отцовъ кармелитовъ, надъ городскими воротами, называемыми обыкновенно *острыми»* *).

Извѣстно изъ исторіи, что во время Ольгерда въ Вильнѣ

*) Dzieje narodu litewskiego. Нарбута V. стр. 137. Ксендзъ Лодзята былъ современникъ присвоенія кармелитами этого образа.

только одинъ былъ р.-католическій костелъ францисканскі а православныхъ церквей было около 30. И когда сы Ольгерда *Ягелло,* женившись на Ядвигѣ и перешедши о православія въ латинство, повелъ насильственную проп ганду въ Литовско-Русскомъ Княжествѣ въ пользу р.-кат лическаго исповѣданія, то онъ въ цѣломъ княжествѣ д обращенныхъ имъ изъ язычества въ это исповѣданіе лі виновъ построилъ только одинъ р.-католическій каѳедра ный соборъ и семъ плебаній, или приходскихъ костелов Вотъ съ какого времени начала въ Литовско-Русско княжествѣ распространяться постройка костеловъ, прер тившаяся впрочемъ смертью Ягайлы, такъ, что до време короля Александра, на всемъ пространствѣ Литовско-Р скихъ областей, за исключеніемъ Вильны и Жмуди, было уже нигдѣ ни одного римско--католическаго косте Александръ началъ было опять заводить костелы, но тес его Іоаннъ Московскій войною заставилъ его повсемѣст уничтожить ихъ, что продолжалось до Баторія, царство ніе котораго составляетъ эпоху повсемѣстного созида костеловъ и кляшторовъ и распространенія латинства.

И такъ—*остробрамская икона Божіей Матери* п везена Ольгердомъ изъ греческаго города Херсона; пер супруга Ольгердова Марія, изъ витебскихъ княженъ, и д гая Іуліанія, изъ тверскихъ княженъ, обѣ были правосл ныя; а потомъ и самъ Ольгердъ, измѣнявшій прежде х стіянству, окончательно принялъ православную вѣру именемъ Александра, и умеръ даже схимникомъ съ и немъ Алексія. Все это такъ извѣстно изъ исторіи, не требуетъ ни доказательствъ, ни цитатъ.—

Спрашивается: *въ какую же православную церков Вильны эта икона была отдана семействомъ Ольге*

И другой столь же важный вопросъ: *какимъ обра эта икона, вмѣсто русской церкви, очутилась собст ностью р.-католическаго духовенства, подъ Ост брамой?*

Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, прежде всего н д обратиться за свѣдѣніями къ польскимъ писателямъ. вое, сколько извѣстно, на польскомъ языкѣ описаніе

иконы напечатано въ Вильнѣ въ 1823 году, подъ названіемъ: „Relacya o cudownym obrazie N. Maryi Panny, który w Wilnie na Ostrey bramie." Сочинитель этой *реляціи* опредѣлительно говоритъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ, кому принадлежала островрамская часовня и икона до 1671 года, т. е. до присвоенія ея кармелитами. Очевидно, что сочинитель притворяется незнающимъ для того, чтобы не признаться въ древней принадлежности этой иконы русскому виленскому духовенству. Это подтверждается тѣмъ, что ни онъ, ни писавшіе послѣ его объ этой иконѣ другіе поляки, напримѣръ Крашевскій (Wilno. 1840—1842), ксендзъ Ролевичъ (Wiadomości o cudownych obrazach. 1863), ни однимъ словомъ даже не заикнулись о томъ, чтобы эта часовня и икона имѣли р. католическое происхожденіе. А нѣтъ никакого сомнѣнія, что они непремѣнно сказали бы о томъ, если бы для того было какое-нибудь основаніе.

Преданіе, переходящее изъ рода въ родъ, говоритъ, что въ Вильнѣ *Острая брама* до уніи называлась *Троицкими воротами*, по имени ближайшаго тогда къ нимъ Свято-Троицкаго православнаго монастыря. Въ этотъ монастырь супруга Ольгердова подарила икону Богоматери, привезенную имъ изъ Херсона. А какъ у православныхъ-русскихъ издревле существовалъ обычай несуществовавшій никогда у р. католиковъ—поляковъ, украшать святыми иконами ворота своихъ городовъ и даже частныхъ домовъ, то русскіе монахи Свято-Троицкаго виленскаго монастыря, около 1341 года, и поставили подаренную имъ икону Богоматери надъ Троицкими (тогда деревянными) воротами около своего монастыря, и устроили надъ нею маленькую часовню (также деревянную). Тогда же установлено было праздновать этой святой иконѣ ежегодно 14-го апрѣля. Когда же въ 1364 году константинопольскій патріархъ Филоѳей, съ московскимъ митрополитомъ св. Алексіемъ установляли *одинъ* день для празднованія *тремъ* виленскимъ мученикамъ Антонію, Іоанну и Евстафію (убіеннымъ *не въ одинъ мѣсяцъ и день*), то рѣшили совершать память ихъ въ одинъ и тотъ же день съ празднованіемъ въ честь островрамской иконы Богоматери. Этому никто никогда не про-

тиворѣчилъ, и 14-е число апрѣля, съ того времени, всегд
было, есть и будетъ виленскимъ православнымъ праздни
комъ въ честь остробрамской Божіей Матери и святых
мучениковъ виленскихъ. Никто не смѣетъ сказать, чтоб
сами ксендзы установили такой праздникъ.

Изъ документовъ извѣстно, что въ 1624 году ксендз
кармелиты купили у русскихъ монаховъ Свято-троицка
виленскаго монастыря (уже принявшихъ тогда унію)
большое мѣсто около троицкихъ или острыхъ воротъ,
на томъ тѣсномъ и небольшомъ мѣстѣ умудрились постр
ить въ 1626 году для себя кляшторъ и костелъ св. Терез
Сдѣлавшись сосѣдями русской часовни на Острой брамѣ
иконою Богоматери, кармелиты вскорѣ послѣ того сдѣл
лись и хозяевами этой издревле русской православной св
тыни. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Съ 1655 по 1661 годъ, вслѣдствіе войны за Мал
россію, добровольно возвратившуюся отъ Польши въ соед
неніе съ восточной Россіей, русскія войска царя Алексія М
хайловича занимали Вильну и владѣли ею. По выхо
ихъ, въ слѣдствіе заключеннаго мира, была устроена о
польскаго правительства особая коммисія для осмотра
ленскихъ церквей, которой вмѣнено было въ обязаннос
упразднять не только православныя но и уніятскія церк
подъ тѣмъ несправедливымъ предлогомъ, будто русс
войска такъ ограбили и опустошили ихъ, что въ нихъ нел
зя уже совершать богослуженіе. Эта коммисія, между м
гими своими распоряженіями, въ 1671 году и перед
ксендзамъ кармелитамъ кляштора св. Терезы православн
часовню съ иконою Богоматери надъ Острою брамой, а к
мелиты, послѣ сгорѣвшихъ потомъ во время пожара, де
вянныхъ воротъ и деревянной часовни, въ 1744 году
строили каменныя ворота съ каменною часовней въ так
видѣ, въ какомъ и теперь онѣ находятся.

И такъ—съ 1671 года до нынѣ, въ продолженіи
лѣтъ, остробрамскою иконою Богоматери владѣетъ р.
толическое духовенство; а съ 1341 по 1671 годъ влад
этою святынею русское духовенство цѣлыхъ *триста тр
цать лѣтъ!!!* Приглашаемъ всѣхъ здравомыслящихъ

дей рѣшить: на чьей сторонѣ больше и *давности* владѣнія, и *права* владѣнія?—

Такое противозаконное присвоеніе православно-русской святыни римско-католическимъ духовенствомъ не осталось безъ протеста. Между русскимъ Свято-Троицкимъ монастыремъ и кармелитскимъ кляшторомъ св. Терезы былъ заведенъ процессъ о впадѣніи остробрамскою иконой, который тянулся очень долго, и въ концѣ прошедшаго столѣтія былъ наконецъ представленъ на разрѣшеніе (?!) римскому папѣ, который рѣшилъ его, конечно, въ свою пользу, именно: владѣть иконой тому монастырю, который ближе *) къ Острымъ воротамъ т. е. кармелитскому. Выходитъ такъ: *хотя это и не твое, но поелику оно ближе лежитъ къ тебѣ, нежели къ своему подлинному хозяину твоему сосѣду, то ты бери его и владѣй этимъ достояніемъ*. На основаніи такого беззаконнаго рѣшенія икона осталась во власти ксендзовъ кармелитовъ! Одинъ изъ италіанскихъ государей (положимъ) т. е. римскій папа рѣшаетъ дѣло о владѣніи чужимъ достояніемъ въ другомъ независимомъ отъ него государствѣ: не противно ли это всѣмъ гражданскимъ законамъ и законамъ здравой логики?

На этомъ не остановилось дѣло.

Предъ польскимъ мятежомъ 1831 года, къ которому не устыдились пристать и нѣкоторые жители русской Вильны, считавшіе себя поляками, остробрамская часовня съ образомъ Богоматери служила для этихъ злонамѣренныхъ людей сборнымъ мѣстомъ для собранія и складки «офяръ» на затѣеваемый тогда мятежъ и для пѣнія революціонныхъ гимновъ. Въ справедливое наказаніе за такое богохульное злоупотребленіе святыни, блаженной памяти императоръ Николай I-й, въ 1832 году, высочайше повелѣлъ, между прочимъ, передать православно-русскому духовенству костелъ св. Терезы съ остробрамскою часовней **). Но ксенд-

---

*) Папа очень хорошо зналъ, къ какому монастырю ворота ближе.

**) Объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи есть доказательства въ дѣлахъ литовской дух. консисторіи и канцеляріи генералъ-губернатора.

зы-кармелиты обработали это дѣло иначе: вмѣсто виленскаго костела св. Терезы съ остробрамскою часовней, подставили русскому духовенству другую будто-бы кармелитскую часовню за рѣкой Виліей, на предмѣстьи «Рыбаки», *назвавши ее костеломъ св. Терезы*, а сами по-прежнему остались хозяевами при Острой брамѣ съ ея часовнею и иконою!!!

Еще и на этомъ дѣло не кончилось.

Въ 1844 году, въ слѣдствіе общей секуляризаціи духовныхъ имѣній, ксендзы-кармелиты уже не могли увернуться отъ передачи своего кляштора въ казенное вѣдомство; но они и эту передачу обработали съ искуствомъ, достойнымъ учениковъ Лойолы. На всѣхъ человѣческихъ языкахъ подъ именемъ *монастыря* или *кляштора* разумѣются не только келліи монаховъ, ихъ кладовыя, амбары и кухни, но и церковь монастырская и принадлежащія къ монастырю часовни: это совершенно ясно, понятно и неопровержимо. Но виленскіе ксендзы передали только живыя зданія своего кармелитскаго кляштора (въ которыхъ теперь помѣщается училище для дѣвицъ духовнаго званія), а принадлежащіе нераздѣльно къ этому переданному кляштору костелъ св. Терезы и остробрамскую часовню съ образомъ Богоматери удержали за собою, и доселѣ владѣютъ ими!!!

И предъ безумнымъ мятежомъ 1863 года и послѣ него, остробрамская часовня служила всенародною каѳедрою для фанатическаго возбужденія ненависти къ русскимъ. *Любезные земляки! подумийте объ всемъ этомъ.* Этому дѣлу оставаться такъ навѣки не возможно: рано ли, поздно ли, но правда непремѣнно восторжествуетъ надъ всѣми злоухищреніями; и долготерпѣнію, *даже русскому*, когда-нибудь наступитъ конецъ. Ежели русскіе доселѣ не отобрали у васъ свою собственную древнюю святыню, то для изъясненія этого факта не выдумывайте никакого ложнаго *чуда:* тутъ одно только *чудо—долготерпѣніе русскихъ;* да ловкость и ослушаніе латинопольскаго духовенства, русскіе ожидаютъ, не будете ли вы столько благоразумны, справедливы и благочестивы, что сами добровольно, съ братски-христіанскою

любовью возвратите намъ нашу собственность. *И вы, конечно, возвратите ее*, потому что вы ничего отъ того не потеряете: вы отдадите ее не магометанамъ, не евреямъ, а намъ русскимъ, т. е. христіянамъ, какъ и вы. И если вы привыкли и любите молиться предъ остробрамскою иконой Богоматери, то никто и ничто не будетъ препятствовать вамъ молиться предъ этою святою иконой и тогда, когда остробрамская часовня съ иконою будетъ находиться въ вѣдѣніи православно-русскаго духовенства. Не дожидайтесь, любезные земляки, чтобы сила обстоятельствъ заставила васъ, противъ вашей воли, возвратить древнюю русскую святыню русскому духовенству, а лучше возвратите ее добровольно. Въ Москвѣ есть часовня съ иверскимъ образомъ Божіей Матери: къ этому святому образу прибѣгаютъ съ молитвой христіяне всѣхъ исповѣданій: и римскіе католики, и протестанты; и такъ никто не спрашиваетъ молящихся объ ихъ вѣроисповѣданіи и національности,—и Царица небесная, принимаетъ мольбы всѣхъ, прибѣгающихъ къ Ней, и всѣмъ помогаетъ. Такъ точно и въ Вильнѣ вы совершенно-свободно будете молиться предъ остробрамскою иконою тогда, когда предъ нею будетъ совершаемо священнослуженіе по чину греко-славяно-восточной церкви. Въ Іерусалимѣ на гробѣ Господнемъ молятся христіяне, всѣхъ исповѣданій. Повторяемъ вамъ, о чемъ мы уже сказали въ началѣ: у насъ и у васъ одинъ и тотъ же Богъ и Господь; одна и та же заступница небесная, матерь Божія; одна и та же заповѣдь нашего Спасителя: любите другъ друга,—и вы на основаніи 8 и 9-й заповѣди Божіей, обязательной для васъ такъ же какъ и для всѣхъ вѣрующихъ, опять повторяемъ: *возвратите намъ нашу собственность!* Тогда мы и вы, единымъ сердцемъ и едиными устами, благодарственно воспѣли бы предъ *остробрамскимъ образомъ* Богоматери: *Радуйся, Невѣста неневѣстная!*

P. S. Это посланіе не имѣетъ ни малѣйшаго характера оффиціальности, или оффиціозности; оно просто—посланіе частнаго человѣка, который потому только не подписываетъ своего имени, что считаетъ это совершенно излишнимъ при разсужденіи о предметѣ безспорномъ, очевидномъ.

IV.

СВѢДѢНІЯ О ПОЛЬСКОМЪ МЯТЕЖѢ 1863 ГОДА ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Томъ II, Часть 2-я, Вильна 1868 г.

Не можемъ не привѣтствовать появленія этого сочиненія полною благодарностію автору. Хотя послѣдній польскій мятежъ 1863 года и способствовалъ значительному уясненію въ нашемъ обществѣ польскаго вопроса, хотя теперь подъ вліяніемъ русской журналистики взгляды большинства образованныхъ русскихъ людей на полонизмъ многимъ отличаются отъ крайне сочувственныхъ къ полякамъ взглядовъ шестидесятыхъ годовъ; но все таки и теперь еще о русскомъ обществѣ нельзя сказать того, что сказалъ авторъ «die Polnischen Forderungen» о настроеніи прусскаго общества: «если въ Пруссіи существуетъ вопросъ, на которомъ всѣ партіи сходятся въ своихъ мнѣніяхъ, то это безъ сомнѣнія есть польскій вопросъ». Продолжающійся еще у насъ вопросъ о русскомъ языкѣ при латинскомъ богослуженіи, существующая еще необходимость настойчиво опровергать и разъяснять многое русскому обществу показываютъ, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ русской читающей публики не составили такихъ опредѣленныхъ и безповоротныхъ взглядовъ на полонизмъ, какіе выработались у пруссаковъ. И это очень естественно; мы начали изучать полонизмъ слишкомъ недавно, по окончаніи лишь послѣдняго польскаго мятежа; даже и послѣ кровавыхъ событій 1863 г. нѣкоторые чисто русскіе печатные органы находились еще подъ обаяніемъ полонизма и продолжали еще распространять въ русскомъ обществѣ польскую «тьму и мглу», какъ любитъ выражаться авторъ разсматриваемаго

нами сочиненія; между тѣмъ пруссаки начали серьезно изучать полонизмъ еще съ 1848 г. Поэтому то всякій, кто не хочетъ и самъ попасть въ число слѣпыхъ и обманываемыхъ поклонниковъ полонизма, и не желаетъ видѣть въ этомъ числѣ своихъ соотчичей, не можетъ не поблагодарить автора II-го тома «Свѣдѣній» за трудъ познакомить русское общество съ тѣмъ, что выработано по польскому вопросу заграницей, — познакомить съ стремленіями и дѣятельностію полонизма въ другихъ государствахъ, которымъ достались польскія области, и съ мѣрами, которыя употребляемы были этими государствами, т. е. Австріею и Пруссіею, къ ослабленію полонизма. Мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ главнѣйшими фактами, почерпнутыми авторомъ исключительно изъ нѣмецкихъ сочиненій *).

I.

II-й томъ «Свѣдѣній» фактически убѣждаетъ насъ во-первыхъ въ томъ, что польскіе мятежи происходили не случайно, не вслѣдствіе какихъ либо недоразумѣній между поляками и правительствами и не вслѣдствіе обидъ и притѣсненій поляковъ со стороны правительствъ. Напротивъ и даже большею частію мятежи эти устроялись при самомъ добромъ и благосклонномъ отношеніи къ полякамъ ихъ правительствъ. Мятежъ 1794 г. въ Познани произошелъ при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, очень благоволившемъ сначала къ полякамъ (стр. 202), и при министрѣ Фоссѣ, думавшемъ привязать польскую національность къ Пруссіи полнымъ довѣріемъ къ ней (стр. 207). Мятежъ 1806 года познанскіе поляки приготовили въ то время, когда прусское правительство видѣло въ нихъ самыхъ преданныхъ своихъ подданныхъ и до того было благосклонно къ нимъ, что не только помиловало и приняло къ себѣ польскихъ эмигрантовъ, но даже ходатайствовало предъ русскимъ дворомъ за тѣхъ поляковъ, на которыхъ, какъ на непримиримыхъ враговъ Россіи, императоръ Павелъ не распространилъ всепрощеніе (стр. 294). Приготовленія къ новому мятежу въ Познани начались въ 1815 г., когда управлялъ этою

*) Главнымъ образомъ авторъ пользовался слѣд. сочиненіями: Das Grossgerzogthum Posen und die Polen von einem früheren Abgeordneten der Prowinz Posen. Berlin 1861; другое: Die polnischen Revolutionen—Erinnerungen aus Galizien. Prag. 1863.

областію польскій магнатъ Антоній Радзивиллъ. Тоже нужно сказать и о мятежѣ 1846—1848 годовъ, возникшемъ при такой правительственной системѣ, которая старалась предупредительностію къ польскому дворянству примирить его съ Пруссіею.—Ко всѣмъ польскимъ мятежамъ вполнѣ приложимы слова польскаго писателя Мохнацкаго о мятежѣ 1831 г.: «да если бы русскіе наисвятѣйшимъ образомъ исполнили свои обязательства, мятежъ былъ неизбѣженъ». Причина польскихъ мятежей заключается въ самомъ полонизмѣ, въ его стремленіяхъ, въ его, такъ сказать природѣ. Къ такому именно выводу привели долговременныя изысканія извѣстнаго историка польскаго мятежа 1831 г. Ф. Смита, который въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ, приводимыхъ въ эпиграфѣ ко II-му тому, высказалъ причину польскихъ мятежей: «возлагать на русское правительство отвѣтственность за волненія, происходящія въ Польшѣ, было-бы точно также разумно, какъ жаловаться на то, что собака лаетъ, овца блеетъ.... и винить въ этомъ ихъ приставниковъ. Такова ихъ природа и доколѣ она не измѣнится, они все будутъ лаять, блеять; равно какъ и поляки будутъ дотолѣ интриговать, составлять заговоры и возмущаться, доколѣ не будутъ у нихъ отняты окончательно всѣ къ тому средства». «Если возстаніе и не удастся, гласитъ литература польской справы, то не менѣе того оно будетъ новымъ этапомъ, который подвинетъ впередъ наше дѣло. Оно развиваетъ въ польскомъ народѣ его политическое сознаніе; оно родитъ національныя традиціи и укрѣпляетъ общественныя силы. Не удалось одно, тотчасъ же должно приготовляться къ новому» (стр. 677). Естественно поэтому, что пруссаки путемъ продолжительнаго и тщательнаго изученія дѣятельности полонизма пришли къ тому убѣжденію, что *«страна избавится отъ гибельнаго вліянія полонизма единственно тогда, когда исчезнутъ всякіе слѣды польской національности».*—Пруссія объявляла всепрощеніе полякамъ, участвовавшимъ въ мятежахъ 1794, 1806, 1831, 1848 г. и по прекращеніи почти каждаго мятежа приходила къ увѣренности, что это послѣдній мятежъ, и каждый разъ горько разубѣждалась въ этомъ, видя прощенныхъ ею лицъ участвующими въ новомъ мятежѣ (стр. 618 и 819).

Всепрощенія не принесли Пруссіи ничего кромѣ вреда; виновные въ мятежѣ 1846 г. получили амнистію, но это не помѣшало

имъ принять дѣятельное участіе въ мятежѣ 1848 г. (стр. (
Поляки, устроя мятежи въ Познани и др. областяхъ, добив
не тѣхъ или другихъ милостей отъ прусскаго правительств
совершеннаго отдѣленія отъ нея. Собственно говоря поляки
считали себя настоящими подданными Пруссіи (стр. 260) и
въ присягѣ, данной въ 1815 г. прусскому королю, выгораж
себѣ право кровью защищать свое отечество, т. е. польскія
сти во всякихъ обстоятельствахъ противъ кого бы то ни
(стр. 311). *Возстановленіе самостоятельной По. въ предѣлахъ 1772 годи составляетъ главную цѣ причину всѣхъ мятежей.* Для достиженія этой цѣли
низмъ постепенно выработалъ сложную и въ высшей степе
варную систему дѣйствій; польскіе мятежи составляютъ од
проявленій этой системы.

При всемъ разнообразіи и враждѣ различныхъ пол
партій, въ центрѣ всѣхъ дѣйствій полонизма направленны
возстановленію Польши, стоитъ съ тридцатыхъ годовъ наст
столѣтія Ламберовъ отель въ Парижѣ; это своего рода цен
ное правительственное учрежденіе полонизма (стр. 575). Съ
годовъ полонизмъ имѣлъ даже своего подпольнаго круля
Чарторыйскаго, который торжественно вѣнчался на меч
крулевство въ залахъ Ламберова отеля; тысячи карточекъ с
раженіемъ фантастическаго короля Адама I-го разошл
рукамъ поляковъ. Чарторыйскій сдѣлалъ даже польскій п
наслѣдственнымъ въ своей фамиліи; въ 1859 г. въ торж
ной рѣчи, произнесенной въ Ламберовомъ отелѣ, онъ тре
отъ представителей полонизма поддержки всей націи дл
династіи, включая сюда и графа Яна Дзялынскаго (стр.
Кромѣ Дзялынскаго полонизмъ видитъ также принцевъ кр
потомкахъ Чарторыйскихъ по женскому колѣну: Замойских
бомирскихъ, Тышкевичахъ и Потоцкихъ. До смерти Ча
скаго Ламберовъ отель составлялъ центральное управлені
подпольнаго короля; онъ заключаетъ въ себѣ совѣтъ и
партамента: иностранныхъ, внутреннихъ и военныхъ дѣлъ.
беровъ отель служитъ собственно представителемъ монарх
Польши или партіи бѣлыхъ; но при богатствѣ своихъ с
и при искуствѣ интриги онъ обращаетъ въ свои орудія
гія партіи: клерикальную, демократическую и революціонну

ціальнымъ занятіемъ Ламберова отеля служатъ дипломатическія сношенія, для чего онъ имѣетъ при европейскихъ дворахъ своихъ дипломатическихъ агентовъ. Съ нѣкоторою подробностію авторъ II-го тома Свѣдѣній изображаетъ дипломатическую дѣятельность польскихъ магнатовъ съ 1795 г. по 1806 г. Во главѣ стоятъ въ это время Чарторыйскіе, Огинскіе, Дзялынскіе и др.; Чарторыйскіе то силятся привлечь расположеніе французовъ и увѣряютъ ихъ въ томъ, что польская конституція 3-го мая была плодомъ цивилизаціи, развившейся изъ идей французскихъ философовъ XVIII в., то представляютъ иностраннымъ кабинетамъ, сколько паденіе Польши опасно для дальнѣйшей судьбы, которая ожидаетъ Турцію и Швецію, и сколько утратила Франція, не имѣя уже въ Польшѣ стража ея интересовъ на востокѣ, и поэтому черезъ своихъ агентовъ (Огинскаго и др.) стараются вооружить противъ Россіи Турцію и Швецію; а между тѣмъ въ это же время и тотъ же А. К. Чарторыйскій отправляетъ своихъ сыновей въ Петербургъ для поступленія въ русскую службу; и когда сынъ его А. Чарторыйскій сдѣлался другомъ и министромъ Имп. Александра I, онъ настойчиво убѣждаетъ государя провозгласить себя королемъ польскимъ, соединить подъ своею властью всѣ прежнія польскія области для того конечно, чтобы этимъ облегчить полякамъ последующую ихъ борьбу для возстановленія Польши (легче бороться съ однимъ, чѣмъ съ тремя государствами). Извѣстно, что императоръ Александръ совершенно отклонилъ отъ себя это предложеніе и магнаты тотчасъ же послѣ этого обратили всѣ свои надежды на Наполеона, расположеніе котораго уже прежде постарались пріобрѣсть тѣже самые Чарторыйскіе и другіе магнаты щедрою цѣною шляхетской крови. Для привлеченія сочувствія Наполеона къ полонизму по мысли Чарторыйскихъ магнаты съ 1797 г. начали образовывать польскіе легіоны. Но такъ какъ между польскою шляхтою охотниковъ поступать на службу Наполеона оказывалось, при всѣхъ усиліяхъ къ тому ксендзовъ, не много, то магнаты употребили слѣдующее коварство: они посовѣтовали прусской администраціи сильнѣе налечь на польскую шляхту и притѣсненіями заставить шляхтичей бѣжать въ легіоны, потому что, говорили они, подобное бѣгство выгодно для Пруссіи, очищая страну отъ безпокойныхъ головъ (стр. 53). Благодаря такому двойному коварству и внушеніямъ ксендзовъ, занимавшихся

вербовкою въ легіоны, число легіонеровъ возрасло до 15000. Судьба этихъ легіонеровъ была слишкомъ злосчастна: частію они перебиты были во время сраженій, потому что употребляемы были Наполеономъ въ самые убійственные моменты битвъ, частію погибли въ Америкѣ, куда почти картечью Наполеонъ заставилъ ихъ отправиться. Конечно такое самовольное расходованіе магнатами польской крови выставляетъ ихъ намъ гнусными и жестокими кроѣдами, но развѣ они были когда нибудь другими? По крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ не даромъ лилась шляхетская кровь; въ 1806 г. Наполеонъ возстановилъ Варшавское герцогство.—Наблюдая черезъ своихъ агентовъ положеніе дѣлъ въ европейскихъ государствахъ, Ламберовъ отель не пропускаетъ благопріятнаго въ какомъ либо отношеніи настроенія европейскихъ народовъ и старается всячески связать съ нимъ польскій вопросъ. Въ этомъ отношеніи поляки, смотря потому, какое преобладаетъ въ вліятельномъ обществѣ извѣстной страны направленіе, то выставляютъ себя людьми прогресса, то консерваторами, то принимаютъ видъ самыхъ ярыхъ революціонеровъ, какъ это было въ 1848 г., когда поляки, примкнули къ австрійскимъ и прусскимъ революціонерамъ; и тогда какъ нѣмцы бились за единство и свободу Германіи, галиційскіе паны требовали (стр.. 116 и 121) отъ австрійскаго императора учрежденія народнаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденія національной гвардіи противъ мятежныхъ крестьянъ, а въ тоже самое время въ Берлинѣ поляки, разжигая противъ правительства городскую чернь, среди ея криковъ: «единство Германіи, реформы, свобода печати!» освободили изъ тюрьмы прежнихъ польскихъ мятежниковъ, и увлеченные идеями свободы и братства народовъ—въ особенности нѣмцевъ съ поляками,—обманутые нѣмецкіе революціонеры торжественно провезли по улицамъ Берлина Мѣрославскаго и Либельта — дознанныхъ враговъ прусскаго отечества (стр. 376). Такъ ревнители полонизма обратили нѣмецкихъ революціонеровъ въ своихъ союзниковъ, дабы ихъ по возможности употребить для своихъ цѣлей.

Зорко наблюдая за настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ или въ извѣстномъ государствѣ и сообразно съ тѣмъ отдавая приказъ своимъ подданнымъ принимать тотъ или другой общественный оттѣнокъ, правительство Ламберова отеля всѣми силами старается путемъ журналистики возбуждать сочувствіе

къ полонизму европейскаго общества. Въ этомъ отношеніи Ламберовъ отель составляетъ настоящее газетное депо: здѣсь, по свидѣтельству французскаго офицера Фука,—который самъ былъ увлеченъ литературой Ламберова отеля и сталъ въ ряды повстанцевъ въ 1863 г., но въ послѣдствіи времени конечно горько разочаровался въ полякахъ,—пишутся статьи для французскихъ газетъ и журналовъ; здѣсь же заготовляются для газетъ телеграммы о подвигахъ поляковъ (стр. 145). Отдѣльныхъ указаній на то, какъ поляки безсовѣстно извращали въ заграничныхъ газетахъ факты, авторъ приводитъ довольно много. Укажемъ напр. слѣдующіе. Князь Адамъ Чарторыйскій въ своемъ «Опытѣ русскаго либерализма» и князь Огинскій въ «Запискахъ», изображая настроеніе народныхъ польскихъ массъ во время раздѣловъ Польши, говорятъ, что западная Русь была проникнута самымъ горячимъ патріотизмомъ, что отъ мала до велика, отъ высокаго шляхетства до послѣдняго простолюдина польскій народъ готовъ былъ нести все на алтарь польскаго отечества, что для поляковъ послѣ паденія Польши все опостыло, и ни званія, ни чины, ни почести, не могли утѣшить безутѣшныхъ. Между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ исторіи борьбы полонизма съ 1794 года не только не встрѣчается чего либо похожаго на геройство защитниковъ Смоленска, Сагунта, Карѳагена или Крита, напротивъ мы видимъ всюду, за исключеніемъ Костюшки, недостатокъ именно патріотизма; Варшава сдается безъ защиты, хотя у поляковъ было еще въ это время 40,000 войска, и это самое войско расходится по домамъ, по словамъ самого Огинскаго, потому, что на энергію офицеровъ и солдатъ нельзя разсчитывать; Краковъ сдается также безъ выстрѣла прусскому отряду, по словамъ того же Огинскаго (стр. 20 и 29). А какая глубокая печаль съѣдала сердца высокихъ пановъ, это видно изъ приводимыхъ авторомъ извлеченій изъ записокъ поляка Охоцкаго, который, описывая съѣздъ пановъ въ Львовѣ на контракты въ годъ паденія Польши, между прочимъ говоритъ, что «хотя съѣздъ складывался изъ особъ наибогатѣйшихъ, наиобразованнѣйшихъ, но никто о событіяхъ общественныхъ, о новомъ положеніи края не подавалъ голоса. Казалось, что не было ничего, что можно было бы оплакивать; казалось, что намъ не предстояли никакія работы къ выполненію» и затѣмъ откровенно разсказываетъ о роскошнѣйшихъ пирахъ, по-

пойкахъ и любовныхъ похожденіяхъ, которыми наполнялась жизнь высокихъ пановъ на львовскихъ контрактахъ (ст. 6 и 7). Безутѣшная печаль поляковъ по умершей Польшѣ, по воспоминаніямъ Охоцкаго, выразилась только въ черномъ фракѣ и галстухѣ, въ которыхъ явился самъ Охоцкій на одинъ изъ баловъ. Или вотъ еще другой случай. Начиная мятежъ въ 1846 г. польскіе паны въ Галиціи въ назначенный день угощали по усадьбамъ собранныхъ крестьянъ и приглашали ихъ пристать къ бунту, увлекая ихъ въ тоже время обѣщаніями дароваго надѣла земли. Собранные крестьяне отказались однако отъ всякаго участія въ мятежѣ; тогда паны вздумали пулями заставить крестьянъ идти въ шайки. Крестьяне страшно разсвирѣпѣли и въ трои сутки перебили тысячи поляковъ въ Галиціи. Но какъ вы думаете объяснили это событіе польскіе писатели европейской публикѣ? По мановенію Ламберова отеля въ газетахъ, польскихъ брошюрахъ и памфлетахъ было возвѣщено, что къ галиційской рѣзнѣ привело коварство австрійскаго правительства; а маркизъ Велепольскій отъ лица поляковъ, которые четырехсотлѣтнимъ порабощеніемъ русскихъ въ Галиціи возбудили въ нихъ страшную ненависть къ себѣ, даже обратился къ австрійскому правительству съ слѣдующими словами: «возьмите нашу жизнь, возвратите намъ сердца нашихъ крестьянъ» (стр. 102).—Для того, чтобы эти и подобныя имъ лживыя польскія статьи и самодѣльныя телеграммы печатались въ газетахъ безъ всякихъ возраженій, Ламберовъ отель не жалѣетъ своей казны. Такъ въ 1863 г. на русскую полицію, на шпіоновъ и на журналистику онъ издержалъ 2,000,000 франковъ (стр. 738). Извѣстное отношеніе къ полонизму общественнаго мнѣнія такъ важно, что предъ мятежемъ 1863 г. познанскіе поляки, имѣя въ Познани три польскихъ журнала, скупили еще нѣмецкій журналъ "Ostdeutsche Zeitung," для того, чтобы подъ прикрытіемъ нѣмецкой фирмы и нѣмецкаго языка, привлекать къ полонизму расположеніе нѣмецкаго общества; и тогда какъ этотъ мнимо нѣмецкій журналъ распинался за полонизмъ, польскіе журналы въ Пруссіи по возможности дѣйствовали сдержаннѣе, отклоняя отъ себя всякія подозрѣнія (стр. 683). Впрочемъ этотъ польскій маневръ не имѣлъ успѣха въ прусскомъ обществѣ, потому что оно уже настолько въ это время было знакомо съ полонизмомъ, что легко узнавало его и подъ нѣмецкой фирмой. Нельзя къ сожалѣнію сказать вполнѣ

тоже о всемъ русскомъ обществѣ, относительно котораго полонизмъ, собирая свои силы, должно быть, къ новому мятежу, употребилъ тотъ же маневръ, начавъ бесѣдовать съ русской публикой на русскомъ языкѣ и даже отъ имени русскихъ редакторовъ.

Это внѣшняя политика полонизма. Внутренняя—обращена на то, чтобы прежнія польскія области сохранить по возможности въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли во времена самостоятельности Польши, и обособить ихъ отъ государствъ, въ составъ которыхъ онѣ вошли. Признавая сохраненіе въ польскихъ областяхъ прежнихъ учрежденій главнѣйшимъ условіемъ возстановленія Польши, поляки стараются достигнуть этого легальнымъ путемъ, посредствомъ самихъ же правительствъ, которымъ достались эти области, прикрывая свои сепаратистическія стремленія столь свойственною историческимъ народамъ любовью къ своей національности, какъ дорогой памяти славнаго прошедшаго (стр. 319). Эти стремленія къ обособленію совершенно одинаково проявлялись въ Австріи и Пруссіи. Такъ въ 1794 г. графъ Длусскій подавалъ австрійскому императору меморіалъ съ просьбою сохранить имя Польши для части отошедшей къ Австріи и сохранить въ ней языкъ и администрацію (стр. 77). Въ Пруссіи познанскіе поляки предъ мятежемъ 1830 г. на сеймахъ домогались учрежденія университета въ Познани, введенія Наполеоновской конституціи,—преподаванія на польскомъ языкѣ, замѣщенія чиновничьихъ должностей поляками (стр. 319). Желаніе поляковъ избавиться отъ необходимости посылать свою молодежь въ прусскія училища побуждало ихъ неоднократно и въ послѣдствіи времени возобновлять свои домогательства объ основаніи университета въ Познани; поляки просили даже объ открытіи хотя двухъ факультетовъ: богословскаго и философско-камеральнаго (стр. 363). Стремленіе къ обособленію иногда доводило ихъ до смѣшнаго, какъ это было напр. въ 1840 г., когда познанскіе поляки пріѣхали въ Кенигсбергъ на коронацію короля Вильгельма IV съ огромнѣйшими транспарантами, на которыхъ красовалось имя «великаго князя познанскаго» (стр. 337).

Между средствами къ обособленію особенно важную роль играютъ языкъ и землевладѣніе.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія представляетъ непрерывный рядъ усилій поляковъ въ Австріи и Пруссіи о сохраненіи за

польскимъ языкомъ значенія языка оффиціальнаго въ прежнихъ польскихъ областяхъ; и надобно сказать, эти усилія даже въ строго-нѣмецкой Пруссіи оставались не безуспѣшными. Не смотря на то, что при Фридрихѣ В. оффиціальнымъ языкомъ въ прусско-польскихъ областяхъ сдѣланъ былъ языкъ нѣмецкій, поляки, пользуясь расположеніемъ къ себѣ преемниковъ в. прусскаго короля, добились того, что въ 1804 г. въ основанномъ на прусскія деньги варшавскомъ лицеѣ преподаваніе въ низшихъ классахъ производилось на польскомъ языкѣ и наставниками назначены поляки (стр. 286); затѣмъ, когда изъ Прусско-польскихъ областей образовано было Варшавское герцогство, то не только въ этихъ областяхъ, но и въ оставшихся за Пруссіею, введено было преподаваніе на одномъ польскомъ языкѣ (ст. 317). Въ 1811 г. прусское правительство строго предписало обучать всѣхъ дѣтей по нѣмецки, не разбирая ихъ происхожденія (стр. 317); и все таки къ 1831 г. оказалось, что вслѣдствіе потворства полонизму прусскаго министра Фосса польскій языкъ господствовалъ во многихъ гимназіяхъ, городскихъ и болѣе чѣмъ въ 500 сельскихъ школъ (ст. 605). Не довольствуясь такими успѣхами, на познанскихъ сеймахъ 1834 и 1837 г. поляки домогались даже возстановленія польскаго языка въ судахъ, администраціи и школахъ, допущенія поляковъ на мѣста гимназическихъ учителей. И опять, не смотря на то, что эти сеймовыя петиціи были каждый разъ совершенно отвергаемы правительствомъ, въ 1846 и 1848 годахъ обнаружилось, что даже тѣ мѣстности, въ которыхъ прежде заглохъ было польскій языкъ, оказались въ это время даже болѣе польскими, нежели въ 1772 и 1806 г. (ст. 605). Но особенно замѣчательны усилія поляковъ объ усиленіи и распространеніи польскаго языка въ областяхъ, отошедшихъ къ Австріи. Здѣсь они въ одно и тоже время и отстаиваютъ за польскимъ языкомъ исключительное право быть языкомъ школы, и употребляютъ всѣ средства къ ополяченію галицко-русскаго языка. При Іосифѣ II они даже успѣли увѣрить австрійское правительство, что русскій языкъ (въ Галиціи) есть парѣчіе и мужицкое искаженіе польскаго языка и путемъ такой гнусной лжи достигли того, что правительство ввело польскій языкъ въ русскія народныя школы (стр. 74); а когда польскія увѣренія о совершенномъ тождествѣ польскаго и русскаго языковъ не помѣшали въ 1819 г.

явиться галицко-русской азбукѣ, поляки предложили русскимъ замѣнить эту азбуку польскою (ст. 89). Далѣе—когда во время мятежа 1848 г. правительство убѣдилось, что русскіе галичане составляютъ самое преданное населеніе въ Галиціи и по ихъ просьбѣ ввело русскій языкъ въ школу и мѣстное управленіе, тогда поляки составили планъ постепеннаго ополяченія литературнымъ путемъ русскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самаго народа, именно положили: 1) изъ словъ употребляемыхъ двояко, напр. золото-злато, молодость-младость удержать болѣе сходныя съ польскими; 2) писать слова такъ, какъ выговариваются простолюдиномъ, напр. медъ писать мидъ, темно—ціомно, конь-кинь и т. д. и 3) передѣлывать русскія слова въ польскія, начиная съ легчайшихъ, напр. молитву — въ модлитву и т. д. Но когда всѣми этими способами не удалось все таки полякамъ задушить галицко русскую литературу, тогда они обратились къ насилію и коварству. Именно: въ 1850 годахъ галицко-русскіе ученые назначили общій съѣздъ во Львовѣ для опредѣленія порядка своихъ народныхъ розысканій; поляки рѣшились тогда не допускать русскихъ къ собранію въ родномъ ихъ городѣ, угрожая употребить противъ нихъ силу; русскіе ученые не оставили однако своего намѣренія и положили, что если нападетъ на нихъ противная партія съ оружіемъ, то они дадутъ отпоръ и призовутъ къ себѣ на помощь сельское населеніе. Поляки донесли тогда австрійскимъ властямъ, что русскіе затѣваютъ междоусобную войну съ поляками, а потому они находятся въ необходимости также вооружиться (ст. 130).

Другое средство къ обособленію и къ поддержанію полонизма составляетъ польское землевладѣніе. Мы увидимъ ниже, какую бурю клеветъ и доносовъ поднимали поляки противъ нѣмцевъ правителей и чиновниковъ Познани, ослаблявшихъ полонизмъ путемъ передачи польскихъ имѣній нѣмцамъ; теперь замѣтимъ только, что богатые паны при всякомъ благопріятномъ обстоятельствѣ старались возвратить своимъ соплеменникамъ отошедшія отъ нихъ имѣнія. Неудачи при этомъ нисколько не смущали поляковъ. Не удалось имъ, вслѣдствіе распоряженія прусскаго правительства, въ 1800-хъ годахъ скупить общими силами имѣнія, перешедшія въ нѣмецкія руки (ст. 291), такъ они попробовали тоже средство въ 1862 г., когда графы Платеръ и Бнинскій и богатый зем-

левладѣлецъ Хлоповскій образовали кредитное поземельное общество для того, чтобы средствами этого общества удерживать въ польскихъ рукахъ тѣ имѣнія, которымъ угрожала продажа съ аукціона или скупать имѣнія безнадежныхъ владѣльцевъ для перепродажи ихъ въ надежныя польскія руки (стр. 701). Такъ въ Пруссіи на практикѣ примѣнялось то самое правило, которое польскій катихизисъ даетъ въ руководство польскимъ панамъ въ русскихъ областяхъ, именно, что паны, должны всѣми мѣрами не выпускать изъ своихъ рукъ имѣній и въ случаѣ крайности продавать ихъ жидамъ, но отнюдь не русскимъ,—что русскимъ помѣщикамъ должны дѣлать всякія непріятности, заводить съ ними процессы и все направлять къ тому, чтобы принудить ихъ продать свои имѣнія, которыя тѣже паны должны скупить хоть общими силами въ компаніяхъ. Черезъ это, продолжаетъ тоже правило, мы достигнемъ въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ въ рукахъ нашихъ братій—на пользу и помощь ойчизны. И дѣйствительно польскія помѣстья составляютъ главный источникъ денежныхъ средствъ для веденія мятежа. Такъ во время послѣдняго польскаго мятежа изъ Познанской области, кромѣ найма и снаряженій повстанцевъ, только заграницу выслано было собранныхъ денегъ 21 милліонъ злотыхъ. Деньги эти собраны были путемъ усиленныхъ налоговъ на польскія помѣстья: въ 1862 г. къ 10 ноября наложено было полпроцента съ недвижимаго имущества и 5% съ дохода; въ январѣ слѣдующаго года новый такой же налогъ за годъ впередъ, а въ апрѣлѣ еще налогъ за четыре года впередъ; въ тоже время существовали еще: особый сборъ пожертвованій за два года впередъ, и сборъ на мѣстныя польскія потребности. Для понужденія къ взносамъ неисправныхъ плательщиковъ употреблялись экзекуціи, при чемъ, какъ видно, польская тайная полиція прибѣгала иногда и къ розгамъ (ст. 726 и 727).

Заботясь о поддержаніи польскаго землевладѣнія и даже увеличеніи до чрезвычайности количества шляхты посредствомъ подложныхъ актовъ, дабы раздачей правъ шляхетства побудить большее количество лицъ къ мятежу для возстановленія Польши, главы полонизма стараются соединить этихъ разсѣянныхъ по различнымъ государствамъ гражданъ и одушевить ихъ къ борьбѣ за отечество. Искуственное подогрѣваніе патріотизма съ самаго начала оказа-

лось очень не лишнимъ дѣломъ, потому что Польша во многихъ своихъ чадахъ оставила чувство далеко не горячей привязанности къ себѣ; поминки по умершей Польшѣ, какъ уже было замѣчено, справлялись съ такимъ широкимъ и беззавѣтнымъ весельемъ, что какъ будто совсѣмъ позабыли о смерти польскаго государства тѣ самые, которымъ слишкомъ хорошо жилось въ немъ. Дѣйствительно въ первые годы послѣ раздѣловъ полонизму угрожала величайшая опасность: ласкаемые новыми правительствами, нѣкоторые паны начали уже прилаживаться къ своему положенію и готовились не произносить болѣе слова «ойчизна»; а простому народу польскихъ областей весьма нравились новыя власти.—И вотъ въ это время въ самомъ концѣ XVIII и начала XIX в. и начинаютъ подогрѣвать патріотизмъ Чарторыйскіе, а вслѣдъ за ними и другіе: то молвой о польскомъ сеймѣ въ Миланѣ напоминаютъ, что ойчизна не погибла, потому что у нея есть правительство, то актомъ возстанія (6 января 1796 г.) призываютъ на службу, отчизнѣ то оживляютъ самый образъ ойчизны въ своихъ храмахъ Сивиллы и шевелятъ воспоминанія о недавно минувшей веселой панской жизни роскошными пирами, охотами въ польскомъ духѣ и т. п. Въ Пулавахъ—имѣніи Чарторыйскихъ во 100 верстахъ отъ Варшавы—соединено было все, что только можно было придумать и предугадать для того, чтобы возбудить и увлечь. Пулавы, по словамъ польскаго писателя Кожмяна, въ маломъ видѣ изображали цѣлую Польшу; все тамъ было польское, все было народное. Переѣхавши (въ 1796 г.) въ Пулавы, Чарторыйскій открылъ свой истинно польскій домъ со своимъ извѣстнымъ въ цѣлой Польшѣ гостепріимствомъ для всѣхъ добрыхъ поляковъ, которые и устремились сюда изъ Варшавы, Люблинскаго воеводства и другихъ провинцій. Чарторыйскій при своемъ пулавскомъ дворцѣ поддерживалъ польскій языкъ науки, открылъ свою библіотеку и постепенно обогощалъ ее, а княгиня Чарторыйская не только по цѣлой Польшѣ собирала польскіе памятники въ костелахъ, гробахъ, гробницахъ польскихъ королей, но и за границей, приводила эти памятники въ порядокъ и соорудила для охраненія ихъ великолѣпный храмъ Сивиллы. Въ Пулавахъ собиравшійся польскій народъ воспламенялся въ роскошныхъ залахъ и паркахъ воспоминаніями и памятниками польской ойчизны, и каждый, подышавшій тамошней атмосферой, долженъ былъ потомъ

вздыхать о ней. Какое впечатлѣніе производили на поляковъ Пулавы, видно между прочимъ изъ того, что упомянутый полякъ Кожмянъ, писавшій о нихъ спустя 40-лѣтъ, говоритъ о нихъ съ величайшимъ восторгомъ и прибавляетъ, что для достойнаго описанія Пулавъ нужно перо Тасса, описывающаго очаровывающіе сады Армиды, перо Фенелона и т. п. Непрестанные балы, праздники, охоты въ польскомъ вкусѣ, обозрѣніе памятниковъ литературы и древностей при торжественномъ освѣщеніи храма Сивиллы, въ сопровожденіи очаровательной хозяйки, которая всему умѣла придать свое значеніе въ извѣстномъ смыслѣ,—все это должно было сильно возбуждать добрыхъ поляковъ, находившихъ въ Пулавахъ не только радушный пріемъ, но и жительство. Электризуемые посѣщеніями Пулавъ или слухами, паны, для повсемѣстнаго распространенія польской народности, въ подражаніе пулавскимъ храмамъ съ польскими памятниками, садами и т. д., устрояли палацы, павильоны съ польскими древностями, великолѣпные сады, которыми даже прославились въ это время паны на всю Европу. Храмъ Сивиллы находилъ также подражателей. — Такъ, начиная приготовленія къ мятежу въ Познани въ 1841 г., графъ Дзялынскій въ своемъ имѣніи устроилъ также — и притомъ посредствомъ исключительно польскихъ техниковъ и ремесленниковъ— готическое зданіе, въ которомъ хранились памятники давней жизни Польши, богатая библіотека, польскія давнія рукописи и изданія, тщательно собираемыя по всему краю (стр. 352). Вмѣстѣ съ тѣмъ магнаты оказывали самое широкое покровительство польской литературѣ; одинъ графъ Рачинскій въ теченіи 20 лѣтъ издалъ до 200 томовъ различнаго рода сочиненій и памятниковъ прежней Польши (стр. 594); графъ Титъ Дзялынскій издалъ множество наиважнѣйшихъ неизвѣстныхъ давнихъ твореній біографическихъ и историческихъ и тѣмъ принесъ, по его собственному выраженію, лепту въ кружку приношеній Польшѣ (стр. 352); А. К. Чарторыйскій равнымъ образомъ обогатилъ польскую литературу нѣсколькими своими сочиненіями и усердно помогалъ изданію знаменитаго польскаго словаря Линде.—Вообще польская литература со времени паденія Польши чрезвычайно богата и разнообразна даже сравнительно съ прежними временами; всѣ почти авторитеты по разработкѣ различныхъ вопросовъ, касающихся польской исторіи, жили уже по паденіи Польши и всѣ ихъ сочиненія носятъ болѣе

или менѣе оттѣнокъ политическій; безпристрастное и по возможности всестороннее изложеніе исторической жизни Польши едвали даже можно и найдти у какого либо польскаго историка. «Поляки считаютъ нужнымъ писать исторію Польши не на основаніи фактовъ, справедливо замѣтилъ галичанинъ Гарасевичъ, а руководясь идеею полонизма, такъ чтобы въ исторіи не встрѣчалось какихъ либо печальныхъ фактовъ и не упоминалось даже объ угнетеніи русскихъ поляками».

Одновременно съ возбужденіемъ въ панскомъ сословіи патріотизма совершалось концентрированіе его посредствомъ различныхъ польскихъ обществъ, *появленіе которыхъ всегда означало приближающійся мятежъ,* какъ это видно изъ исторіи всѣхъ польскихъ мятежей. Общества эти всегда устроялись съ самыми прекрасными цѣлями и нѣкоторыя изъ нихъ пользовались даже покровительствомъ самихъ правительствъ; но тѣмъ не менѣе, какую-бы благонамѣренную цѣль ни выставляли въ своей программѣ, онѣ всегда были главнѣйшимъ средствемъ къ собиранію мятежническихъ силъ и средствъ; посредствомъ ихъ руководители полонизма всегда объединяли панское сословіе, разсѣянное по различнымъ государствамъ и направляли его къ цѣлямъ полонизма. Прототипомъ всѣхъ этихъ польскихъ обществъ, было общество «друзей наукъ», даже утвержденное прусскимъ королемъ Вильгельмомъ III и пользовавшееся покровительствомъ прусской администраціи. Одинъ изъ его учредителей и дѣятельнѣйшихъ членовъ извѣстный Ѳаддей Чацкій получилъ даже отъ прусской администраціи открытый листъ, съ которымъ онъ въ качествѣ ученаго объѣзжалъ области прусской Польши и собиралъ древніе документы, но главнымъ образомъ вербовалъ охотниковъ въ польскіе патріоты (ст. 258). Щедро покровительствуемое А. К. Чарторыйскимъ, настоящимъ своимъ основателемъ, общество «друзей наукъ» распространилось почти по всѣмъ прежнимъ польскимъ областямъ и всюду имѣло своихъ членовъ. Но кого нельзя было поймать на удочку польско-литературнаго ревнителя, тотъ шелъ на приманки «экономическаго» общества», основаннаго тѣмъ же Чацкимъ и сулившаго своимъ членамъ быстрое пріумноженіе доходовъ (ст. 301). Эти два общества охватывали предъ мятежемъ 1806 г. шляхетское сословіе почти всѣхъ прежнихъ польскихъ областей, сѣяли въ немъ надежды, поддерживали сношенія и е-

динство стремленій, возбуждали любовь ко всему польскому, отклоняли отъ сближенія съ духомъ новыхъ отечествъ и такимъ образомъ приготовляли горячихъ польскихъ патріотовъ. Предъ послѣдующими мятежами въ Познани всегда также основывались различныя польскія общества. Такъ предъ мятежемъ 1848 г. графъ Т. Дзялынскій возобновилъ прежнее общество «друзей наукъ»; подъ его руководствомъ сподручникомъ ето Марциновскимъ устроено было промышленное общество «Базара» въ Познани, средоточіемъ котораго служило огромное зданіе «Базара» въ г. Познани; это зданіе послужило и центромъ мятежа 1846 г., подавленнаго, къ счастію, въ самомъ началѣ (стр. 373). Предъ мятежемъ 1863 г., по инціативѣ Ламберова отеля, графъ А. Замойскій устроилъ въ Познани «агрономическое общество», которое распространилось по Галиціи и по Царству Польскому; въ Познани въ члены этого общества вписались 400 пановъ землевладѣльцевъ. «Агрономическое общество» сообразно съ своею цѣлію поддерживало живую связь съ панами въ другихъ польскихъ областяхъ; въ 1862 г. въ общемъ собраніи своихъ членовъ оно принимало прибывшихъ въ Познань представителей галиційскаго «агрономическаго общества»; а чтобы показать Европѣ, какія дружественныя отношенія существуютъ между панами и хлопами, составлена была депутація изъ польскихъ крестьянъ Познанской области, которая и привѣтствовала отъ лица всего крестьянства галиційскихъ пановъ, какъ прибывшихъ, говорили крестьяне, съ цѣлію доказать связь и единство между раздѣленными частями нашей ойчизны (стр. 700). «Агрономическое общество», повидимому, усердно занималось обсужденіемъ многопольныхъ системъ и травосѣянія, молотилокъ, сушилокъ и т. п.; только судя потому, что члены общества начали являться въ засѣданія въ польской одеждѣ и даже вооруженіи, что не принимали въ сочлены помѣщиковъ нѣмцевъ, пруссаки догадались, что цѣлію общества служитъ вовсе не земледѣліе (ст. 679 и 700).

Говоря о дѣйствіяхъ общества «друзей наукъ» авторъ между прочимъ сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія объ Янѣ Снядецкомъ, который, сколько намъ извѣстно, считается у насъ серьезнымъ ученымъ, занимавшимся разработкой своего предмета; оказывается, что и этотъ польскій ученый служилъ не столько наукѣ, сколько великому будованію и что польскій мятежъ 1794 г. имѣлъ въ

немъ одного изъ усерднѣйшихъ своихъ дѣятелей. Именно: во время этого мятежа Снядецкій оставилъ наблюденіе небесныхъ свѣтилъ и по порученію Костюшки занялся пріемомъ охотниковъ и рекрутовъ, а также сборомъ жизненныхъ и военныхъ припасовъ для войска (ст. 272). Польскіе ученые—по видимому самые серьезные—могутъ превращаться въ капраловъ мятежническихъ шаекъ также скоро, какъ ремесленники—евреи, по вѣрному замѣчанію г. Кельсіева — въ торговцевъ и ростовщиковъ. Въ полномъ смыслѣ тружениковъ истины и науки едва ли можно найти между поляками: они не служили наукѣ, а обращали науку въ прислужницу политики великаго будованія (ст. 252); а всѣ стремленія польскихъ писателей присвоить польской національности великаго Коперника оказываются напрасными (ст. 284 и 285).

Образованіе въ значительномъ количествѣ литературныхъ, благотворительныхъ и др. польскихъ обществъ, появленіе на ихъ засѣданіяхъ кунтушей и чамарокъ, разъѣзды ксендзовъ, особенно по ночамъ (ст. 681), частые съѣзды пановъ на пиры и охоты, усиленіе жалобъ на притѣсненія и въ тоже время крутой поворотъ въ пользу сближенія съ властями и даже простыми гражданами новыхъ отечествъ—всѣ эти явленія всегда служили признаками того, что агитаціонный періодъ, или періодъ возбужденія патріотизма оканчивается и начинается новый періодъ возстанія. По наблюденіямъ пруссаковъ это случается обыкновенно чрезъ 10—15 лѣтъ, чрезъ которые, по словамъ Мѣрославскаго, возобновляется у поляковъ революціонная лихорадка (стр. 681). Но какъ скоро начинается приготовленіе къ мятежу и самый мятежъ, въ сферахъ полонизма обыкновенно происходитъ весьма важный переворотъ, состоящій въ томъ, что главные руководители (филяры) полонизма повидимому отступаютъ на задній планъ и являются для постороннихъ наблюдателей совершенно не причастными къ мятежу,—*хотя на самомъ дѣлѣ во главѣ всѣхъ мятежей стояли всегда польскіе аристократы*. Такъ—актъ возстанія 6 января 1796 г. былъ составленъ при главномъ содѣйствіи князя А. К. Чарторыйскаго (ст. 40); польскій легіонъ въ Придунайскихъ княжествахъ, произведшій вторженіе въ Галицію, и легіоны собранные въ Италіи для привлеченія сочувствія къ полонизму Наполеона, образованы по мысли тогоже князя Чар-

торыйскаго (ст. 40); въ мятежѣ 1794 г. въ Пруссіи главными дѣятелями были знатные паны: Мнѣвскій, Немоевскій, Выбицкій и др. до 89 пановъ (ст. 208—210); въ мятежѣ 1806 г. въ той же Пруссіи главными руководителями были графъ Кс. Дзялынскій, князь Сулковскій и др. (ст. 307 — 309); въ мятежѣ 1846—1848 годовъ графы: Титъ Дзялынскій и Потворовскій (ст. 352 и 655), въ мятежѣ 1863 г. въ прусскихъ предѣлахъ графъ Янъ Дзялынскій, а также паны Ланчицкій, Качаровскій и др. (стр. 746 и 657). И не смотря на это ни одинъ изъ ясновельможныхъ ни разу не понесъ должнаго наказанія за свои дѣйствія. Въ разсматриваемомъ томѣ «Свѣдѣній» упоминается одинъ случай ареста двухъ магнатовъ (ст. 81) и одинъ случай обыска въ домѣ графа Я. Дзялынскаго, который однако послѣ обыска, ясно показавшаго его участіе въ мятежѣ 1863 г., избѣжалъ всякой отвѣтственности посредствомъ бѣгства за границу (ст. 746). Во всѣхъ же другихъ случаяхъ магнаты не подвергались даже и этимъ непріятностямъ. А достигали они такихъ успѣховъ тѣмъ, что предъ началомъ какого либо мятежа они или удалялись въ мѣста, отдаленныя отъ мятежа, какъ это сдѣлалъ напр. Чарторыйскій предъ мятежемъ 1794 г., уѣхавшій въ Вѣну, а затѣмъ въ Галицію (ст. 80), или—что всего чаще-дѣйствовали посредствомъ другихъ не столь важныхъ по своему положенію поляковъ. Такъ въ 1796 г. высокіе паны (кромѣ упомянутаго Чарторыйскаго графы: Дзялынскій, Вѣлегорскій, Ржевускій, Игн. Потоцкій и др.) прикрыли себя патріотическимъ комитетомъ изъ пановъ средней руки: Гржимайла, Рациборовскаго и др. и успѣли дѣйствительно въ томъ, что когда Денисько съ ватагой повстанцевъ вторгнулся изъ Дунайскихъ княжествъ въ Галицію и былъ разбитъ австрійскими войсками, а Нарбутъ, ѣхавшій изъ Парижа съ актомъ о созваніи польскаго сейма въ Миланѣ, адресованнымъ на имя Чарторыйскаго, Потоцкаго и Малаховскаго, былъ схваченъ на австрійской границѣ, то Чарторыйскій вслѣдствіе связей его въ Вѣнѣ отдѣлался только тѣмъ, что оставленъ былъ въ подозрѣніи, а черезъ нѣсколько лѣтъ даже назначенъ былъ начальникомъ галиційской гвардіи (ст. 75), Потоцкій и Малаховскій были арестованы, но затѣмъ оправданы и освобождены, тогда какъ Рациборовскій попробовалъ палочныхъ ударовъ, а повстанцы изъ шайки Дениски были повѣшены (ст. 81).—

Приготовляясь къ мятежу 1806 г. тотъ же Чарторыйскій дѣйствуетъ посредствомъ Чацкаго, которому и предоставляется честь основанія двухъ упомянутыхъ выше польскихъ обществъ, сдѣлавшихся центромъ приготовленій къ мятежу. Приготовляя мятежъ 1848 г. графъ Т. Дзялынскій избираетъ своимъ орудіемъ медика Марциновскаго, который и исполняетъ всѣ опаснѣйшія порученія; а во время мятежа главнымъ его двигателемъ является народный комитетъ, составленный изъ слѣсаря, литератора, трехъ ксендзовъ и т. под. лицъ (ст. 380). Для такой же цѣли во время мятежа 1863 г. служитъ Яну Дзялынскому его секретарь Рустейко, на имя котораго доставляется вся переписка по дѣлу мятежа (ст. 797); во время того же мятежа главный познанскій комитетъ, состоявшій изъ графовъ Дзялынскаго, Рачинскаго и др., прикрылъ себя другимъ низшимъ комитетомъ, состоявшимъ изъ портнаго, учителя и литератора; послѣднему и порученъ былъ разрядъ самыхъ опасныхъ дѣлъ, напр. вербованіе повстанцевъ, выдача имъ задатковъ, отправленіе въ шайки и т. п.,—тогда какъ главный комитетъ не входилъ въ непосредственныя сношенія съ повстанцами и имена его членовъ должны были оставаться тайными (ст. 713 и 714). Подобное загребаніе жара чужими руками не составляетъ впрочемъ монополіи однихъ аристократовъ; и паны землевладѣльцы средней руки поступаютъ точно также; обыкновенно работы болѣе уличающія въ соприкосновеніи съ мятежемъ поручаютъ они своимъ экономамъ, домашнимъ учителямъ и стараются даже не быть у себя дома во время посѣщенія повстанцами ихъ имѣнiй (ст. 765). Для подобной цѣли панской партіи или партіи бѣлыхъ оказываются особенно пригодными молодые люди съ самымъ рьянымъ конечно патріотизмомъ. Подобнымъ молодымъ людямъ, которыхъ ясновельможные привлекаютъ къ себѣ еще во время ихъ школьной жизни посредствомъ своихъ агентовъ при учебныхъ заведеніяхъ (ст. 784), даются очень почетныя, но крайне опасныя порученія; въ родѣ напр. членства въ центральномъ варшавскомъ комитетѣ, какъ это было въ послѣдній мятежъ (707 ст.) Выдвигая на первый планъ личности темныя, ничѣмъ себя не заявившія, частію только что соскочившія съ школьной скамьи, паны достигали этимъ двухъ цѣлей: они удерживали за собой дѣйствительную власть, обращая въ свои орудія молодыхъ патріотовъ и имѣя возможность всегда обратить ихъ въ прежнее ихъ

состояніе, и вмѣстѣ убѣждали правительства въ томъ, что творцы польскихъ мятежей—люди, принадлежащіе къ отребью польскаго общества, такъ какъ изъ людей такого рода составляются и центральные комитеты (ст. 707).

Такой способъ укрывательства своихъ дѣйствій долго удавался панамъ въ Пруссіи и Австріи. Пруская слѣдственная коммиссія по мятежу 1863 г. обнаружила, что въ числѣ 128 подсудимыхъ, прусскихъ подданыхъ, нашлось 15 отмѣченныхъ въ числѣ дѣятелей мятежей 1846 и 1848 г., нашлись даже дѣятели мятежа 1830 г. (ст. 764). Результатъ такого способа дѣйствій понятно тотъ, что правительства, поражая шайки и вѣшая мятежниковъ, обрушивали всю свою кару не на тѣхъ, на кого слѣдуетъ, а главное, черезъ усмиреніе повстаній и наказанія мятежниковъ они не достигали прочнаго ручательства будущаго спокойствія, потому что оставляли на свободѣ главныхъ коноводовъ мятежа.

Другой маневръ, употреблявшійся предъ началомъ каждаго мятежа, состоитъ въ томъ, что паны въ это время всегда обнаруживали особенное стремленіе къ сближенію и примиренію съ властями и гражданами новыхъ ихъ отечествъ. Такъ галиційскіе поляки предъ мятежемъ 1848 г. оставили свою замкнутость и стали сближаться съ австрійскими властями (ст. 98). Точно также дѣйствовало въ это время шляхетство и въ Пруссіи. Не только въ Познани, но и во всей Германіи поляки заискивали расположенія у нѣмцевъ, выставляли свою приверженность и симпатіи къ нимъ и сдѣлались вдругъ очень привѣтливы—одни къ прусскимъ военнымъ, порицая при нихъ только прусскую администрацію,—другіе къ чиновникамъ, нападая при нихъ на военныхъ и т. п. (ст. 371). — Тогда какъ польскіе агенты различными слухами силятся произвести волненія въ народныхъ массахъ и увлечь ихъ въ мятежъ, въ это самое время паны усиливаютъ предъ правительствомъ свои увѣренія въ преданности и просятъ у него защиты противъ волнующихся крестьянъ; отсюда выходили такого рода явленія, что напр. правитель Галиціи доносилъ въ Вѣну о крамольномъ настроеніи пановъ, а изъ Вѣны ему отвѣчаютъ, что паны ищутъ правительственной защиты; мѣстная администрація предупреждаетъ о броженіи умовъ, а поляки, заслужившіе довѣренность у высшихъ австрійскихъ властей, объясняютъ

ить, что австрійцевъ—трусливыхъ преслѣдуютъ призраки, а честолюбивыхъ — желаніе выслужиться (стр. 102). А если и эти козни не удавались и власти, открывая во ввѣренныхъ имъ областяхъ признаки приближающагося мятежа, начинали принимать мѣры къ его предупрежденію, то поляки старались увѣрить правительство, что разладъ между трономъ и польскимъ дворянствомъ производятъ демократы—чиновники, завидующіе сословію польскихъ землевладѣльцевъ, или что волненія производятся администраціей и войсками (стр. 370). Этотъ маневръ 1848 года повторился съ нѣкоторой варіацией въ Пруссіи и предъ мятежемъ 1863 г., когда познанская полиція захватила прокламацію эмигрантовъ къ познанскимъ полякамъ, убѣждавшую ихъ готовиться къ новому мятежу, и начальникъ прусской полиціи разослалъ вновь напечатанные экземпляры этой прокламаціи полицейскимъ агентамъ съ приказаніемъ строго наблюдать за дѣйствіями поляковъ. Польская тайная полиція, узнавши объ этомъ, достала нѣсколько вновь напечатанныхъ экземпляровъ прокламаціи и розослала ихъ къ полякамъ отъ имени начальника прусской полиціи, а затѣмъ польскій депутатъ заявилъ на сеймъ въ Берлинѣ, что прусская администрація въ Познани посредствомъ своихъ агентовъ побудила нѣсколькихъ эмигрантовъ составить эту прокламацію, что сама полиція и распространила ее для того, чтобы произвести безпорядки, а черезъ это еще болѣе доканать польское населеніе (стр. 665 и 667).

Польскіе магнаты и паны землевладѣльцы являются, какъ мы видѣли, главными дѣятелями во всѣхъ мятежахъ. Второй послѣ нихъ и послѣдній въ собственномъ смыслѣ мятежническій элементъ, участвующій въ повстаніяхъ вполнѣ добровольно и сознательно, а не подъ вліяніемъ внѣшнихъ какихъ либо обстоятельствъ, не подъ вліяніемъ обмана, страха и совнѣ возбужденныхъ надеждъ, составляетъ латинское духовенство. Знакомясь по разсматриваемому нами сочиненію со всѣми доселѣ бывшими мятежами въ Австріи и Пруссіи, мы видимъ, что не было ни одного польскаго возстанія, въ которомъ бы ксендзы не принимали самаго дѣятельнаго участія. Они отправляютъ различныя должности въ администраціи народоваго жонда въ качествѣ военныхъ и цивильныхъ коммисаровъ (стр. 769 и 772), интендантовъ (ст. 801), вербовщиковъ (ст. 803) и членовъ народовыхъ комитетовъ. Но глав-

ною специальностію ксендзовъ всегда было увлекать въ мятежи простое городское и сельское населеніе. Вербовка этого рода производилась въ костелѣ—съ амвона и въ исповѣдальнѣ. Обыкновенно они проповѣдують, что идти спасать ойчизну призываетъ всѣхъ католиковъ или—что тоже — поляковъ (ксендзы усиленно внушали, что католикъ и полякъ одно и тоже) Сама Божія Матерь—королева Польши, желающая возстановить Польшу по Одеръ или Эльбу (ст. 612),—призываетъ ихъ къ тому и вѣра римская, подвергающаяся опасности отъ пруссаковъ, которые, говорили они польскому населенію Познани, хотятъ обратить васъ въ протестантство, которые святотатствуютъ въ вашихъ костелахъ,—ругаются надъ вашими святынями (ст. 383). И поэтому—внушалось народу—мятежъ есть дѣло религіозное, или, какъ сказано въ одной ксендзовской газетѣ, есть бой Божій (ст. 769). Очень естественно, что ксендзы для увлеченія въ мятежъ могли пользоваться даже исповѣдью и давать разрѣшеніе грѣховъ на будущее время тѣмъ, кто соглашался идти въ банды (ст. 769). Въ Австріи—при господствующей въ ней р.-католической религіи—нельзя было конечно проповѣдывать о мнимыхъ преслѣдованіяхъ костела, поэтому здѣсь ксендзы пользовались другими обстоятельствами. Такъ предъ мятежемъ 1848 г. въ Галиціи случился страшный голодъ; ксендзы умирающимъ отъ голода бѣднякамъ имѣли безчеловѣчіе проповѣдывать, что это бѣдствіе—кара небесная за то, что они вѣрятъ болѣе правительству, чѣмъ панамъ, которые—кстати замѣтимъ—дѣйствительно выхлопотали для голодающихъ значительныя суммы у австрійскаго правительства, но эти деньги употребили на мятежъ(стр. 97). Ксендзы ухитряются обращать въ средство къ возбужденію населенія противъ правительства даже такія обстоятельства, которыя, по видимому, никакъ не могутъ служить для этой цѣли. Такъ напр. въ Пруссіи при перемѣнѣ формы въ войскахъ одному гусарскому полку оставленъ прежній красный цвѣтъ его мундира въ память того, что имъ командовалъ знаменитый Блюхеръ. Ксендзы этотъ случай объяснили народу въ такомъ видѣ, что красный мундиръ оставленъ полку за то, что онъ въ X в. замучилъ св. Адальберта, проповѣдника латинства въ Пруссіи (ст. 614).

Кромѣ обычной проповѣди, предъ началомъ мятежей, ксендзы старались фанатизировать народъ посредствомъ религіозныхъ демон-

страцій, которыя, по соображеніямъ руководителей полонизма, должны уничтожать искони существовавшую пропасть между панами и хлопами, почему паны обыкновенно и высылали на эти религіозно-политическія службы въ костелахъ всѣхъ находившихся у нихъ въ услуженіи (ст. 690). Религіозныя демонстраціи состояли или въ торжественныхъ процессіяхъ къ придорожнымъ крестамъ, которые служатъ для поляковъ указаніемъ того, что извѣстная мѣстность принадлежитъ Польшѣ великаго будованія (ст. 613), или состояли въ панихидахъ по мнимымъ польскимъ мученикамъ за ойчизну (ст. 620), или въ торжественныхъ богомольяхъ въ какой либо монастырь, дабы умолять Всевышняго о скорѣйшемъ возстановленіи разорванной ойчизны, при чемъ богомольцевъ ксендзы встрѣчали въ полномъ облаченіи, съ крестами въ траурѣ и съ польскими знаменами (ст. 693) и т. п. Костелы на время демонстрацій убирали такъ, чтобы все напоминало прежнюю Польшу. При торжественномъ напр. богослуженіи въ 1861 г. въ воспоминаніе побѣды Яна Собѣскаго надъ турками въ одномъ костелѣ въ Познани надъ алтаремъ поставлено было конное изображеніе Собѣскаго, лѣвѣе—гербъ Польши—бѣлый орелъ, правѣе—гербъ Литвы—всадникъ, сверху снова польскій орелъ съ подписью: «въ 1683 г. прогналъ турокъ и избавилъ нѣмцевъ», а внизу транспарантъ со словами: «Боже! избави Польшу». Въ проповѣди при празднованіи этого торжества ксендзъ сравнивалъ страданія польскаго народа подъ властью русскихъ и нѣмцевъ съ страданіями іудеевъ въ Вавилонѣ (691). Иногда эти религіозно-политическія богослуженія оканчивались такого рода трагической выходкой когда ксендзъ замѣчалъ, что масса молящихся достаточно возбуждена воплями объ угнетеніи р.-католичества и о необходимости защищать вѣру, тогда онъ, съ приличными тѣлодвиженіями, разрывалъ на себѣ верхнюю одежду, которая за тѣмъ передавалась въ толпу и разрывалась на кусочки; эти кусочки пришпиливались къ одеждѣ присутствующими, и служили знакомъ того, что эти лица съ пришпиленными кокардами такого рода дали обѣтъ идти на бой Божій—т. е. въ шайки—для возстановленія Польши.

Ксендзы фанатизировали народную массу путемъ религіи; одновременно съ ними паны усиливались увлечь ее въ мятежъ средствами другаго рода. *Привлечь къ себѣ народъ обѣщаніемъ различныхъ панскихъ милостей и вмѣстѣ возбудить*

въ немъ недовольство правительствомъ, оттолкнуть его отъ правительства—въ этомъ состояла обычная тактика пановъ, какъ видно изъ представляемой въ разсматриваемомъ сочиненіи практики всѣхъ мятежей въ Австріи и Пруссіи. Средствомъ къ возбужденію недовольства крестьянъ правительствомъ паны, готовясь къ мятежу, употребляли большею частію самое же правительство, побуждая его къ строгимъ и большею частію несправедливымъ мѣрамъ противъ крестьянъ. Такъ предъ мятежемъ 1846 г., когда галиційскіе крестьяне начали волноваться вслѣдствіе слуховъ, распущенныхъ частію самими же панами, частію агентами польской демократической партіи, паны-землевладѣльцы успѣли внушить правителю Галиціи, что безопасность страны требуетъ рѣшительныхъ мѣръ противъ крамольнаго настроенія крестьянъ. Правитель Галиціи дался въ обманъ и отправлялъ по панскимъ требованіямъ военныя экзекуціи противъ преданныхъ правительству крестьянъ, которыхъ этимъ средствомъ и надѣялись паны оторвать отъ правительства (стр. 99). Точно также въ Познани предъ мятежемъ 1863 г., желая вызвать строгія мѣры правительства противъ простолюдиновъ, паны жаловались правительству на крамольное настроеніе къ нимъ ихъ работниковъ и крестьянъ (ст. 695). Побуждая правительства карать мнимыхъ преступниковъ, паны съ своей стороны обѣщали имъ предъ началомъ мятежей всевозможныя блага. Предъ мятежемъ 1848 года они пустили слухъ между галиційскими крестьянами сначала о томъ, что хотятъ замѣнить панщину оброкомъ, а затѣмъ,—что подарятъ панщину крестьянамъ безъ всякаго отъ нихъ вознагражденія (ст. 117). Когда и въ прусско-польскихъ областяхъ и въ Галиціи крестьяне были освобождены правительствомъ совершенно вопреки желанію пановъ, — употребившихъ напр. въ Галиціи всѣ усилія къ тому, чтобы ухудшить, сколько только возможно, матеріальное положеніе освобождаемыхъ крестьянъ, — паны увѣряли крестьянъ, что освобожденіемъ своимъ они обязаны не правительству, а имъ панамъ (ст. 117, 118 и 788). Въ частности для привлеченія къ себѣ галицко-русскаго населенія поляки брались то за собираніе галицко-русскихъ пѣсень (стр. 90), то за идею славянскаго единства (ст. 125), то за кулишовку (ст. 134), то за спаиваніе крестьянъ (ст. 100 и 626), то наконецъ за Іосафата Кунцевича, на возведеніе котораго во святые Ламберовъ отель предъ мяте-

жемъ 1863 года пожертвовалъ 90,000 скуди изъ народовыхъ офяръ (ст. 139).

Результаты этого чудовищнаго сочетанія ксендзовскаго и панскаго обмана и коварства еще болѣе замѣчательны, чѣмъ самое это сочетаніе: *полонизму*, при всѣхъ ухищреніяхъ пановъ и могуществѣ ксендзовъ, *ни разу не удалось въ Галиціи и прусско-польскихъ областяхъ увлечь въ мятежъ массы польскаго крестьянскаго населенія*. Напротивъ въ разсматриваемомъ сочинени мы встрѣчаемъ непрерывный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о неизмѣнной преданности крестьянскаго сословія правительствамъ Австріи и Пруссіи. Такъ во время мятежа 1794 года польское населеніе въ прусскихъ областяхъ, не смотря на принужденіе пановъ и убѣжденія ксендзовъ, не тронулось съ мѣста; самый большій успѣхъ мятежа былъ въ Калишѣ, но и здѣсь паны, собравшіеся съ своими дворовыми, по цѣлому бывшему воеводству не могли собрать больше 1200 человѣкъ (ст. 212). Въ 1830—31 г. крестьяне въ Галиціи приняли грозное положеніе противъ готовимой панами крамолы; на крестьянскихъ сборищахъ слышались угрозы панамъ (ст. 92 и 93). Въ 1848 г. паны, зная ненависть къ себѣ крестьянъ, начинаютъ мятежъ въ городахъ (ст. 116); а крестьяне не только не приняли въ немъ никакого участія, но ловили даже тѣхъ мятежниковъ, которые спасались отъ рукъ правительства (ст. 121). Въ прусско-польскихъ областяхъ въ томъ же 1848 г. изъ среды крестьянскаго сословія слышались грозныя рѣчи для пановъ. «Не будемъ мы знать покоя въ Польшѣ прежде, пока не перевѣшаемъ всѣхъ пановъ», сказалъ крестьянинъ Прушекъ своимъ односельцамъ. Другой случай: разъ панъ входитъ въ корчму и начинаетъ угощать случившихся тутъ крестьянъ, призывая ихъ къ бунту для возстановленія давней польской вольности. Въ отвѣтъ на это одинъ старый крестьянинъ, снявъ рубаху, показалъ пану шрамы на спинѣ, оставшіеся отъ ударовъ курбача, и низко кланяясь ему сказалъ: «благодаримъ, пане, за вашу вольность.» Когда въ 1846 г. правительство, открывъ заговоръ познанскихъ пановъ, потребовало на службу безсрочныхъ, послѣдніе, прибывши къ мѣсту назначенія, заявляли: «пусть только король каждому изъ насъ отпуститъ по два гроши на веревку, мы тотчасъ водворимъ спокойствіе, мы всѣхъ пановъ перевѣшаемъ» (ст. 626 и 627). О настроеніи крестьянъ

во время послѣдняго мятежа упомянутый нами выше Фукъ гов
ритъ: «Никогда ни одному крестьянину не приходило въ голо
вооружиться и биться на свою же гибель за идею своего господи
Въ Царствѣ Польскомъ нерѣдко крестьяне, къ которымъ мы о
ращались за хлѣбомъ, насъ привѣтствовали словами: собач
шляхта, а въ Галиціи крестьяне на насъ доносили австрійск
полиціи (ст. 154).»

Такъ событія трехъ четвертей столѣтія упорно доказываю
что никакіе призывы къ польской ойчизнѣ не могли разшевел
даже р.-католическое населеніе областей бывшей Польши.
времени освобожденія отъ крѣпостной зависимости въ Пруссі
Австріи, крестьянское сословіе положительно пропало для поло
ма; только бездомники, прислуга, псари, батраки и городс
чернь (стр. 402) шли въ шайки по убѣжденію пановъ и ксе
зовъ или по найму; большинство наемниковъ въ двухъ посл
нихъ мятежахъ состояло изъ наемныхъ людей. Съ этой то
зрѣнія становится понятной необычайная важность надѣла зе
всѣмъ бездомникамъ и батракамъ; посредствомъ этой мѣры п
*вительство уничтожаетъ въ сельскомъ населеніи посл
нiй элементъ, которымъ могутъ пользоваться паны
мятежа.* Исторія польскихъ мятежей представляетъ то
одинъ случай поддержки мятежа сельскимъ населеніемъ; это и
но случилось во время послѣдняго мятежа въ Ковенской губе
въ которой, какъ извѣстно, особенно много беземельныхъ лю
(ст. 18).

Относительное значеніе пановъ, ксендзовъ и простаго насел
для производства мятежей очень ясно выразилось также и
приводимыхъ авторомъ статистическихъ данныхъ: изъ числа
устроителей мятежа 1863 года, подвергнутыхъ суду прусс
правительствомъ, 92 принадлежатъ къ сословію пановъ и ш
ты, 8 ксендзовъ, 3 (въ собственномъ смыслѣ) купца, 1 реме
никъ и ни одного крестьянина (ст. 781).

И такъ—выскажемъ въ краткихъ положеніяхъ сущность
вышесказаннаго на основаніи разсматриваемаго сочиненія.—

1) *Причина мятежей заключается въ самой пр
дѣ полонизма и мятежи прекратятся только то
когда исчезнутъ слѣды польской національности.*

2) *Польской національности духъ мятежа при*

и ввели въ самую ея природу польскіе магнаты посредствомъ обширной и строго разсчитанной системы дѣйствій.

3) *Польскую національность съ внѣдреннымъ въ ея природу духомъ мятежа составляютъ польскіе магнаты, паны, шляхта и ксендзы.*

4) *Сельское населеніе прежнихъ даже коренныхъ польскихъ областей непринадлежитъ къ польской національности, не проявляя духа мятежа.*

Ѳ. Ел.

(Окончаніе будетъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

ОСВЯЩЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ДУКШТАХЪ.

Дукшты—собственно не мѣстечко, но селеніе небольшое, находящееся на с. з. отъ Вильны, въ томъ же уѣздѣ, въ 28 верст. по кратчайшему пути и въ нѣсколькихъ верстахъ отъ м. Кернова, бывшаго въ XII в. однимъ изъ главнѣйшихъ удѣльныхъ княжествъ литовской Руси. Мѣстность эта, довольно живописная, нѣсколько извѣстная по минеральному источнику, составляла нѣкогда капитальное имѣніе ордена піаровъ (нынѣ казенное); украшена она такимъ красивымъ зданіемъ храма, что онъ могъ бы составить одно изъ лучшихъ украшеній губернскаго города. Храмъ стоитъ въ хорошей позиціи, на холмѣ, и представляетъ продолговатое, четырехугольное зданіе, возведенное изъ булыжнаго камня. Наличныя украшенія его, въ готическомъ вкусѣ, по карнизу, надъ окнами и на пилястрахъ, выведены изъ краснаго кирпича, что очень идетъ къ дикому тону стѣнъ. По угламъ зданія подымаются стрѣльчатыя, красныя башенки; а съ передняго фронта выступаетъ притворъ съ колокольней, въ видѣ четырехугольной

башни, съ остроконечнымъ шпилемъ и башенками. Внутренность храма также нравится своею соразмѣрностію въ планѣ и свѣтлымъ освѣщеніемъ. Середина зданія, опираясь на четырехсторонних съ арками столбахъ, дѣлитъ внутренность его на три продольныхъ протяженія; изъ нихъ боковыя, у алтарной части, укорочены стѣнами ризницъ, а середнее занимаетъ всю длину зданія. Сводъ, на всей плоскости своей, забранъ балками въ квадратныя клѣтки и по клѣткамъ усѣянъ рѣзными розетками, что чрезвычайно нравится взору.

Построенъ костелъ 14 лѣтъ тому назадъ на деньги, собранныя по складчинѣ; и въ числѣ пожертвованій тогда же былъ полученъ, отъ одного ссыльнаго поляка, кусокъ камня изъ Тобольска, какъ патріотическій памятникъ его ссылки. Съ честію вдѣланъ онъ въ стѣну задняго фасада (съ надписью на виду), и камень этотъ легъ какъ бы камнемъ соблазна для манифестацій, въ послѣдній мятежъ опорочившихъ святыню храма. За эти манифестаціи поплатились мѣстные плебаны, а въ послѣднее время настоятельствовавшій ксендзъ познадъ самъ тщету какъ религіознаго, такъ и національнаго разъединенія съ общимъ отечествомъ. При томъ костелъ этотъ оказывался лишнимъ для мѣстности, окруженной, на близкихъ разстояніяхъ, нѣсколькими костелами.

Въ видахъ настоятельной необходимости церкви для мѣстнаго православнаго населенія, изъ туземныхъ жителей и переселенцевъ, изъ которыхъ первые, до мятежа, не имѣли здѣсь на всемъ пространствѣ уѣзда своей церкви и числились, не смотря на отдаленность, въ одномъ изъ городскихъ приходовъ,—признано было нужнымъ построить для нихъ хоть тѣсную церковь, на первыхъ порахъ, чтобы могло собраться стадо во едино. А теперь, когда оно стало возрастать, отъ костела же прихожане стали отшатываться, начальство сочло нужнымъ обратить опустѣвшій костелъ на церковь, на что послѣдовало разрѣшеніе правительства.

Вышло такъ счастливо, что не было особенныхъ заботъ хлопотать, объ иконостасѣ. Обѣ стѣны, что передъ

клиросами, обставлены уже были двуярусными кіотами, въ такомъ православномъ вкусѣ, что не было надобности ни перестроивать кіотъ, ни перемѣнять иконъ. То, что составляетъ теперь иконостасъ, преграждало прежде самую глубину алтарной части; теперь эту перегородку оставалось только передвинуть поближе въ уровень съ боковыми кіотами, убрать латинскій жертвенникъ, икону надъ жертвенникомъ снять,—и вышелъ готовый пролетъ для царскихъ дверей; надъ ними замѣстили икону тайной вечери, въ готовыя мѣста вставили мѣстныя иконы, пристроили въ свободныхъ мѣстахъ боковыя двери и, вышелъ оригинальный иконостасъ, въ готическомъ вкусѣ, соотвѣтствующій лицевому фасаду храма.

Наканунѣ освѣщенія его 18-го января прибыло изъ города и уѣзда духовенство, съ которымъ мѣстный благочинный и каѳедральный протоіерей, о. Викторъ Гомолицкій, горячо принимавшій къ сердцу успѣхъ этого дѣла, и протоіерей виленской городской церкви, о. Петръ Левицкій, искавшій и собиравшій здѣсь свою паству, когда она числилась въ его городскомъ приходѣ—совершили торжественно всенощную службу. Утромъ слѣдующаго дня, т. е. 19 января, прибыли: преосвященный Іосифъ, епископъ ковенскій, начальникъ губерніи И. А. Шестаковъ и проч. начальствующіе лица. У церкви собрался народъ видѣть, съ какою церемоніею войдетъ преосвященный, котораго встрѣтить пошли члены духовенства на домъ. Когда начался обрядъ освященія престола въ честь и память св. правед. Анны, народъ желалъ быть свидѣтелемъ знаменательнаго дѣйствія, вдвинулся сплошною массою въ алтарь и послѣ обряда чинно послѣдовалъ за крестнымъ ходомъ вокругъ церкви; причемъ крестьяне впереди несли братскіе образа. Какъ нельзя болѣе кстати, блеснуло солнце, котораго не обѣщало намъ пасмурное небо утра; стало тихо, погодно. Тогда же однимъ изъ священниковъ окроплено было зданіе кладбищенской часовни.

За обѣдней, въ свое время, мѣстный священникъ о. Алексѣй Серебрянниковъ, произнесъ поученіе, а въ концѣ обѣдни, преосвященный, какъ самъ выразился, «воодушев-

лясь счастіемъ привѣтствовать счастливыхъ обитателей места съ новопосвященною для нихъ церковью,»—назидалъ предстоявшихъ архипастырскимъ словомъ. Послѣ молебна преосвященнымъ сказано нѣсколько словъ по поводу замѣченныхъ имъ остатковъ благочестія въ обычаѣ ставить свѣчи предъ образами и пожелалъ, чтобы эта закваска возъимѣла такое дѣйствіе, какъ хлѣбная закваска въ квашнѣ, или дѣжѣ хлѣбной. Примѣнительная къ понятіямъ народа рѣчь производила замѣтное впечатлѣніе на слушателей. По окончаніи службы архипастырь раздавалъ подходившимъ къ благословенію наперсные крестики, а домохозяевамъ—образа. Одинъ изъ получившихъ справился у насъ: чье изображенье досталось ему? Желаніе его было удовлетворено, при чемъ, когда поданъ былъ нами совѣтъ ему: установить образъ въ почетномъ углу хаты,—онъ какъ бы обиженно сказалъ: «знаю, знаю, о-то?! у насъ и божница есть, какъ слѣдуетъ, и свѣчи стоятъ, какъ надо.»

По выходѣ преосвященнаго изъ церкви, представилось намъ дѣйствительно эффектное зрѣлище: расчищенная и усыпанная песочкомъ площадка обставлена была съ трехъ сторонъ столами, полными разныхъ закусокъ; за столами живою и пестрою изгородью стоялъ народъ, въ громадномъ множествѣ; кругомъ развѣвались флаги, межь зелени елокъ, а на лицо красовался писанный вензель Государя Императора, убранный флагами. Посреди площади, на особомъ столѣ, важно вздымался зажаренный волъ, съ золоченными рогами. По бокамъ его, установлены были бочки съ виномъ. Толпа стояла тихо, неподвижно. И вотъ, когда послѣ привѣтствія преосвященнаго, начальникъ губерніи, съ чаркою въ рукахъ, провозгласилъ здоровье Государя Императора,—эффектное, но неподвижное зрѣлище обратилось въ самое оживленное и шумное. Съ крикомъ ура! бросились поселяне на столы съ закусками, въ мигъ ухватились за рога вола, окружили его, раскачали и окончательно овладѣли имъ. Болѣе мирное наслажденіе послѣдовало за этимъ для мальчиковъ мѣстнаго народнаго училища, которыхъ преосвященному представилъ директоръ

народныхъ училищъ, А. И. Садековъ. Они благословлены были привезенными отъ братства (св.-Духа) и дирекціи евангеліями, молитвословами и др. книгами. При чёмъ являлись за полученіемъ книгъ грамотники взрослые и даже пожилые.

Какъ водится по русскому хлѣбосольному обычаю, русская семья участниковъ торжества была угощена изряднымъ обѣдомъ; и какъ водится, обѣдъ былъ завершенъ тостами.

Съ обѣда каждый унесъ пріятное впечатлѣніе, произведенное заявленіями русскаго единодушія. *С. І. Б.*

(Вил. Вѣстн.).

ЕЩЕ О ВСТУПЛЕНІИ АРХІЕПИСКОПА МАКАРІЯ НА АРХІЕРЕЙСКУЮ КАѲЕДРУ ЛИТОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» напечатано: Виленская русская публика въ восхищеніи отъ своего новаго архипастыря, высокопреосвященнаго Макарія (бывшаго архіепископа харьковскаго). Своимъ служеніемъ, своею проповѣдью, своимъ обхожденіемъ онъ съ перваго раза уже привлекъ къ себѣ сердца всѣхъ. 12 января, въ воскресенье, высокопреосвященный Макарій служилъ первую обѣдню въ большой церкви виленскаго свято-Троицкаго монастыря. Стеченіе народа было необыкновенное: всѣмъ желательно было видѣть владыку въ его служеніи; всѣ ожидали отъ него слова. И можемъ сказать безъ преувеличенія, что всѣ были умилены до слезъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. «Молю васъ достойно ходити званія, въ немъ же звани есте»: такъ началъ первое слово свое новый архипастырь къ новой паствѣ своей, развивъ и уяснивъ прежде всего, что значитъ званіе православнаго христіанина и къ чему оно обязываетъ. По выходѣ изъ церкви, г. главный начальникъ края съ супругою и другіе сановники отправились въ помѣщеніе высокопреосвященнаго (такъ называемый митрополичій домъ), гдѣ вмѣстѣ имѣли честь представиться его высокопреосвященству и всѣ

высшіе военные и гражданскіе чины города Вильны. Высокопреосвященный просилъ всѣхъ остаться на завтракъ, который не замедлилъ появиться на сервированныхъ уже столахъ. Во время завтрака высокопреосвященный Макарій провозгласилъ первый тостъ за здоровье Того, чье имя и въ бесѣдахъ, и въ сердцахъ, и въ собраніяхъ, и въ молитвахъ, всегда у насъ первое, — за здоровье Государя Императора. Второй тостъ за здоровье высокопреосвященнаго Макарія предложилъ г. главный начальникъ края, А. Л. Потаповъ, при слѣдующемъ обращеніи къ нему:

«Съ первыхъ дней нашего знакомства съ вами, ваше высокопреосвященство, когда вы прибыли на погребеніе въ Бозѣ почившаго предмѣстника вашего, мы въ вознагражденіе понесенной нами въ смерти покойнаго митрополита Іосифа утраты, душевно, искренно, желали вашего назначенія къ намъ. Благодѣянія, постоянно изливаемыя на насъ обожаемымъ Монархомъ нашимъ, и въ настоящемъ случаѣ явлены намъ осуществленіемъ нашихъ желаній. Святѣйшій синодъ изволилъ избрать, а Августѣйшій Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ утвердить это избраніе васъ въ наши архипастыри. Теперь намъ остается только благодарить Всемилостивѣйшаго Государя Императора и святѣйшій синодъ за это назначеніе васъ къ намъ и пожелать вашему высокопреосвященству благополучія, здоровья и силъ къ прохожденію вашего служенія. Мы всѣ счастливы вашимъ назначеніемъ.»

На это высокопреосвященный Макарій отвѣчалъ: «я душевно желаю оправдать ваши ожиданія»; и предложилъ послѣ тостъ за здоровье г. главнаго начальника края. Затѣмъ Александръ Львовичъ Потаповъ предложилъ тостъ «за все православное духовенство и всю литовскую православную паству, чтобъ она благоденствовала и процвѣтала подъ управленіемъ высокопреосвященнаго Макарія и чтобъ она, по словамъ незабвеннаго монарха, въ Бозѣ почившаго императора, «нѣкогда отторженная насиліемъ и потомъ возсоединенная любовію, любовію же утверждалась и укрѣплялась въ православіи.» За тѣмъ еще одинъ тостъ за здо-

ровье преосвященнаго былъ предложенъ отъ имени русскаго населенія города Вильны городскимъ головою генераломъ Н. П. Цыловымъ. Послѣ всѣхъ подошелъ къ высокопреосвященному одинъ изъ представителей виленскаго учебнаго сословія и сказалъ:

Къ этимъ всеобщимъ, несомнѣнно искреннимъ пожеланіямъ для васъ здоровья, силъ и благоденствія, позвольте мнѣ, ваше высокопреосвященство, отъ имени присутствующаго здѣсь состава виленскаго учебнаго округа, послѣ слышанной нынѣ нами вашей проповѣди, присоединить еще одно желаніе, которое впрочемъ болѣе къ намъ, нежели къ вамъ относится. Это желаніе, чтобъ все вмѣщенное въ вашихъ сочиненіяхъ, изданныхъ въ свѣтъ, перешло къ намъ вторично вашими златоустовскими устами, и не скользило бы по душѣ, но глубоко западало въ нее, пуская бы въ ней крѣпкіе корни, и возвращаясь оттуда, оплодотворенное благодатію и вашими молитвами и благословеніемъ, былобъ дѣйственно и по всей паствѣ вашей и особенно въ насъ, руководителяхъ просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ. Помогайте намъ, владыко!

На это пожеланіе высокопреосвященный Макарій отвѣчалъ: «это и есть единственное мое желаніе и единственная цѣль всего, что мною съ каѳедры говорится.»

Послѣ этихъ словъ всѣ встали, чтобъ проститься съ высокопреосвященнымъ, и г. начальникъ края сказалъ прощаясь: «еще разъ повторю, мы счастливы вашимъ назначеніемъ, хотимъ назидаться и пользоваться вашими поученіями. Въ каждомъ вашемъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ вашемъ мы почерпаемъ увѣренность и силу служить правдѣ и процвѣтанію православія. Просимъ вашего благословенія!»

ПО СЛУЧАЮ ЗАУПОКОЙНОЙ ОБѢДНИ И ПАНИХИДЫ ВЪ 40-Й ДЕНЬ ПОСЛѢ СМЕРТИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО ІОСИФА.

По обычаю нашей православной церкви, матерински провожающей насъ въ жизнь загробную и, въ чувствѣ ма-

теринской скорби, какъ-бы не желающей скоро отойти отъ нашей могилы, гласныя моленія церкви объ умершемъ обыкновенно продолжаются непрерывно сорокъ дней. Этотъ священный обычай происхожденіемъ своимъ обязанъ нѣкоторымъ святымъ угодникамъ—тайновидцамъ, пробудившимся отъ смертнаго сна и разсказавшимъ о странствованіяхъ души по мытарствамъ въ теченіи 40 дней послѣ смерти, и въ 40-ой только день получающей опредѣленное мѣсто. Вотъ почему материнская любовь ко всѣмъ намъ нашей матери-церкви, хотя и всегда не забываетъ умершихъ и всякую обѣдню приноситъ за всѣхъ умершихъ безкровную жертву, но не умолкаемыя моленія объ усопшемъ съ надгробными рыданіями; совершаетъ вмѣстѣ съ родными его, большею частію, 40 дней, и въ 40-й день какъ бы оканчиваетъ свои усиленныя молитвы. Каждаго умершаго поименно поминать каждый день нѣтъ никакой возможности для священнослужителя; но поминать его 40 дней, это еще возможно; а потому у насъ, православныхъ, это свято и соблюдается; и родство, дружба и любовь ежедневно приводятъ родныхъ и близкихъ умершаго въ церковь въ теченіи 40 дней. Вотъ почему панихида въ сороковой день, какъ бы послѣдняя, всегда бываетъ какъ-то печальнѣе другихъ. Такъ и въ этотъ день *) 31-го декабря, какъ 40-й послѣ смерти въ Бозѣ почившаго митрополита Іосифа, по приглашенію духовенства на заупокойную обѣдню собралось народа болѣе обыкновеннаго. Обѣдню и панихиду служилъ викарій литовской епархіи, епископъ ковенскій, преосвященный Іосифъ, въ Св. Духовскомъ монастырѣ, гдѣ похоронено тѣло покойнаго митрополита. Каждый изъ насъ шелъ съ грустнымъ чувствомъ на это послѣднее приглашеніе, зная, что уже болѣе такихъ приглашеній не будетъ. Каждый охотно желалъ почтить память этого великаго историческаго человѣка и молитвенно подарить его послѣднею слезою. И такъ какъ по-

*) *Примѣчаніе.* 40-й день собственно былъ 1-го января, но ради церковнаго празднества въ этотъ день—панихида была наканунѣ.

слѣдняя слеза никогда не бываетъ безъ боли, то эта сердечная боль высказалась и въ проповѣди по этому случаю преосвященнаго ковенскаго Іосифа, которую мы помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ.

СЛОВО,

произнесенное 31-го декабря 1868 года, на заупокойной литургіи по въ Бозѣ почившемъ митрополитѣ литовскомъ и виленскомъ Іосифѣ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе; ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. 13, 7).

Что намъ, бр., и осталось теперь дѣлать, какъ не воспоминать въ Бозѣ почившаго наставника нашего въ вѣрѣ—архипастыря отца? Долгъ христіанской любви и особенно признательности требуетъ, чтобъ мы, по заповѣди апостола и св. церкви, воздавали и каждому изъ умирающихъ братій нашихъ подобающую почесть,—благоговѣйно обращались бы съ останками ихъ, съ честію предавали ихъ землѣ, исполняли въ точности ихъ послѣднюю добрую волю, продолжали ихъ благія начинанія и дѣла, прощали бы имъ недостатки, подражали ихъ добродѣтели, и молились бы о вѣчномъ покоѣ и о блаженномъ ихъ успеніи. Тѣмъ обязательнѣе должна быть для насъ, бр., эта заповѣдь апостола. И когда приличнѣе можемъ мы исполнить ее, какъ не въ настоящее время, когда, по ученію св. церкви, душа въ Бозѣ почившаго архипастыря, по прошествіи труднаго пути мытарствъ, готовится быть приведенною св. ангелами къ престолу Божію для поклоненія ему и для принятія мѣста, указаннаго ей—до страшнаго суда Христова?—Когда, слѣдовательно, приличнѣе исполнить намъ сыновній долгъ нашъ къ почившему первосвятителю, какъ не теперь, когда молитва наша особенно нужна ему? И когда она можетъ быть искреннѣе и усерднѣе, какъ не теперь, когда память о немъ еще такъ чувствительна? Смолкли его сильныя уста, глаголавшія намъ слово Божіе,—но поучительный отголосокъ рѣчи его еще какъ-бы слышится въ церкви, прекратилась его многотрудная на пользу св. церкви дѣятельность,—но плоды ея еще цвѣтутъ и зрѣютъ въ церкви его; самый его образъ—то величественный, какъ образъ

маститаго іерарха,—то привѣтливо-нѣжный, какъ образъ люб щаго и любимаго отца, еще носится предъ нашими взорами,— его глубокій, проницательный взоръ еще какъ бы назираетъ н шу жизнь и дѣятельность. Но вотъ, пройдетъ нѣкое время, см нятся годы; привычка, житейскія заботы и новыя отношенія м ло по малу изгладятъ свѣжія впечатлѣнія: легко можетъ бы что и достославное имя архипастыря *Іосифа*, *пріумножившаго* церковь милліонами спасаемыхъ душъ, будетъ жить только сердцахъ, преданныхъ ему? Порой, во дни, указуемые св. це ковью, можетъ быть, придетъ къ гробу его преданная душа, уед ненно вознесетъ—какъ ѳиміамъ—благоуханную молитву, проль чистую—какъ благодать—слезу: а чреда человѣческая пройде обычной стезей—холодно—мимо гроба—покоя его! Возлюбленн доблестный архипастырь нашъ! Неужели и тебя ждетъ такая н благодарная безвѣстность? Неужели и твоя священная память и чезнетъ, какъ житейская молва, и сдѣлается достояніемъ одни мертвыхъ хартій?

Богоспасаемая паства литовская! Неужели ты забудешь сво митрополита Іосифа, того первосвятителя, который, какъ нов Моvсей, перевелъ тебя отъ рабства человѣческой—латинской цер ви въ лоно единой спасительной церкви Божіей и, свыше 29 лѣ управляя тобою съ мудростію и благостію отца, оставилъ те столько памятниковъ по себѣ, явилъ тебѣ столько знаковъ сво искренней и крѣпкой до смерти любви?

Нѣтъ, архипастырю благій! *блажсенное* тѣло твое *въ мирѣ* *гребено* нами, а достославное *имя* твое, съ которымъ такъ мно соединено воспоминаній и благихъ дѣлъ, будетъ жить *въ ро* глубокую *мудрость* твою, благообразный мужъ совѣта, *повѣдя людіе* въ поученіе родамъ грядущимъ; *похвалу твою исповѣст церковь,* которой 70 лѣтъ ты былъ послушнымъ сыномъ и 39 лѣ служилъ архіереемъ—въ духѣ древняго, праотеческаго апосто скаго православія, такъ, что заботы о ея невредимости, крас и славѣ, едва ли не преждевременно истощили жизнь твою, лпкій подвижникъ Божій, добровольный мученикъ незабвенн святаго, апостольскаго дѣла! Приснопамятенъ архипастырь на бр., какъ и простой человѣкъ. Съ своимъ отъ природы свѣтлы и науками просвѣщеннымъ умомъ, съ своею любознательност и внимательностію къ природѣ видимой и духовной до послѣдни

минуть жизни, съ своимъ богатымъ запасомъ разнородныхъ свѣдѣній, съ своею твердою волею, съ теплымъ сердцемъ, расположеннымъ ко всему доброму и прекрасному, съ облагороженнымъ вкусомъ, съ пріятною, привѣтливою рѣчью,—онъ являлся *другомъ*, *отрадою* человѣчества, и невольно привлекалъ къ себѣ общее уваженіе и расположеніе. Но еще приснопамятнѣе онъ, какъ христіанинъ и какъ христіанскій пастырь, призванный, кажется, отъ самой колыбели на это высокое служеніе; съ своею пламенною ревностію по истинной вѣрѣ, которую постигъ онъ еще дѣтскимъ, невиннымъ сердцемъ, съ своими подвигами о церкви православной, съ своею чистою любовію ко всему священному,—онъ былъ, въ наше время, истинно *красою*, однимъ изъ лучшихъ перловъ невѣсты Христовой, святой *церкви* православной.

Какъ богопоставленный стражъ вѣры и ввѣренной ему церкви, онъ неусыпно заботился объ огражденіи и расширеніи предѣловъ ея. Плѣненный самъ въ послушаніе истинной вѣры, одушевленный святою ревностію, которая, какъ огонь любви Божіей, исторгаясь изъ его пламеннаго сердца, готова была истребить все нечистое,—въ Бозѣ почившій архипастырь для водворенія свѣтлаго православія сотворилъ такое великое, достославное дѣяніе, живыми памятниками коего служимъ мы сами, братіе, приведенные имъ изъ тьмы въ чудный свѣтъ Христовъ,—которое въ судьбахъ св. церкви всегда будетъ сіять какъ лучезарное явленіе, и послѣдствія котораго мы нынѣ обнять не въ состояніи! Говорить ли о молчаливомъ и самоуглубленномъ настроеніи духа его, всегда занятаго помышленіями о благѣ ближнихъ и отечества? Упоминать ли о его любви, выражавшейся въ самоотверженной благотворительности, даже врагамъ? Повѣствовать ли о его трудолюбіи, услужливости, глубочайшей преданности къ престолу и родному русскому отечеству? Тревожить ли безмолвный гробъ его повѣствованіемъ объ этомъ и многомъ, достойномъ подражанія, когда почившій архипастырь, по христіанской скромности, любя сокровенное дѣланіе, не любилъ трубить предъ человѣки о своихъ трудахъ и бдѣніяхъ на пользу общую?...

Какъ правитель, чуждый суровости и слабости, онъ являлъ милость и правду на судѣ своемъ, строгость и любовь; каралъ преступленіе, но щадилъ кающагося преступника,—и заботился о быстромъ теченіи дѣлъ, особенно тѣхъ, съ которыми соединена у-

часть людей. Едва ли найдется въ паствѣ его человѣкъ, который бы, положа руку на сердце, незазрѣваемой совѣстію, могъ возложить вину своего несчастія на благостнаго архипастыря. За добро его Господь и даровалъ ему истинно христіанскую кончину. Мы замѣчали, что онъ усердно и сугубо прилежно молился о христіанской кончинѣ живота своего: и Господь послалъ ему такую болѣзнь, при томъ не маловременную, въ продолженіи коей, постепенно и почти безъ чувства боли оскудѣвая въ силахъ, онъ болѣе и болѣе отрѣшался отъ земнаго, суетнаго, и затѣмъ, напутствованный спасительными таинствами св. церкви, тихо и мирно отошелъ въ жизнь небесную, или лучше—безмятежно опочилъ праведнымъ сномъ младенца.

Поминайте, убо, наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ.

Братіе и сослужители, собравшіеся молитвенно почтить память своего доблестнаго и благочестнаго первосвятителя? Забудемъ ли объ его урокахъ, о его пастырскихъ, достоподражательныхъ для насъ, добродѣтеляхъ? Столько лѣтъ управляя литовскою церковію, кому изъ насъ сдѣлалъ онъ существенное зло, и напротивъ кому не сдѣлалъ какого либо добра? Не мы ли, не наше ли благо было причиною тѣхъ безсонныхъ ночей, а за тѣмъ и недуговъ, о которыхъ вы знаете? Не наши ли, между прочимъ, паденія, не заботы ли о нашемъ возстановленіи, быть можетъ, сократили и самую жизнь его, еще обѣщавшую продолженіе? Братіе и сослужители, не носимъ ли мы и на себѣ видимыхъ знаковъ любви архипастыря, который старался возвысить насъ въ глазахъ нашихъ собственныхъ и въ глазахъ другихъ? и въ послѣднія минуты жизни, уже охладѣвавшею рукою онъ старался украшать насъ..... Съ самоотверженіемъ и съ пожертвованіемъ личныхъ пользъ онъ заботился о духовномъ просвѣщеніи вашихъ дѣтей, о призрѣніи и воспитаніи вашего сиротства, дряхлости, убожества! Не забудьте добра, оказаннаго вамъ и дѣтямъ вашимъ, не забудьте его желанія—радовать всѣхъ и каждаго! Не забывайте молиться о немъ, когда служите предъ престоломъ благодати Божіей; а приходя въ храмъ сей, говорите хотя краткую надгробную молитву о почившемъ архипастырѣ, просите его благословенія и молитвъ:—онъ же, любвеобильный, безъ сомнѣнія, усердно молится за насъ. Научите молить-

ся о приснопамятномъ архипастырѣ и дѣтей вашихъ, о призрѣніи и воспитаніи коихъ онъ помышлялъ и въ предсмертныя минуты, завѣщавъ въ пользу ихъ лучшую собственность. Дѣти—питомцы и питомицы духовно-учебныхъ заведеній! Не забудьте вашего незабвеннаго отца и благодѣтеля, и молитесь за него!

Богоспасаемая, возлюбленная архипастыремъ паства литовская! братія святая, всякаго званія земнаго, а паче небеснаго причастницы! не забудьте тѣхъ воздыханій, тѣхъ заботъ и трудовъ денноношныхъ, которые предпринималъ архипастырь во спасеніе наше! Онъ дѣлилъ съ нами и наши радости и наше горе. Являлъ ли Господь свою милость людямъ своимъ, архипастырь съ свѣтлою радостію являлся среди церкви своей съ пѣснію хвалы и благодаренія Всевышнему. Посѣщала ли скорбь паству его,—становилось ли надъ нами *небо мѣдяно и земля яко желѣзо,*—грозилъ ли Господь гладомъ, или ангелъ смерти заносилъ губительный мечъ свой,—духъ ли крамолы, волненій и превращеній возметалъ лице земли, угрожая намъ огнемъ и мечемъ попечительный архипастырь въ скорби сердца, воодушевляемый живою вѣрою въ Бога, готовый на всякаго рода жертвы для отечества и своей паствы, словомъ вѣры и упованія оживлялъ и укрѣплялъ унылый духъ, и не только во храмѣ и на яву, но и уединенно—въ тиши ночной, когда мы покоились на ложахъ своихъ, думалъ крѣпкую думу объ общемъ благѣ и возносилъ спасительную молитву верховному Пастыреначальнику о мирѣ и благоденствіи своей паствы. Забудемъ ли же эти заботы и труды, эти незрямыя молитвы, которымъ, безъ сомнѣнія, не мало мы обязаны были своимъ благоденствіемъ?

Смиренные насельники св. мѣста сего! Узрѣвъ впервые честную обитель вашу, почившій архипастырь рекъ въ душѣ своей: „*се покой мой, здѣ вселюся.*“ И опочилъ онъ здѣсь отъ многихъ трудовъ своихъ. Созерцая могилу его предъ собою, помните всегдашнюю его благоснисходительность и благодушіе для васъ и для всѣхъ; не забывайте возносить свои усиленныя молитвы, да духъ земнаго труженика, почивающаго здѣ честнымъ тѣломъ, воспріиметъ вѣчный покой въ обителяхъ Отца небеснаго; стрегите гробъ его честно, не нарушая покоя своего архипастыря и священно-архимандрита неблагочестною жизнію.

Благочестивые слушатели! вѣруя, что отшедшій отъ насъ первосвятитель нашъ молится яко предстатель о своей паствѣ и бла-

гословляетъ насъ изъ загробной жизни, не престанемъ сораздѣлять его молитвы, и особенно нынѣ помолимся, да Господь Богъ проститъ ему, яко человѣку, всякое прегрѣшеніе его вольное и невольное, и да упокоитъ его тамъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная! Аминь.

(*Вил. Вѣст.*)

О ПОЧИВШЕМЪ МИТРОПОЛИТѢ ЛИТОВСКОМЪ ІОСИФѢ

(*Окончаніе*) (*)

Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ. Молодой членъ уніятской коллегіи, безъ сильной, способной поддержать его въ западной Россіи партіи, безъ всякихъ связей въ русскомъ мірѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными поборниками латинства и Польши, рѣшился спасти уніятскій народъ отъ исторической гибели, раскрылъ предъ русскимъ правительствомъ тѣ пути, которыми можно было бы избавить этотъ народъ отъ приготовленной ему гибели и привести къ единенію съ русскою церковію и съ русскимъ народомъ. Приведенное нами заключеніе первой записки Іосифа объ уніи показываетъ, какъ пламенно желалъ онъ, чтобы все случилось, и какъ, слѣдовательно, самъ онъ готовъ былъ служить этому дѣлу всѣми своими силами. Но изъ того же заключенія записки можно видѣть, какъ глубоко сознавалъ онъ трудности этого дѣла, какъ боялся, что правительство не рѣшится довести уніатовъ по этому пути до конца—до полнаго единенія съ Россіей, поэтому признавалъ великимъ благомъ для уніатовъ даже одно *приближеніе* ихъ къ Россіи, даже одно *невраждебное* положеніе по отношенію къ ней. Дѣйствительно, когда онъ написалъ свою записку и отдалъ Карташевскому, который долженъ былъ передать ее, для представленія Государю, тогдашнему главно-управляющему иностранными исповѣданіями, министру народнаго просвѣщенія адмиралу Шишкову, то душа его полна была великихъ опасеній за успѣхъ дѣла и даже за свою судьбу. Передъ нимъ, безъ сомнѣнія, носились тогда печальныя

---

*) См. 1 кн. „Вѣстникъ Западной Россіи.“

тѣни Лисовскаго, Красовскаго и многихъ другихъ подвижниковъ за русскую западную землю, сошедшихъ въ могилу безъ успѣха дѣла, которому служили, безъ отрады, среди злорадства ликующихъ враговъ Россіи. Вотъ, что писалъ Государю министръ Шишковъ 14-го ноября 1827 г. въ своемъ докладѣ о запискѣ Іосифа Сѣмашко, которую тогда же представлялъ (1) «написавшій оную (записку) хотя и членъ уніятскаго департамента коллегіи, но повидимому истинный сынъ церкви и отечества, проситъ меня, въ случаѣ какого либо могущаго распространиться свѣдѣнія о сей бумагѣ, защитить его отъ гоненій, которымъ онъ непремѣнно подвергнется, ибо таковъ нынѣ духъ времени, что благонамѣренность и прямое усердіе къ пользамъ церкви, царя и отечества должны опасаться всякихъ противъ себя возстаній и ухищреній». Опасенія Іосифа сначала оказывались, какъ будто, совершенно напрасными. Покойный Государь понялъ всю важность записки Іосифа Сѣмашки. Мало того, записка Сѣмашки, по той дивной случайности, благодаря которой совершаются такъ часто великія дѣла въ мірѣ вообще, а особенно въ нашемъ русскомъ мірѣ,—записка Іосифа Сѣмашки отвѣчала давнимъ мыслямъ покойнаго Гусударя. По словамъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, императоръ Никокай 1 глубко чувствовалъ ту великую историческую неправду, выпавшую на долю западной Россіи, что горсть пришлецовъ, враждебныхъ или ненадежныхъ гражданъ Россіи, т. е. польскіе паны и ксендзы, угнетаетъ русскій народъ и болѣе и болѣе удаляетъ его отъ Россіи, и съ первыхъ дней своего правленія обдумывалъ мѣры исправить эту неправду, при чемъ вниманіе его прежде всего останавливали на себѣ несчастные уніяты, задавленные латинско-польскими силами, Этотъ разсказъ графа Блудова подтверждается указомъ правительствующему сенату отъ 9-го октября тоже 1827 г., въ которомъ уніятской коллегіи предписано было:

1) Наблюдать, чтобы уніяты не были обращаемы въ латинство.

---

(1) По болѣзни Шишкова докладъ и записку представлялъ Государю покойный графъ Блудовъ.

2) Не допускать въ уніятское монашество латинянъ и отъ поступающихъ въ оное требовать достаточнаго знанія славянскго языка и чина греческаго богослуженія.

3) Учредить, гдѣ нужно, училища для наставленія греко-уніятскаго юношества духовнаго званія.

На этотъ указъ, какъ на великую мѣру, указываетъ Іосифъ въ своей запискѣ; указъ этотъ, безъ сомнѣнія, не мало содѣйствовалъ и тому, что Іосифъ рѣшился выступить на защиту уніятовъ; но дѣйствительныя намѣренія покойнаго Государя ему совершенно были неизвѣстны, и въ этой неизвѣстности ему пришлось пробыть еще не малое время послѣ представленія своей записки и пережить еще много тяжелыхъ дней.

Прочитавъ записку Іосифа Сѣмашки, покойный Государь рѣшился немедленно дать ходъ изложеннымъ въ ней мѣрамъ къ спасенію уніи отъ поглощенія латинствомъ и предложилъ одному высокопоставленному лицу вести это дѣло. Но тутъ-то оказалось, что опасенія Іосифа были не напрасны. Сила партіи Чарторыйскаго была тогда очень велика; она пустила глубокіе корни въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ; она проникала даже въ убѣжденія такихъ русскихъ, которые были поборниками русской національной силы. Вышеупомянутое высокопоставленное лицо, отличавшееся даже страстнымъ патріотизмомъ и притомъ увѣренное въ искренности Іосифа Сѣмашки, отказалось отъ предложенія Государя. Его смутила трудность дѣла и, безъ сомнѣнія, тѣ интриги, которыхъ оно должно было ожидать себѣ за это. Отказъ этотъ однако не измѣнилъ рѣшимости покойнаго Государя вести это дѣло и вниманіе его остановилось на тогдашнемъ товарищѣ Шишкова, покойномъ графѣ Блудовѣ, который имѣлъ тѣ же мысли, что и покойный Государь касательно западной Россіи и которому даже принадлежала главная мысль вышеприведеннаго указа 9-го октября 1827 г.

Невозможно было сдѣлать болѣе счастливаго выбора. Малороссъ, съ невольно искаженною польскимъ образованіемъ рѣчью, жаждавшій быть русскимъ, невольный уніятъ, жаждавшій быть православнымъ, представитель страданій и надеждъ забитаго поляками и забытаго тогда русскими западно-русскаго народа, введенъ

былъ въ кружекъ Карамзина,—въ тотъ кружекъ, въ которомъ страданія и надежды всего русскаго народа были дѣломъ не одного ума, но и сердца, въ которомъ одномъ тогда было истинное понниманіе польскаго и западно-русскаго вопроса. Само собою разумѣется, покойный графъ Блудовъ принялъ предложеніе Государя и томившійся безвѣстностію о судьбѣ своей завѣтной мысли Іосифъ Сѣмашко вполнѣ былъ вознагражденъ за свои страданія. Онъ вступилъ въ домъ покойнаго графа Блудова, какъ въ родной, и нашелъ въ немъ не только сочувствіе лучшихъ людей русскихъ того времени, но и семейное вниманіе, не оставлявшее его до послѣднихъ дней его. Съ этимъ то истинно русскимъ и просвѣщеннымъ государственнымъ человѣкомъ работалъ Іосифъ Сѣмашко для блага западно-русскаго народа до 1836 г. и сохранилъ съ нимъ до конца его жизни самыя дружескія отношенія.

Основныя мысли плана Іосифа спасти уніятовъ отъ погибели,—мысли, изложенныя въ первой его запискѣ, заключились въ слѣдующемъ:

Онъ находилъ необходимымъ: 1) отдѣлить уніятовъ, какъ можно больше, отъ латинянъ;

2) сломать главную латино-польскую силу въ уніятской церкви—базиліанскій орденъ и

3) дать русское воспитаніе уніятскому юношеству и отъ него ожидать, что русскія и православныя силы въ уніятахъ воскреснутъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ и сами пойдутъ къ возсоединенію съ русскою церковію и русскимъ народомъ. Эти то цѣли легли въ основу всѣхъ дѣйствій покойнаго графа Блудова и Іосифа Сѣмашки по уніятскому вопросу, и для достиженія ихъ изданъ былъ прежде всего знаменитый указъ 22-го апрѣля 1828 г., поразившій весь уніятскій латино-польскій міръ и сильно встревожившій папу,—указъ, которымъ предписывалось.

1) Образовать для управленіе уніятами особую уніятскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ уніятскаго митрополита, изъ одного епископа, одного архимандрита по назначенію отъ правительства и четырехъ протоіеревъ по избранію епархіальныхъ архіереевъ и консисторій.

2) Образовать двѣ уніятскія епархіи: полоцкую архіепископію

и литовскую епископію, и при нихъ консисторіи, составивъ их изъ шести старшихъ и двѣнадцати младшихъ протоіереевъ.

3) Всѣ базиліанскіе монастыри подчинить мѣстнымъ архіе реямъ и консисторіямъ.

4) Въ каждой епархіи учредить семинарію и низшія училища а въ Полоцкѣ, кромѣ семинаріи, и духовную академію.

Средства на содержаніе училищъ, особенно низшихъ, предпо ложено въ этомъ указѣ взять изъ фундушей достаточныхъ бази ліанскихъ монастырей, касательно чего коллегія должна была дат мнѣніе. Она въ томъ же году дала его въ томъ смыслѣ, чт изъ 86 базиліанскихъ монастырей должно было остаться только 24

Дѣйствіе этого указа и вытекавшаго изъ него повелѣнія об ограниченіи числа уніятскихъ монастырей было, какъ мы уж замѣтили, необыкновенно широко и сильно.

Бѣлое уніятское духовенство ожило духомъ. Лучшіе священ ники уніятскіе того времени стали за одно съ Іосифомъ и начал дѣйствовать въ его направленіи,—принялись отдѣлять унію от латинства, очищать ея обряды, думать объ устройствѣ иконост совъ. Лучшіе товарищи Іосифа Сѣмашки и вообще бывшіе восп танники главной семинаріи стояли впереди въ этомъ отношені Больше всего оживились члены брестской капитулы, подававшіе 1819 г. правительству, какъ мы уже замѣчали, протестъ проти подавленія уніи латинянами въ особенности базиліанами. Въ кру ихъ, съ свойственною бѣлоруссамъ живою воспріимчивостію всякимъ перемѣнамъ—и хорошимъ и дрянымъ—стали даже р звиваться такіе планы, которые впослѣдствіи ихъ самихъ пор жали своею дикостію. Такъ одинъ изъ добродушнѣйшихъ пре ставителей бѣлаго духовенства, до послѣднихъ дней своихъ усерд помогавшій Іосифу въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ,—брестс канонникъ, а потомъ оффиціалъ Тупальскій пришелъ къ мысл что теперь настало время быть архіереями бѣлымъ священникам что архіереемъ можетъ быть и онъ (жену свою онъ уже убѣ далъ идти въ монастырь), а также извѣстный уніятскій учены профессоръ виленскаго университета Бобровскій. Съ свойстве нымъ ему простосердечіемъ, Тупальскій думалъ, что профессо виленскаго же университета И. Онацевичъ, какъ уніятъ и бра

тоже брестскаго каноника М. Онацевича, будетъ содѣйствовать осуществленію этого плана,—убѣдитъ Бобровскаго принять архіерейство, и, посредствомъ своихъ петербургскихъ связей, поможетъ въ этомъ дѣлѣ и Бобровскому и ему—Тупальскому. Къ этому плану приглашенъ былъ присоединиться еще одинъ каноникъ брестской капитулы Сосновскій, главный редакторъ вышеупомянутаго протеста, имѣвшій по этому поводу близкія сношенія съ профессорами виленскаго университета. Тупальскій въ скоромъ времени понялъ странность своего плана и извѣстилъ своихъ друзей, что перестаетъ думать объ архіерействѣ; не добились также архіерейства ни Бобровскій, ни Сосновскій; но планъ Тупальскаго сдѣлался извѣстенъ правительству и совпалъ съ такими обстоятельствами, которыя чуть было не погубили всего дѣла возсоединенія уніатовъ.

Само собою разумѣется, что для монаховъ базиліанскаго ордена указъ 22 апрѣля 1828 г. былъ громовымъ ударомъ. Они, подобно орденамъ латинскимъ, составляли въ уніи независимое учрежденіе. Лисовскій, ни при Екатеринѣ, ни послѣ, не могъ добиться дѣйствительнаго подчиненія ихъ епархіальной власти. По образу мыслей базиліане держались крайне латинскаго и польскаго направленія,—даже состояли въ значительномъ числѣ изъ поляковъ—латинянъ, были между ними и іезуиты. Они владѣли главнѣйшими матеріальными средствами уніатской церкви, выдвигали своихъ лицъ на высшія іерархическія мѣста и владѣли умами большинства молодого уніатскаго поколѣнія, духовнаго и свѣтскаго, посредствомъ училищъ, бывшихъ при главнѣйшихъ ихъ монастыряхъ. Всѣмъ этимъ они пользовались съ самыми враждебными цѣлями для Россіи и для самой уніи. Они подавляли бѣлое духовенство, оставляли въ пренебреженіи религіозное образованіе народа, искажали до невѣроятности восточные обряды, славянскій языкъ; духовныя дѣти ихъ выходили изъ ихъ рукъ самыми рьяными латинянами и поляками. Указъ 22 апрѣля, отнимавшій у нихъ и независимость, и воспитательное вліяніе на умы, и матеріальныя средства, лишалъ ихъ возможности дѣлать это зло. Сила правды этого указа была такъ велика, что базиліане не рѣшились выступить прямо и честно на защиту себя. Они

пошли непрямыми и нечестными средствами. Едва въ коллегіи стали обсуждать мѣры къ приведенію въ исполненіе указа 22 апрѣля касательно базиліанъ, какъ въ Варшаву, къ Константину Павловичу, послано было на французскомъ языкѣ письмо, заключавшее въ себѣ весьма искусную защиту базиліанскаго ордена и злостное охужденіе дѣйствій бѣлаго уніятскаго духовенства. «Г. Блудовъ, говорится между прочимъ въ этомъ письмѣ, призвалъ къ себѣ однажды Булгака, предсѣдателя втораго департамента духовной (римско-католической) коллегіи, и отъ имени государя объявилъ ему, что базиліане—люди невѣжественные, что они не исполняютъ правилъ своего ордена, что они притомъ крайніе фанатики и проч., что ихъ необходимо немедленно уничтожить, если не во всемъ составѣ, то по крайней мѣрѣ на большую половину... Такъ какъ требованіе г. Блудова не допускало отсрочки, то Булгакъ, чтобы хотя нѣсколько исполнить его, предложилъ эту мѣру на обсужденіе коллегіи; но онъ нашелъ въ своихъ товарищахъ, ассессорахъ коллегіи, совершенно предрасположеніе къ принятію этой мѣры: очевидное дѣло, что одинъ Булгакъ (уніятскій митрополитъ) не можетъ бороться противъ ассессоровъ коллегіи, явно предрасположенныхъ къ принятію этой мѣры... Такъ какъ всѣ (?) ассессоры коллегіи суть женатые священники, сильно нерасположенные къ базиліанамъ, то можно себѣ представить, какъ будутъ разбиты и ограблены эти почтенные монахи... Нѣтъ сомнѣнія, что съ уничтоженіемъ базиліанъ уничтожится и унія, потому что женатые священники, не зная латинской литературы, никогда не будутъ имѣть ни ученыхъ познаній, ни добродѣтелей, свойственныхъ ихъ званію. Базиліане всегда были для уніи тоже что ученики св. Игнатія (іезуиты) для усовершенія латинянъ. Вотъ, почему необходимо думать, что одна только справедливая милость можетъ предотвратить эту мѣру отъ областей, отнятыхъ у Польши... Чтобы достигнуть этого, я не вижу другого средства, какъ обратиться къ благосклонному вашему заступничеству. Я вступаю на этотъ путь тѣмъ съ большею вѣрою, что сенаторъ Новосильцевъ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи, отдавалъ базиліанамъ полную справедливость,—онъ утверждалъ, что нашелъ только ихъ школы хорошими, образцовыми, достойными похвалы

и покровительства... Боже великій! Кто исполнитъ мысли завѣщателей (основавшихъ монастыри)! И какое время выбрано для уничтоженія этаго ордена? Какъ эта мѣра можетъ клониться къ успокоенію умовъ!»

Письмо это изъ Варшавы переслано было покойному Государю. Графъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ намъ, что письмо это произвело сильное впечатлѣніе на покойнаго. Государь уже думалъ бросить все дѣло возсоединенія уніятовъ; но спасло это дѣло излишное усиліе автора письма защитить базиліанъ,—именно, спасла дѣло возсоединненія—фраза, что базиліане—тоже для латинства. «Потому-то я и уничтожу базиліанъ, что они—тоже, что іезуиты», сказалъ покойный государь графу Блудову, передавая ему это письмо.

Почти одновременно съ этою попыткою защитить старое зло уніи, выступилъ на защиту его и папа. Папское правителство завело (въ концѣ 1828 и въ началѣ 1829 г.) съ нашимъ правительствомъ цѣлую переписку по поводу предпринятыхъ преобразованій въ уніи.—Папа возставалъ противъ этихъ преобразованій, какъ противъ нарушеній существующаго порядка, какъ противъ мѣръ, предпринятыхъ безъ его согласія, вопреки опредѣленіямъ замойскаго собора, по проискамъ, будто бы, немногихъ бѣлыхъ священниковъ, увлеченныхъ честолюбіемъ и алчностію завладѣть имѣніями монаховъ базиліанъ, которые по мнѣнію папы, одни могутъ содѣйствовать благу греко-уніятской церкви, распространяя просвѣщеніе между принадлежащими къ оной. Сильное желаніе спасти злое дѣло, осужденное на неизбѣжную гибель, побудило и папу, подобно автору вышеприведеннаго письма, прибѣгнуть къ такому доказательству, которое должно было непремѣнно испортить защищаемое дѣло и открыть лицемѣріе всѣхъ нѣжныхъ чувствъ папы къ уніятамъ. Онъ высказался, что *съ учрежденіемъ особой уніятской коллегіи* «римско-католическое духовенство, всегда пользовавшееся особеннымъ въ Росіи покровительствомъ, лишается тѣхъ небольшихъ преимуществъ, *кои отличали его отъ духовенства греко-уніятскаго*». Едвали можно сомнѣваться, что эти слова заставилъ сказать папское правительство полякъ, возмутившійся тѣмъ, что уніятскіе духовные, пред-

ставители русскихъ хлоповъ, бывшіе до сихъ поръ, какъ и эти хлопы, въ зависимости отъ латинянъ—т. е. отъ римской коллегіи, теперь поставлены не только въ независимость отъ нихъ, но даже рядомъ съ ними,—имѣютъ свою коллегію рядомъ съ римскою коллегіей. Невозможно было лучше выразить дѣйствительно рабскаго положенія уніи въ отношеніи къ латинству и едва ли можно сомнѣваться, что если бы эта папская нота тогда же была обнародована въ Россіи, то тысячи уніятовъ вдругъ бы прозрѣли и пошли бы за Іосифомъ Сѣмашкой къ соединенію съ православной церковію.

Отвѣтъ на папскія ноты былъ написанъ Іосифомъ Сѣмашкой. «Мы не знаемъ, говорится въ этомъ отвѣтѣ, почему министерство папы полагаетъ, что наше правительство всегда оказывало особенное покровительство римско-католическому исповѣданію и что духовенство онаго должно пользоваться какими-либо преимуществами предъ греко-уніятскимъ? Извѣстно, что преимущества, отличавшія римско-католическое духовенство въ бывшей польской республикѣ, обѣщаны (были) уніятамъ, когда ихъ склоняли къ акту соединенія 1595; извѣстно также, что обѣщаніе не было исполнено. Здѣсь не мѣсто разсуждать о причинахъ и послѣдствіяхъ сего нарушенія даннаго слова. Положимъ, что подъ владычествомъ Польши римско-католическое исповѣданіе, какъ господствовавшее, могло имѣть право на особенныя привилегіи; но въ Россіи господствующая вѣра есть православная, греческая, и подъ державою нашихъ августѣйшихъ монарховъ не только христіане всѣхъ исповѣданій, но и чтители Магомета и поклонники идоловъ свободно совершаютъ свое богослуженіе и пользуются всѣми гражданскими правами наравнѣ съ сынами нашей церкви».

Изъ этихъ то началъ вѣротерпимости въ отвѣтѣ выводится естественность тѣхъ мѣръ, какія русское правительство приняло по отношенію къ уніятамъ, разбиваются одно за другимъ притязанія папы удержать прежніе порядки уніи и для доказательства крайней необходимости принятыхъ мѣръ, излагается исторія подавленія латинствомъ уніятской церкви. Нѣкоторыя мѣста этой исторіи представляютъ поразительную картину латино-польскихъ

неправдъ по отношенію къ уніи, и мы считаемъ неизлишнимъ представить читателямъ хотя часть этой кратины.

Сказавъ о томъ, что унія западно-русской церкви съ римской по правиламъ флорентійскаго собора и по брестскому акту 1596 г. должна была выражаться только въ духовномъ единеніи уніятской церкви съ латинствомъ, а не въ измѣненіи вѣроученія и обрядовъ восточной церкви, авторъ отвѣта продолжаетъ: «но сія мысль вскорѣ была потеряна изъ вида, по крайней мѣрѣ правительствомъ польскимъ и другими ближайшими исполнителями предначертаній папскаго кабинета. Они хотѣли не только единства, а однообразія, совершеннаго уничтоженія обрядовъ греческихъ. Въ числѣ ихъ самыми ревностными, если не въ началѣ, то въ послѣдствіи оказались монахи ордена св. Василія Великаго, коимъ разными постановленіями римскаго правительства дарованы всѣ преимущеста римско-католич. духовенства и, между прочимъ, буллою 7 іюля 1627 г. право раздавать индульгенціи. Дѣятельность ихъ ордена сдѣлалась особенно примѣтною съ 1613 г., когда іезуиты получили дозволеніе вступать въ русскіе монастыри, унію принявшіе, не требуя на то особаго распоряженія. Вскорѣ сіи монастыри составили, по примѣру римско-католическихъ орденовъ, союзъ подъ новымъ наименованіемъ конгрегаціи св. Троицы и установили неизвѣстное въ восточной церкви званіе протоархимандрита или генерала сей конгрегаціи.»

«По проискамъ іезуитовъ и другихъ монаховъ латинскаго обряда вскорѣ все знатнѣйшее уніятскаго исповѣданія дворянство перешло въ римскій обрядъ и потомъ способствовало по возможности къ переходу въ оный и другихъ классовъ народа. Всѣ епископскія каѳедры отдавались принадлежащимъ къ римско-католической церкви или латинствующимъ уніатамъ и монашество уніятское до такой степени наполнилось римскими католиками, что, по послѣднимъ собраннымъ извѣстіямъ изъ монастырей, Литовскую и Бѣлорусскую провинцію составляющихъ (числомъ около 60), едва шесть или семь, и то самые скуднѣйшіе, имѣютъ настоятелями истинныхъ природныхъ уніатовъ. Сіе, такъ сказать, преобладаніе римско-католиковъ совершенно измѣнило базиліанскій орденъ, не оставивъ ни во внутреннемъ, ни во внѣшнемъ образо-

ваніи онаго никакихъ сходствъ съ монашествомъ восточной церкви, кромѣ лишь нѣкоторыхъ обрядовъ, до половины уже смѣшанныхъ съ римскими, и употребленія въ богослуженіи языка славянскаго, часто искажаемаго монахами, даже для многихъ изъ нихъ не понятно. Съ помощію помѣщиковъ римско-католиковъ, епископовъ и монаховъ лже-уніятовъ, латинское духовенство и особенно іезуиты дозволяли себѣ все и самыя ужасныя притѣсненія. Греко-уніятское духовенство (т. е. бѣлое), какъ чуждое подверглось гоненію. Орденъ базиліанскій, чтобы присвоить себѣ богатые фундуши приходскихъ церквей, обратилъ ихъ въ монастыри; священнослужители изъ бѣлаго духовенства лишались способовъ къ приличному содержанію,—ихъ дѣти—средствъ воспитанія; имъ преграждены всѣ пути къ мѣстамъ епархіальнаго управленія, ибо епископы уніятскіе всегда избирались изъ монаховъ и все управленіе уніи находилось въ рукахъ римскихъ католиковъ. Объ угнетеніи, въ коемъ находилось тогда уніятское исповѣданіе, можетъ свидѣтельствовать одна изъ буллъ папы Венедикта XIV (14-го августа 1753 г.), подвигнутаго состраданіемъ къ уніятскому клиру. Но въ то время не вся мѣра еще порабощенія его исполнилась; вскорѣ за симъ въ 1764 г. наслѣдники фундаторовъ церквей русскихъ исходатайствовали конституцію, дозволяющую имъ укрѣплять за собою священническихъ дѣтей, кои до 15-го ввзраста не поступятъ въ духовное званіе, или не запишутся въ въ цехи по городамъ, а выше показано, что, не имѣя способовъ для нравственнаго образованія, большая часть оныхъ и не могли вступить въ духовное званіе и что даже достойнымъ часто въ семъ препятствовали епископы.»

Такимъ образомъ, Іосифъ Сѣмашко—этотъ великій умъ—въ возраженіяхъ папы противъ преобразованій уніятской церкви нашелъ случай вновь освѣтить передъ правительствомъ невѣдомую для него тогда бездну неправдъ и страданій, испытываемыхъ въ западной Россіи русскою массою населенія. Благодаря русской нравственной силѣ покойнаго графа Блудова, умѣвшаго цѣнить эти открытія и не смущаться латино-польскими интригами, Іосифъ могъ не напрасно освѣщать передъ правительствомъ зло западной Россіи.

4-го августа 1829 г. Іосифъ былъ уже викарнымъ бѣлорусскаго епископа, оставаясь членомъ коллегіи, и передъ самою польскою смутой ѣздилъ въ западную Россію осуществлять главнѣйшую свою мысль—дать средства къ новому русскому воспитанію бѣлаго уніятскаго духовенства и народа,—онъ ѣздилъ устроять Жировицкую семинарію и консисторію. Польская смута была для него самымъ малымъ по времени и ничтожнымъ по значенію перерывомъ дѣйствій по возсоединенію уніатовъ. 1832 г. онъ опять былъ въ западной Россіи, устроялъ опять свою любимую жировицкую семинарію,—собиралъ священниковъ, училъ ихъ обрядамъ восточной церкви и убѣждалъ идти за нимъ по пути преобразованій. Письма Іосифа къ графу Блудову показываютъ, какъ увидимъ ниже, что онъ глубоко вѣрилъ въ силу нравственнаго вліянія на уніятское духовенство и что это нравственное вліяніе было для него главнѣйшею опорою его дѣйствій.

Базиліане были въ это время въ безнадежномъ положеніи. Неудача ловкаго письма къ Константину Павловичу, неудача панскихъ нотъ, поразительные успѣхи Іосифа—заставили ихъ рѣшиться на такую мѣру, которую они во всякое другое время сочли бы истиннымъ безуміемъ. Въ 1832 г. послѣдній базиліанскій провинціалъ Жарскій выпросилъ себѣ у правительства дозволеніе объѣздить остававшіеся монастыри и, собирая въ нѣсколькихъ мѣстахъ монаховъ на совѣщаніе, предложилъ имъ подать правительству просьбу, чтобы оно избавило ихъ отъ власти бѣлаго духовенства и подчинило ихъ святѣйшему синоду, образовавъ для этого при синодѣ особую базиліанскую коллегію. Прошеніе было составлено и Жарскій уполномоченъ представить его правительству и просить его отдать базиліанскій орденъ подъ покровительство св. синода на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Чтобы унія или соединеніе ихъ съ римскою церковію и уставы ордена не были ни въ чемъ измѣнены.

2) Чтобы изъ однихъ базиліанъ было учреждено правленіе ордена, которое, въ отношеніи представленій, донесеній, расчетовъ и доходовъ съ имѣній монастырскихъ и объ употребленіи оныхъ, будетъ относиться въ св. синодъ.

3) Чтобы правленію ордена предоставлено было все, что ему прежде принадлежало.

4) Чтобы нынѣшняя ихъ одежда и образъ жизни были сохранены.

5) Чтобы высочайшею властію были навсегда утверждены всѣ оставшіеся у нихъ фундуши.

«Предполагаемое нынѣ Жарскимъ, пишетъ графъ Блудовъ въ своемъ докладѣ объ этомъ проектѣ, подчиненіе ордена покровительству св. синода на *скромномъ*, какъ онъ и единомысленные его собратія называютъ, условіи: не измѣнять ни въ чемъ уніи или соединенія съ римскою церковію, равно и уставовъ ордена, утвердить всѣ фундуши,—достаточно показываетъ истинную цѣль сихъ предположеній. Жарскій можетъ быть и искренно желалъ бы подчиненія св. синоду, но желаетъ всего больше поддержать, какими бы то ни было средствами, клонящійся къ упадку орденъ базиліановъ и свою прежнюю въ немъ значительность, а тѣ изъ коихъ оный составленъ, люди вышедшіе большею частію изъ латинскаго обряда и внесшіе въ орденъ всѣ предразсудки и предубѣжденія западной церкви противъ православной, ея уставовъ, и обрядовъ, съ своей стороны желаютъ и требуютъ новаго утвержденія уніи и всѣхъ прежнихъ связей съ католицизмомъ. Порученіе ордена покровительству св. синода на такихъ условіяхъ, какъ домогаются сіи члены ордена и представитель ихъ арх. Жарскій и невозможно по правиламъ нашей церкви и, какъ я смѣю думать, не только не будетъ полезно, но напротивъ отдалитъ благодѣтельную эпоху возвращенія отпадшихъ чадъ православія въ лоно онаго и даже упрочитъ существованіе уніи.»

Этотъ странный проэктъ, возбудившій противъ Жарскаго много ненависти между самими базиліанами, былъ послѣднею попыткою поколебать твердость правительства въ уніятскомъ дѣлѣ. Твердость эта отбивала охоту предпринимать что либо подобное. Это одно уже было великимъ успѣхомъ для всѣхъ, желавшихъ блага уніатамъ. Самъ Булгакъ сталъ склоняться на сторону Сѣмашки и одобрялъ предпринимаемыя имъ мѣры по многочисленнымъ, частнымъ вопросамъ, при разрѣшеніи которыхъ Іосифъ снималъ однѣ за другими оковы латинства и полонизма, наложенныя на унію.

Въ это время, т. е. въ 1833 г., Іосифъ былъ уже самостоятельнымъ епископомъ—литовскомъ и имѣлъ уже двухъ ревностныхъ сотрудниковъ: оршанскаго епископа Василія и своего викарнаго—епископа Антонія. При содѣйствіи этихъ новыхъ силъ, въ началѣ 1834 г., уніатскою коллегіею принята была такая мѣра, которая должна была рѣшительно измѣнить положеніе уніатской церкви. 4 февраля этого года въ греко-уніатскую коллегію собрались всѣ уніатскіе епископы, и составили слѣдующее соборное опредѣленіе объ устройствѣ уніатскихъ церквей и богослуженія.

«Съ самаго начала уніи, и по недостатку единства въ церковномъ управленіи и по вліянію чуждыхъ правилъ, существовала разность между богослужебными книгами въ греко-уніатскихъ церквахъ употреблявшихся. Уже замойскій помѣстный синодъ обращалъ на сіе вниманіе, предписывалъ о соблюденіи единообразія въ обрядахъ богослуженія и опредѣлилъ издать однообразные для всѣхъ церквей служебники и другія церковныя книги. Между тѣмъ опредѣленіе таковое неисполнено и неприличное разногласіе въ богослуженіи часъ отъ часу распространялось. Нынѣ по уніатскимъ церквамъ употребляются богослужебныя книги множества изданій, тѣмъ болѣе между собою разнствующихъ, чѣмъ онѣ позднѣе. Самый важный недостатокъ сихъ книгъ—есть особенная небрежность въ отношеніи богослуженія; типики по большей части пропущены, а тѣ, которые остались, были измѣняемы постепенно по произволу издателей. Послѣ сего неудивительно, что греко-уніатское духовенство, лишенное надлежащаго руководства въ богослуженіи, допустило столь важныя по этому упущенія. Величественные и прекрасные обряды греко-восточнаго богослуженія по большей части оставлены; знаменованіе оныхъ забыто; внутреннее устройство церквей и самыхъ облаченій и церковныхъ утварей измѣнено; выведены даже изъ обыкновенія нѣкоторыя церковныя моленія; вмѣсто же того заимствованы многіе обряды и постановленія отъ источниковъ чуждыхъ греко-уніатской церкви.

«Греко-уніатская духовная коллегія, во вниманіи къ сему важному неустройству по ея вѣдомству, пригласивъ въ свое присутствіе всѣхъ находящихся нынѣ въ С.-Петербургѣ греко-уніатскихъ епископовъ, совѣщалась о средствахъ возстановленія по греко-

уніятскимъ церквамъ обрядовъ богослуженія и постановленій греко-восточныя церкви во всей чистотѣ оныхъ... и вслѣдствіе таковыхъ совѣщаній совмѣстно съ тѣми же епископами опредѣлила.»

Сущность этого опредѣленія заключалась въ томъ, чтобы ввести въ руководство служебныя и другія церковныя книги московскаго изданія, устроить въ уніятскихъ церквахъ иконостасы и завести утварь восточной церкви. Опредѣленіе это подписали: митрополитъ Іосафатъ Булгакъ. Епископы: литовскій Іосифъ, оршанскій Василій, пинскій Іосафатъ *), брестскій Антоній. Ассесоры: Василій Маркевичь, протоіерей Игнатій Пильховскій.

Въ современныхъ бумагахъ постановленіе это называется «одною изъ дѣйствительнѣйшихъ и наиболѣе рѣшительныхъ мѣръ для сближенія грекоуніятской церкви съ православною.» Мало того, можно сказать, что это была первая прямая мѣра, которая должна была вести къ этому сближенію и послѣ нея уніятамъ оставалось только совершить самый актъ присоединенія къ православной церкви.

Въ приведеніи въ исполненіе этой мѣры, собственно говоря, и прошло все время до возсоединенія уніятовъ въ 1839 г., и гдѣ эта мѣра была исполнена надлежащимъ образомъ, тамъ присоединеніе ихъ къ православію было самымъ нечувствительнымъ переходомъ. Но приводить ее въ исполненіе было весьма не легко. Она сразу должна была измѣнить порядки всей уніятской церкви, привычки всего духовенства и всего уніятскаго народа. Чтобы измѣнить устройство церквей,—закрыть иконостасомъ алтарь, куда уніяты, по примѣру латинянъ, привыкли входить всѣ, даже женщины, чтобы вынести скамьи и такимъ образомъ отмѣнить латинскую привычку молящимся сидѣть во время службы, чтобы вынести органы и лишить народъ привычнаго у него уже тогда пѣнія съ аккомпаниментомъ этого инструмента, чтобы наконецъ измѣнить самую службу и пріучить совершать ее по православнымъ книгамъ, казавшимся уже тогда чужими,—для всего этого нужно было много времени, хлопотъ и борьбы съ установившимися понятіями и страстными предубѣжденіями.— Все это легко бы

*) Т. е. вышеупомянутый Жарскій.

можно было сдѣлать тогда, когда бы въ уніятской церкви образалась значительная и крѣпкая партія послѣдователей Іосифа; но тогда, въ 1834 г. такой партіи еще не было,—она еще только что выдѣлялась изъ общей массы уніатовъ и въ большой части еще только училась въ жировицкой и полоцкой семинаріяхъ. Такимъ образомъ постановленіе 8 февраля 1834 г. являлось преждевременно. Чтобы понять, какимъ образомъ могли поторопиться съ нимъ такіе опытные руководители возсоединенія, какъ Іосифъ и графъ Блудовъ, такъ глубоко уважавшіе убѣжденія людей, необходимо знать исторію этой мѣры. Исторія эта откроетъ намъ новыя стороны дѣятельности Іосифа.

Намъ уже извѣстно, что самымъ главнымъ средствомъ къ возсоединенію уніятовъ Іосифъ считалъ систему воспитанія и свое личное нравственное вліяніе. Путемъ этого воспитанія и этого вліянія онъ надѣялся образовать новыхъ людей въ уніи,—русскихъ, православныхъ въ душѣ, которые сами найдутъ и поведутъ за собой народъ къ возсоединенію съ православною церковію. Въ той самой уніятской церкви, внутренняго разложенія которой никто яснѣе его не видѣлъ, великій умъ его съумѣлъ найти силы, способныя обновиться,—именно, онъ увидѣлъ ихъ въ бѣломъ уніятскомъ духовенствѣ и народѣ и относился къ нимъ съ глубокою вѣрою и терпѣніемъ. На этомъ пути онъ былъ истиннымъ вождемъ народнымъ, и если бы ему дали идти этимъ путемъ, то исторія возсоединенія уніятовъ была бы свѣтлѣйшею страницей западно-русской исторіи не только въ своемъ началѣ, но и до самаго конца.

Но ясновидѣніе ума Іосифа, съумѣвшаго увидѣть въ самой уніи живыя силы, и его уваженіе къ убѣжденіямъ людей не многимъ тогда были доступны. Кругомъ Іосифа и уніятовъ сложились такія обстоятельства которыя заставили ускорить дѣло возсоединенія и положили начало многимъ затрудненіямъ.

Польская смута 1831 года естественно заставила правительство обратить самое серьезное вниманіе на латино-польскую силу въ западной Россіи и противопоставить ей русскую, православную. Администрація обновлена была русскими людьми, ревниво оберегавшими русскіе государственные интересы. Значеніе православ-

ной церкви поднято было учрежденіемъ въ 1832 г. полоцкой пр
вославной епископіи въ подкрѣпленіе къ двумъ, существовавши
до тѣхъ поръ—могилевской и минской. Уніяты, какъ занима
шіе середину между православно-русскимъ и польско-латински
мірами естественно обратили на себя тщательное вниманіе и д
ховныхъ и свѣтскихъ властей. Всякому русскому, и духовно
и свѣтскому было очевидно, что этой середины уніяты не могу
долго занимать между такими большими и крѣпкими массами пр
вославныхъ съ одной стороны и латинянъ съ другой, и естестве
но было желать, чтобы уніяты сдѣлались православными, а
латинянами, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ очевиднѣе была опасность о
польскаго бунта.— Эти соображенія вызвали усиленную заботл
вость о присоединеніи уніятовъ къ православію, по частямъ, ч
естественно повело къ противодѣйствію, которое представило уні
товъ въ глазахъ властей. съ самой невыгодной стороны. Смотр
съ этой точки зрѣнія, трудно уже было дѣлить уніятскій мі
на базиліанскую партію, умершую для Россіи, и партію бѣлаго д
ховенства, способную ожить, какъ смотрѣлъ Іосифъ. Всѣ уніа
безразлично представлялись съ этой точки зрѣнія пораженны
глубокою язвою полонизма и латинства. Нѐ зная вовсе о пла
Іосифа,—планѣ, который до 1834 г. совершенно неизвѣстенъ бы
даже православнымъ архіереямъ Могилева, Полоцка и Минска
генералъ-губернаторамъ Смоленска и Вильны, духовныя и свѣтс
власти западной Россіи тѣмъ болѣе были настроены придава
значеніе своимъ наблюденіямъ и сочли необходимымъ обрати
вниманіе правительства на пагубное для Россіи состояніе уніи.
1832, 1833 и 1834 гг. со всѣхъ концовъ западной Россіи п
ходили донесенія къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ
покойному графу Блудову и къ тогдашнему оберъ-прокурору св
синода Нечаеву, изображавшія состояніе уніи въ самомъ мрачно
видѣ. «Греко-уніятское исповѣданіе, писалъ витебскій губер
торъ Шредеръ, въ отношеніи къ римско-католическому въ тако
находится уничиженіи, что всякій шляхтичь, желавшій участ
вать въ дворянскихъ выборахъ или кому посчастливилось нажі
по коммерціи капиталъ, неприличнымъ считалъ оставаться въ ун
а потому переходилъ въ католики; даже дѣти уніятскихъ свящ

никовъ оставляли свое вѣроисповѣданіе изъ видовъ корысти, будучи родителями еще къ тому поощряемы, и унитскіе приходы конечно бы оставлены были безъ священниковъ, если бы по сему вѣроисповѣданію духовенство не пользовалось правомъ бракосочетанія (правомъ вести брачную жизнь). Для сего единственно многіе изъ католическихъ ксендзовъ оставляли католицизмъ и, женившись на католичкахъ, сдѣлались унитскими священниками, но прижитыхъ въ бракѣ дѣтей зачисляютъ по метрикамъ и воспитываютъ по католическому обряду. Все сіе терпѣлось и допускалось, потому что мѣстное греко-унитское духовное начальство составлено было изъ ревностнѣйшихъ католиковъ. Посему не удивительно, что греко-унитская церковь во многихъ мѣстахъ сохранила одну только тѣнь древняго греческаго исповѣданія и установленныхъ по оному обрядовъ и что невозможно иначе ее исторгнуть изъ подъ вреднаго вліянія латинской церкви, какъ только присоединеніемъ всѣхъ приходовъ къ православію»...

«Во всѣхъ уніятскихъ церквахъ,» писалъ преосвященный полоцкій Смарагдъ, «(не упоминая о крайней нечистотѣ и безобразіи во всемъ, каковое особенно замѣчено въ стаецкой церкви, гдѣ на святомъ престолѣ нашелъ (протоіерей Ремезовъ) поставленные мѣдные подсвѣчники, имѣющіе литыхъ купидооновъ... къ соблазну и народа и самаго служащаго священника), кромѣ служебниковъ виленской печати, называемыхъ мшалами, въ коихъ находится много нововведеній противъ служебниковъ восточной церкви и даже (противъ) почаевской печати, и кромѣ таковыхъ же Общихъ Миней, а въ нѣкоторыхъ только церквахъ сверхъ того и Тріодей никакихъ болѣе книгъ не имѣется; посему молебныхъ пѣній о здравіи государя императора и всей августѣйшей фамиліи и царскихъ панихидъ ни въ одной уніятской церкви не отправляется... Ни въ одной уніятской церкви проскомидія предъ литургіей не совершается, часы не читаются и даже ни копія, ни просфоръ не употребляется, а пріуготовляется агнецъ и нѣсколько кое-какихъ частицъ предварительно не священникомъ, а постороннимъ лицемъ, даже женскимъ, вопреки употребляемымъ у нихъ же самихъ служебникамъ»... «Большая часть уніятскихъ священниковъ или сами суть католическаго происхожденія или имѣютъ женъ (не рѣдко

вдовъ) и дѣтей католическаго обряда и сами, какъ въ служеніи, такъ и въ требоисправленіяхъ, всячески стараются соблюдать католическіе обычаи... Они непрестанно укореняютъ въ народѣ вражду противу Россіи и господствующей греко-россійской вѣры, зловредными поученіями своими публично на польскомъ языкѣ въ церквахъ и каплицахъ своихъ проповѣдуемыми, что греко-россійская благочестивая вѣра есть ересь, что русскіе, отбирая уніятскія церкви, колютъ и выбрасываютъ образа, а ставятъ своихъ боговъ, и тѣмъ самымъ якобы ниспровергаютъ святыню ея похуленіемъ,—каковыя зловредныя заблужденія, дѣлающія сильное впечатлѣніе на народъ, утверждаютъ дерзкими въ народѣ проклятіями всѣхъ тѣхъ, кои принимаютъ благочестіе»...

Факты, указываемые въ этихъ донесеніяхъ, были слишкомъ сильны для того, чтобы и на мѣстѣ и въ центрѣ правительства не вызвать желанія поскорѣе избавить русскій народъ отъ такой пагубы и это желаніе могло казаться тѣмъ законнѣе, что и въ могилевской и въ полоцкой и въ минской епархіяхъ было не мало древле православныхъ, которые не менѣе своихъ пастырей и гражданскихъ начальниковъ желали поскорѣе вывести своихъ родичей изъ уніи. Эти древніе православные, т. е. собственно говоря, обратившіеся къ православной церкви большею частію при Екатеринѣ II, безъ сомнѣнія, сообщили и своимъ духовнымъ пастырямъ и гражданскимъ начальникамъ, что такимъ именно простымъ способомъ уніяты и обращались въ православіе во времена Екатерины II. Извѣстно, что Екатерина вовсе не обращала вниманія на уніятскую іерархію и не заботилась привлечь ее къ православію, а старалась только избавить отъ уніи народъ. Власти узнавали, гдѣ народъ желаетъ принять православіе, и посылали туда православныхъ священниковъ, а уніятскимъ священникамъ приказывали уступать церкви и церковные дома, обезпечивая ихъ отъ нужды пожизненною пенсіей. Этотъ планъ теперь вспомнили и въ тѣхъ же донесеніяхъ представляли его вниманію правительства.

Такимъ образомъ, рядомъ съ планомъ Іосифа—вести уніатовъ къ православію длиннымъ, воспитательнымъ путемъ, опираясь на бѣлое духовенство, развился другой планъ—вести уніатовъ къ

той же цѣли поспѣшно, прямо обращая уніятскій народъ въ православіе. Планъ этотъ говоритъ самъ противъ себя и, повидимому, нѣтъ подобности останавливаться на немъ; но въ немъ были нѣкоторыя стороны, которыя могли казаться весьма серьезными и неуясненіе которыхъ составляло главнѣйшую причину всѣхъ затрудненій въ исторіи возсоединенія уніятовъ,—затрудненій какъ увидимъ, перешедшихъ и въ дѣло Іосифа.

Планъ поспѣшнаго и, такъ сказать, безцеремоннаго обращенія уніятовъ въ православіе неоспоримо опирался на сочувствіе и содѣйствіе цѣлой массы древлеправославныхъ западно-руссовъ, слѣдовательно, могъ казаться народнымъ, и дѣйствительно если бы этимъ древле-православнымъ западно-руссамъ открыты были широкіе пути самимъ распространять православіе среди своихъ родичей и своими собственными средствами, то легко можно было бы мириться съ такимъ планомъ. Но эти пути къ распространенію православія древне православнымъ западно-руссамъ не были открыты и не могли быть доступны. Послѣдствіе польской смуты—военная диктатура уничтожала ихъ возможность и все дѣло обращенія уніятовъ въ православіе по этому плану должно было превращаться въ дѣло административное. Шероховатости этаго плана тѣмъ рѣзче бросались въ глаза, что это не было время Екатерины II, когда въ уніи было слишкомъ много совершенно русскихъ и православныхъ вождей, когда большая часть народа рвалась почти силою въ православіе. Теперь, какъ мы уже замѣчали, въ уніи были люди, освоившіеся съ нею, и находились, можно сказать, подъ двойнымъ уніятскимъ руководствомъ, потому что теперь было много духовныхъ лицъ, оставленныхъ своими паствами и размѣстившихся между остающимися уніятами. Былъ даже цѣлый подвижной составъ уніятскихъ ревнителей,—безмѣстные священники, странствовавшие по всей области уніятскаго населенія. При этихъ обстоятельствахъ всякая правительственная мѣра къ прямому, безцеремонному обращенію народа въ православіе должна была встрѣчать многочисленныя затрудненія, которыя на каждомъ шагу должны были убѣждать, что теперь безъ уніятскаго духовенства нельзя обойтись, какъ во время Екатерины,

что теперь дѣло возсоединенія нужно вести посредствомъ уніятскаго духовенства и вести со всею осторожностію.

Сказаннаго нами надѣемся достаточно, чтобы читатели совершенно ясно могли видѣть, какъ велико было ясновидѣніе ума и тонкость нравственнаго чувства Іосифа, который этотъ-то послѣдній планъ и считалъ единственно умѣстнымъ. Въ этомъ взглядѣ на вещи съ нимъ совершенно соглашался покойный графъ Блудовъ и оба они сильно возставали противъ плана вести уніятовъ къ православію поспѣшнымъ образомъ. «Дѣла, касающіяся свободы совѣсти, трудны у щекотливы вообще, а въ особенности при нынѣшнемъ положеніи нашихъ западныхъ губерній,» писалъ въ одномъ докладѣ покойный графъ Блудовъ. «Излишняя поспѣшность только возбудитъ неудовольствіе, коимъ римскіе католики не преминутъ воспользоваться,» писалъ въ другой бумагѣ тотъ же графъ Блудовъ. «Въ сей (т. е. литовской епархіи), писалъ Іосифъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Блудову, болѣе 1,200 священниковъ—ихъ всѣхъ надобно перевоспитать, обучить постановленіямъ, обучить богослуженію по обряду греко-восточной церкви, часто даже обучать чтенію и употребительнѣйшимъ молитвамъ на славянскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ симъ нужно озаботиться о дьячкахъ и прочихъ причетникахъ, а ихъ имѣетъ только половина церквей оной епархіи, да и изъ сихъ причетниковъ едва половина знаетъ свое дѣло. Но недовольно еще пріучить духовенство и причетниковъ къ настоящему греко-восточному богослуженію—сіе послѣднее не можетъ быть соблюдаемо безъ иконостасовъ, а оными на восемь сотъ церквей литовской епархіи снабжена едва восьмая часть, да и въ сихъ послѣднихъ церквахъ престолы вообще устроены несвойственнымъ для греко-восточнаго богослуженія образомъ... Кромѣ того надобно снабдить почти всѣ церкви приличными священными облаченіями и сосудами, надобно пріобрѣсть для всѣхъ церквей многія, а по крайней мѣрѣ для половины всѣ церковныя книги—новыя издержки, новыя затрудненія. Все это сказано не для показанія какихъ-либо непреоборимыхъ трудностей въ преобразованіи греко-уніятскаго духовенства—напротивъ двухмѣсячное въ епархіи пребываніе слишкомъ меня убѣдило, что, при усердіи, благоразуміи и умѣньи пользоваться

мѣстными обстоятельствами и соотношеніями, весьма многое можно сдѣлать самыми кроткими, отъ епархіальнаго начальства зависящими, мѣрами... Но надобно знать предѣлы возможнаго; не надобно желать передѣлать вдругъ то, что поляки дѣлали въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ. Здѣсь необходимо время и важныя матеріальныя пособія, и я не знаю, чтобы тутъ сдѣлало само греко-россійское духовное начальство, если бы всѣ греко-уніатскія церкви могли поступить нынѣ же въ непосредственное его вѣдѣніе? *И такъ, лучше всего не отвращать напрасно умовъ излишнею поспѣшностію въ измѣненіи наружной, если такъ сказать, оболочки греко-уніятской церкви; но предоставивъ таковое постепенно ходу и способамъ, кои для сего будутъ доставляемы, присоединить оную въ существенномъ отношеніи къ греко-россійской церкви.*

Такимъ образомъ, мы открываемъ новыя черты различія обоихъ плановъ: планъ Іосифа—это присоединеніе уніятовъ къ православной церкви въ *существенномъ отношеніи*, планъ западно-русскихъ властей естественно долженъ былъ вести къ наружному, видимому присоединенію уніятовъ. При всемъ томъ послѣдній планъ пріобрѣталъ себѣ болѣе и болѣе послѣдователей и грозилъ великою опасностію всему дѣлу возсоединенія. Поразительнымъ фактамъ разложенія уніи, собраннымъ въ донесеніяхъ мѣстныхъ западно-русскихъ властей и разнообразнымъ ихъ проэктамъ, прилагаемымъ къ этимъ фактамъ, данъ былъ ходъ. Тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода представилъ и эти факты и эти проекты на обсужденіе святѣйшаго синода. Къ счастію, святѣйшій синодъ посмотрѣлъ на нихъ съ тѣмъ христіанскимъ спокойствіемъ и непритязательностію, какія въ нашей церкви всегда выступаютъ наружу въ важныя минуты нашей православной жизни. Святѣйшій синодъ не счелъ себя въ правѣ простирать свою власть на церковь другого вѣроисповѣданія, не принялъ предлагаемыхъ проэктовъ и ограничился лишь тѣмъ, что постановилъ обратить вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ на состояніе уніятской церкви.

Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и было, главнымъ образомъ, вышеприведенное постановленіе уніятскаго собора 8-го февраля 1834 г. Уніятская коллегія сочла необходимымъ сдѣлать

уступку въ пользу плана поспѣшнаго обращенія уніятовъ и рѣшилась сама сдѣлать поспѣшный шагъ. Какъ она была увѣрена въ необходимости этого шага, конечно, для предотвращенія еще большихъ затрудненій, можно судить потому, что она рѣшилась оставить любимую мысль Іосифа—основать духовную академію въ Полоцкѣ, и употребила подготовленныя для этой цѣли 28,000 р. на покупку церковныхъ книгъ.

По всему видно, что Іосифъ сильно пораженъ былъ обнаружившимся теперь разъединеніемъ правительственныхъ дѣйствій и, можетъ быть, предвидѣлъ уже и тогда ожидавшія его затрудненія отъ ускоренія дѣла возсоединенія. Въ томъ же 1834 г. онъ поѣхалъ въ западную Россію, видѣлся съ преосвященными— полоцкимъ Смарагдомъ, минскимъ Евгеніемъ, съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Долгоруковымъ, —всѣмъ имъ онъ сообщилъ свои завѣтныя мысли, раскрылъ планъ своихъ дѣйствій, затѣмъ удалился въ свои любимые Жировицы,—въ этотъ питомникъ возраждавшагося православія и, какъ видно по его письмамъ, ожилъ духомъ отъ испытанныхъ треволненій. Но ему подготовлялись новыя тревоги одна за другой. Въ Новогрудкѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, того же 1834 г., во время пребыванія тамъ Іосифа, составился почти соборный протестъ духовенства противъ постановленія уніятской коллегіи касательно введенія церковныхъ книгъ московской печати и этимъ дѣломъ, по интригамъ пановъ и одного уніятскаго духовнаго, желавшаго выдвинуться чрезъ погибель соперниковъ, руководили лучшіе священники, стоявшіе до того времени за одно съ Іосифомъ,—въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ товарищей Іосифа. Заграничная печать уже оглашала этотъ протестъ, когда въ концѣ тогоже 1834 г. Іосифъ возвратился въ Петербургъ, а между тѣмъ въ Петербургѣ ожидали его новыя тревоги. Выдвинутъ былъ снова планъ поспѣшнаго обращенія уніятовъ и подчиненія ихъ синодальному управленію. Необходимость этого плана, повидимому, подтверждали новыя донесенія изъ западной Россіи, особенно донесеніе сердечнаго почитателя Іосифа, признававшаго его въ оффиціальной бумагѣ геніальнымъ человѣкомъ, и лучшаго западно-русскаго губернатора (гродненскаго) М. Н. Муравьева, который писалъ, что необходимо какъ

можно скорѣе подчинить уніятскую церковь свят. синоду и дѣйствовать скорѣе и рѣшительнѣе, пока латиняне не успѣли распространить дурныхъ мнѣній и вооружить уніятовъ, что, по мнѣнію народа, русская вѣра была до сихъ поръ хлопскою, а теперь будетъ папскою, что прихожане слѣпо идутъ за священниками и даже осуждаютъ ихъ за незнаніе своего богослуженія. Затрудненіе Іосифа и графа Блудова было самаго щекотливаго свойства. Нельзя было Іосифу доказывать неблаговременность подчиненія уніятской церкви свят. синоду. Точно также щекотливо было графу Блудову доказывать необходимость управленія уніятами не иначе, какъ посредствомъ министерства, въ которомъ онъ самъ былъ министромъ. Изъ этихъ затрудненій вывелъ на нѣкоторое время того и другаго и всѣхъ уніятовъ, великій умъ Восточной Россіи,—членъ синода и московскій митрополитъ Филаретъ, который предложилъ «составить предварительно (изъ православныхъ и уніятскихъ лицъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ) для уніятскихъ дѣлъ особый комитетъ, коего цѣлью будетъ: согласиться мало по малу и почти нечувствительно, безъ особыхъ объясненій, въ правилахъ касательно взаимныхъ отношеній греко-россійской и греко-уніятской церкви, обдумать и приготовить мѣры, которыя нужно принять въ послѣдствіи для успѣшнаго хода уніятскаго дѣла.» Іосифъ Сѣмашко въ это время т. е. въ концѣ 1834 г. принялъ православіе и вступилъ въ этотъ комитетъ уже членомъ русской церкви, хотя это тогда не многимъ было извѣстно.

На сколько намъ извѣстны дѣла этого комитета, открывшаго свои дѣйствія въ 1835 г. онъ относился къ уніятскому вопросу съ величайшею осторожностію. Дѣйствовали въ немъ собственно люди уніятскаго дѣла—Іосифъ и графъ Блудовъ.—Слѣдовательно, планъ дѣйствій Іосифа, повидимому, восторжествовалъ; но на дѣлѣ этого не было. Планъ поспѣшнаго веденія уніи жилъ, укрѣплялся. Онъ составлялъ необходимость тогдашняго склада нашей государственной жизни и тогдашнихъ обстоятельствъ. Тутъ выступало уже не столько возсоединеніе уніятовъ, сколько давняя и до сихъ поръ неоконченная борьба за обладаніе западной Россіей двухъ народовъ—русскаго и польскаго и двухъ государствъ—дѣйствительно существующаго русскаго и несуществующаго на дѣлѣ, но

сильно живущаго въ преданіяхъ—польскаго. Поэтому планъ поспѣшнаго обращенія уніятовъ восторжествовалъ. Въ слѣдующемъ 1836 г. дѣло уніятское ввѣрено было новому оберъ-прокурору св. синода того времени, въ послѣдствіи графу Протасову, и пошло быстро. Черезъ три года, т. е. 1839 г. уніяты уже были возсоединены съ православною церковью и въ 1842 г. всѣ дѣла ихъ переданы св. синоду.

Извѣстно, что эти три года очень богаты судными дѣлами по возсоединенію уніятовъ,—дѣлами, возбудившими во всей Европѣ и даже внутри Россіи—во многихъ чисто русскихъ людяхъ, самое невыгодное мнѣніе о возсоединеніи уніятовъ. Извѣстно также, что тяжесть этого мнѣнія пала и на графа Протасова и на графа Блудова и въ особенности на митрополита Іосифа.

Предѣлы настоящей статьи не дозволяютъ намъ войти въ разборъ этихъ судныхъ дѣлъ и основанныхъ на нихъ мнѣній о возсоединеніи уніятовъ и о главныхъ лицахъ, дѣйствовавшихъ въ немъ; но мы не можемъ не высказать нѣсколькихъ соображеній, выработанныхъ нами путемъ изученія многихъ сотенъ этихъ дѣлъ и распросовъ на мѣстахъ въ западной Россіи,—соображеній, которыя надѣемся легко могутъ установить точку зрѣнія на эти печальныя событія и на главное лице, исправлявшее ходъ ихъ,—на митрополита Іосифа.

Обѣ польскія смуты,—1831 и 1863 г. представляютъ поразительное сходство главнѣйшихъ явленій, предшествовавшихъ имъ и слѣдующихъ за ними. Какъ передъ послѣднею польскою смутой, русскій народъ этой страны призванъ былъ къ новой русской жизни дарованіемъ ему свободы отъ польской крѣпостной зависимости и въ этомъ сказалось какъ бы инстинктивное возбужденіе русской строительной силы въ виду собиравшейся польской грозы, такъ и передъ первою польскою смутой сказалось подобное же возбужденіе этой строительной русской силы въ стремленіи уніятовъ къ религіозному освобожденію отъ поляковъ и къ сближенію съ православной Россіей. Далѣе,—какъ послѣ недавней смуты всѣ интриги двигателей польской справы сосредоточились на народѣ, чтобы затормозить его развитіе и ослабить эту всегдашнюю опору Россіи, такъ и послѣ первой польской смуты т. е. послѣ

1831 г. поляки собрали всѣ свои силы, чтобы затруднить, запутать возсоединеніе уніатовъ. Планъ поспѣшнаго возсоединенія уніатовъ, вызванный главнымъ образомъ ими самими, былъ для нихъ въ этомъ случаѣ истинною находкою. Планъ поспѣшнаго обращенія естественно больше всего возмущалъ даровитыхъ, самостоятельно развитыхъ и честныхъ уніатовъ. Многіе изъ нихъ, не зная дѣла, какъ оно есть, отшанулись отъ Іосифа. Это была тяжкая для него потеря, а для поляковъ великое пріобрѣтеніе. Предсказаніе графа Блудова, что этою поспѣшностію не преминутъ воспользоватся римскіе католики сбывалось съ 1836 г., можно сказать, каждый день. Вотъ, съ какой стороны нужно смотрѣть прежде всего на щекотливую исторіи возсоединенія уніатовъ послѣ 1835 г. Само собою разумѣется, что не всегда легко можно было добираться до истинныхъ виновниковъ религіозныхъ волненій въ уніатской средѣ. Лица, производившія слѣдствія по поводу этихъ волненій, большею частію мало были знакомы съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ западной Россіи или даже принадлежавшія сами къ польской партіи, обыкновенно представляли только ближайшіе, очевидные факты, доказывавшіе волненіе, и ближайшихъ участниковъ въ немъ, т. е. уніатовъ—священниковъ и народъ, которыхъ и должна была постигать кара государственнаго правосудія. Но тутъ то и сказывалась вся сила ясновидѣнія ума и горячая любовь къ родинѣ митрополита Іосифа. Силою своего необыкновеннаго ума и знанія западной Россіи, силою своего народолюбиваго сердца онъ видѣлъ и чувствовалъ, что уніаты—священники и крестьяне меньше всего виноваты въ волненіяхъ, что они большею частью были только слѣпыми, невольными,—часто изъ подъ палокъ—орудіями латино-польскихъ вождей. Прочитанныя нами слѣдственныя дѣла по возсоединенію уніатовъ показываютъ, что Іосифъ, при первомъ прикосновеніи къ какому-либо подобному дѣлу, сразу уменьшалъ число уніатовъ, подлежавшихъ отвѣтственности и сразу обнаруживалъ латино-польскія интриги. Въ нерѣдкихъ случаяхъ, поставлявшихъ въ безвыходное, повидимому, положеніе всѣ власти—и низшія и высшія, Іосифъ выступаетъ съ такою силою ясновидѣнія и величія духа, что невозможно не преклониться передъ этою могучею, народною лич-

ностію. Рядомъ съ этою силою ясновидѣнія и велилія пароднаго духа блѣднѣютъ тѣ немногіе случаи раздраженія, безъ которыхъ не могло обойтись такое запутанное дѣло и которые мы въ свое время разскажемъ со всею откровенностію. Такимъ образомъ, тѣ самыя дѣла, въ которыхъ яснѣе всего сказались лучшія стороны богатой души Іосифа,—его снисхожденіе и любовь къ родному народу, обращались обыкновенно въ укоръ ему, потому что многіе русскіе не видѣли, а поляки не хотѣли видѣть тѣхъ, кого спасалъ Іосифъ отъ бѣды, и, видя только тѣхъ, кто введенъ былъ въ бѣду, приписывали ее Іосифу. Въ этомъ отношеніи Іосифу выпала доля, совершенно одинаковая съ долею Мельхиседека Яворскаго, Виктора Минскаго и многочисленныхъ другихъ подвижниковъ западной Россіи, оклеветанныхъ поляками за то самое, за что тѣ заслуживали величайшей похвалы и благодарности. Но Іосифъ былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что никто изъ нихъ не воспиталъ кругомъ себя такого большого числа послѣдователей, какъ онъ. Мы живо помнимъ неотразимое обаяніе этой воспитательной силы, — мы живо помнимъ изъ временъ нашей юности тѣ вечернія минуты, когда въ виленскую семинарію пріѣзжалъ покойный митрополитъ, когда онъ въ ученической комнатѣ садился среди насъ на ученическомъ стулѣ и бесѣдовалъ съ нами. Въ этой бесѣдѣ обнаруживалось, что онъ зналъ всѣхъ родныхъ почти каждаго изъ насъ, всю ихъ обстановку, характеры главнѣйшихъ членовъ. Въ одно мгновеніе онъ переносилъ мальчика, сидящаго за книгой въ семинаріи, вдали отъ дома, въ этотъ самый домъ, въ кругъ его родныхъ, въ кругъ ихъ интересовъ и всюду предносилъ передъ этимъ мальчикомъ идеалъ знанія, служенія дѣлу. Семья, родина, наука, великое будущее сливались тутъ въ одинъ образъ, захватывавшій душу, мало мальски живую.

Не менѣе могущественное вліяніе производилъ Іосифъ и на взрослыхъ—другою силою своей души, доказывавшею въ немъ высокое христіанское развитіе. Это—поразительное постоянство вниманія, дружбы. Не было въ западной Россіи человѣка, который бы былъ ровнѣе и тверже покойнаго митрополита Іосифа въ отношеніяхъ къ людямъ. Съ особенною ясностію это постоян-

ство сказывалось въ его отношеніяхъ ко всѣмъ, стоявшимъ съ нимъ за одно въ дѣлѣ возсоединенія. На всѣхъ, содѣйствовавшихъ ему въ этомъ великомъ дѣлѣ, онъ смотрѣлъ какъ на силу, выражавшую въ себѣ дорогое преданіе западно-русской церкви и внушалъ всѣмъ молодымъ труженикамъ уважать ее, даже переносить съ терпѣніемъ ея недостатки. Мы не сомнѣваемся, что могилу этого великаго западно-русскаго святителя съ одинаковою нѣжностію орошаютъ слезами и воспитанные имъ молодые люди и почтенные старики,—первые помощники въ его подвигѣ. Вліяніе митрополита Іосифа проникло само собою и за предѣлы сѣверозападной Россіи — въ Холмскую область и даже въ Галицію. Въ 1837 г. онъ получилъ отъ 20 священниковъ Холмской области прошеніе, въ которомъ они жаловались на «притѣсненія, претерпѣваемыя холмскими уніятами отъ римлянъ, на явное направленіе своего начальства обратить всѣхъ уніятовъ Польскаго Царства къ римскому исповѣданію», одобряли преобразованія, последовавшія касательно уніятовъ въ Россіи, и предлагали Іосифу поручить сношенія съ ними священнику Жиповскому, жившему около Бреста... «И въ отдаленной странѣ Галиціи, писалъ въ одной бумагѣ Іосифъ въ томъ же 1837 г. чуствуютъ свое отчужденіе (отъ Россіи)—недавно львовскій архіепископъ (Левицкій) требовалъ конфиденціально, чрезъ подчиненныхъ мнѣ духовныхъ, богослужебныхъ книгъ православныя греко-россійскія церкви, признавая уніятскія измѣненными по римскимъ руководствамъ». Наконецъ, въ послѣднюю польскую смуту Іосифъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что возсоединеніе уніятовъ дѣйствительно сдѣлалось народнымъ дѣломъ. Народная преданность Россіи, народное противодѣйствіе Польшѣ, народные мученики, принявшіе смерть въ эту смуту за православную Русь, народная любовь къ русскому, православному ученію — все это на половину плоды того дѣла, которое онъ положилъ въ основу западно русской жизни.

На все это покойный митрополитъ Іосифъ имѣлъ гораздо болѣе вліянія, нежели сколько у насъ знаютъ. Всѣмъ стало извѣстно, — и то, благодаря лишь усиліямъ поляковъ очернить имя Іосифа,—письмо митрополита къ оберъ-прокурору св. синода, писанное въ 1855 году о приготовленіяхъ поляковъ западной Рос-

сіи къ смутѣ; но не многимъ извѣстно, какія усилія онъ дѣлалъ на мѣстѣ для противодѣйствія полякамъ во все послѣднее время до самой смуты. Въ эти тяжелыя времена онъ болѣе, чѣмъ когда либо, имѣлъ частыя сношенія съ священниками, разрѣшалъ ихъ недоразумѣнія, вразумлялъ, какъ дѣйстоовать среди затрудненій. Онъ даже преобразовалъ для этого управленіе духовенствомъ,— устроилъ самыя малыя благочинія для большаго удобства духовенства получать отъ него черезъ благочинныхъ наставленія и давать ему знать о своихъ затрудненіяхъ. Такимъ образомъ, въ то время, когда всѣ наши власти были въ крайнемъ разслабленіи, когда въ иныхъ мѣстахъ ихъ почти не существовало, одинъ Іосифъ спокойно держалъ всѣ нити своего управленія, и въ каждую пору могъ передать своему духовенству, а черезъ него и народу указаніе, какъ вести себя, какъ бороться съ поляками. Этимъ то въ значительной степени нужно объяснить то ясное пониманіе своего положенія, какимъ обладалъ народъ предъ смутой и то спокойствіе его, которое онъ сохранялъ среди всѣхъ панскихъ козней, даже во время военныхъ экзекуцій, вызванныхъ панами нарочно, чтобы вооружить народъ противъ Россіи. Этимъ также нужно объяснить и то, что самые слабые священники вѣрно исполнили свой долгъ въ тѣ трудныя времена и не поддавались полякамъ.

Но эти послѣдніе труды сокрушили крѣпкую природу покойнаго митрополита Іосифа. Нужно вспомнить тѣ тяжелыя обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось доканчивать свою службу западной Россіи. Извѣстно, до какихъ предѣловъ доходила необузданность поляковъ передъ послѣднею польскою смутой. Извѣстно также, что большая часть русскаго общества поражена была тогда недугомъ неразумнаго сочувствія къ полякамъ. Послѣдствія того и другаго зла прежде всего обрушились на покойнаго митрополита,—онъ получалъ невниманіе, непріятности, оскорбленія со всѣхъ сторонъ. Онъ долженъ былъ уединиться, заключиться въ своей народной думѣ, отвергаемой тогда даже властными людьми. Его крѣпкая природа, требовавшая кипучей, практической дѣятельности и постояннаго движенія, не вынесла этихъ двойныхъ страданій и душевныхъ и тѣлесныхъ, — послѣдовалъ

(кажется въ 1857 г.) параличный ударъ, который поляки сейчасъ же стали объяснять по своему, и однихъ вразумляли, что это послѣдствіе мірской будто бы жизни, а другимъ внушали, что это кара Божія за возсоединеніе. Къ несчастію, покойный митрополитъ сталъ лечиться у такого доктора, который въ послѣдствіи оказался начальникомъ медицинской части въ польскомъ тайномъ жондѣ и котораго леченіе признано было другими докторами вреднымъ для покойнаго митрополита. Поправить вольную или невольную ошибку этого доктора было трудно. Пораженія тѣла возобновлялись и учащались. Мучительная борьба жизни съ смертію продолжалась однако очень долго. Ходъ этой борьбы, какъ удостовѣряютъ лица, близко наблюдавшіе митрополита Іосифа, весьма много зависѣлъ отъ обстоятельствъ западной Россіи. Были эти обстоятельства хороши, русское дѣло шло къ успѣху вѣрными путями—силы митрополита Іосифа оживали; дѣлались эти обстоятельства хуже, русское дѣло сдвигалось съ правильныхъ путей,—силы его падали. Всѣмъ извѣстно, что эти силы окончательно упали въ такія времена западной Россіи, которыя не могутъ не вызывать боли въ самыхъ мужественныхъ русскихъ сердцахъ. Съ первыхъ дней своей сознательной жизни и до послѣдней минуты онъ весь жилъ западной Россіей. Этимъ, между прочимъ, объясняется и та, печальная во многихъ отношеніяхъ, необходимость, по которой онъ не могъ оставить управленія паствой въ послѣднее время. Для него это значило оставить свою душу, свою жизнь!

Покойный митрополитъ Іосифъ глубоко уважалъ силу общественнаго мнѣнія и слѣдилъ за нимъ съ постояннымъ вниманіемъ. «Честное имя должно быть драгоцѣнно для честнаго человѣка,» писалъ онъ въ одномъ оффиціальномъ письмѣ въ 1855 г., «и я обязанъ пещись о немъ не только для себя, но и для церкви православной, которой я усердный сынъ и небезполезный дѣятель.» Онъ считалъ своею обязанностію приготовить русскому обществу отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и съ давнихъ поръ составлялъ свои записки. Записокъ этихъ онъ составилъ пять томовъ, и, какъ

пишутъ намъ изъ Вильны лица, близко знавшія мысли покойнаго митрополита, неразъ собирался приступить къ ихъ изданію. Нынѣ записки эти пожертвованы академіи наукъ вмѣстѣ съ пятью тысячами рублей на ихъ изданіе. Нельзя не пожелать, чтобы изданіе этого замѣчательнѣйшаго труда послѣдовало въ возможно скоромъ времени.

Собирая съ 1862 г. матеріалы для исторіи возсоединенія уніятовъ, мы пришли къ убѣжденію, что едва-ли у насъ есть событіе, о которомъ сохранилось бы столько богатыхъ оффиціальныхъ документовъ, какъ о возсоединеніи уніятовъ. Но при этомъ богатствѣ нельзя не чувствовать и важнаго недостатка, именно, недостатка неоффиціальныхъ, частныхъ свидѣтельствъ. Этотъ недостатокъ, повидимому, восполняется значительнымъ запасомъ свѣдѣній, собранныхъ и изданныхъ во многихъ книгахъ поляками; но этотъ запасъ такого лживаго свойства, что имъ можно пользоваться не иначе, какъ съ величайшею осторожностію. Желательно имѣть подобные матеріалы изъ русскихъ рукъ. Начало этому сдѣлано достойнѣйшимъ помощникомъ покойнаго митрополита Іосифа въ дѣлѣ возсоединенія, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, бывшимъ архіепископомъ минскимъ, нынѣ пребывающимъ на покоѣ, котораго воспоминанія о греко-уніятской церкви въ западномъ краѣ напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1864 г. Теперь, въ скоромъ, безъ сомнѣнія, времени сдѣлаются извѣстными и записки митрополита Іосифа, которыхъ важнѣйшую часть, конечно, будутъ составлять частныя свѣдѣнія, и мнѣнія самаго автора. Нельзя не пожелать, чтобы и другія лица, участвовавшія въ возсоединеніи или близко знавшія это событіе, поспѣшили подѣлиться своими знаніями. Мы съ величайшею радостію приняли бы сообщенія, если бы эти лица удостоили насъ своимъ довѣріемъ. Въ особенности мы желали бы получить свѣдѣнія, воспоминанія и документы о слѣдующихъ событіяхъ и лицахъ:

1) О минскомъ епископѣ Викторѣ Садковскомъ и объ его дѣятельности въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II.

2) О дѣятельности уніятскаго митрополита Ираклія Лисовскаго. Послѣ него осталось много писемъ. Часть ихъ находится, помнится, въ виленской публичной библіотекѣ.

3) О дѣятельности и въ особенности о смерти полоцкаго архіепископа Іоанна Красовскаго.

4) О дѣйствіяхъ брестской капитулы въ первой четвертой настоящаго столѣтія и о планѣ, выработанномъ среди ея членовъ, чтобы въ архіереи избирались кандидаты изъ бѣлаго духовенства.

5) Воспоминанія о дѣтствѣ и юности покойнаго митрополита Іосифа.

6) О сочувствіи бѣлаго духовенства первымъ мѣрамъ къ очищенію унiи и о лицахъ, дѣйствовавшихъ за одно съ Іосифомъ до 1834.

7) О состояніи базиліанскаго ордена въ послѣднихъ двадцатыхъ и первыхъ тридцатыхъ годахъ и о совѣщаніяхъ съ базиліанами провинціала Жарскаго касательно подчиненія ордена св. синоду.

8) О новогрудскомъ протестѣ противъ постановленія уніятской коллегіи 1834,—о вліяніяхъ пановъ на Плавскаго, Горбацевича, Игнатовича, и о домашнихъ въ этомъ дѣлѣ интригахъ между уніятами.

9) О Церковницкомъ протестѣ 1836,—въ особенности важно знать, кто собиралъ подписи подъ этимъ протестомъ и кто помѣщалъ подпись лица, невладѣвшаго рукою.

10) О подобномъ же протестѣ бывшихъ каноников брестской капитулы,—священниковъ Бѣльскаго уѣзда 1837.

11) Воспоминанія объ участіи польскихъ ксендзовъ и пановъ въ уніятскихъ волненіяхъ 1836, 1837, 1838 и 1839 гг.

12) Воспоминанія о пребываніи священниковъ въ Жировицахъ для изученія обрядовъ восточной церкви.

13) Воспоминанія о собираніи подписокъ на присоединеніе къ православію.

14) Воспоминанія о торжествахъ по случаю присоединенія къ православію, особенно въ Полоцкѣ.

15) Воспоминанія о настроеніи народа во время возсоединенія,—въ областяхъ малороссійскаго племени, въ областяхъ бѣлорусскаго племени.

16) Въ какихъ уніятскихъ церквахъ находились на чердакахъ иконостасы, престолы и другія принадлежности православныхъ храмовъ?

17) Въ какихъ мѣстахъ польскіе паны сѣкли крестьянъ, чтобы они не смѣли принимать православія и обременяли ихъ излишними работами?

18) Воспоминанія о разборѣ по приходамъ крестьянъ, кто изъ нихъ православнаго вѣроисповѣданія и кто латинскаго въ 1839, 1840 и далѣе.

19) Біографическія замѣтки о лицахъ изъ народа, духовенства уніятскаго, латинскаго, изъ польскаго дворянства, изъ русскаго чиновнаго міра, выдѣлявшихся особенными дѣйствіями во времена возсоединенія.

20) Замѣчательные случаи и анекдоты изъ временъ возсоединенія уніятовъ.

Всѣ сообщенія могутъ быть присылаемы въ правленіе петербургской *православной*, духовной академіи для передачи профессору М. О. Кояловичу.

М. Кояловичъ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ ВИЛЬНѢ ПАМЯТИ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ КОНЧИНЫ СВ. КИРИЛЛА.

14-го февраля, по поводу тысячелѣтней годовщины смерти просвѣтителя славянъ св. Кирилла, происходило торжественное архіерейское богослуженіе въ Свято-Троицкой церкви, совершенное преосвященнымъ Іосифомъ, епископомъ ковенскимъ, въ сослуженіи съ инспекторомъ семинаріи, архимандритомъ Мелетіемъ, и законоучителями гимназій класической, реальной и женской; причемъ присутствовали какъ всѣ воспитанники виленскихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, такъ и множество народа. Во время богослуженія преосвященный Іосифъ сказалъ приличное истинно всеславянскому празднику слово, помѣщаемое нами ниже, по окончаніи же молебна вручилъ попечителю учебнаго округа, П. Н. Батюшкову, освященную во время литургіи икону святыхъ Кирилла и Меѳодія, писанную художникомъ Васильевымъ и находившуюся въ складѣ библіотеки неосвященною. Икона эта назначена попечителемъ для виленской публичной библіотеки, какъ учрежденія, заключающаго въ себѣ наиболѣе славянскихъ рукописей и между про-

чимъ имѣющаго древнѣйшій изъ всѣхъ существующихъ на свѣтѣ списокъ евангелія, переведеннаго на славянскій языкъ св. Кирилломъ и писанный кириллицею. Мы слышали, что начальство учебнаго округа намѣрено ходатайствовать о разрѣшеніи называть виленскую публичную библіотеку Кирилло-Меѳодіевскою. При окончаніи молебствія и послѣ пропѣтаго тропаря св. Кириллу, преосвященный Іосифъ, вручая икону попечителю, сказалъ слѣдующееe, исполненное душевной теплоты слово:

„Благочестивый представитель Благочестивѣйшаго Вѣнценоснаго Покровителя отечественнаго просвѣщенія, поставленный Державною волею въ попечители народнаго просвѣщенія въ здѣшнемъ краѣ!

„Эта св. икона предназначена и освящена для нашего виленскаго книжнаго древле-хранилища. Изображеніе святыхъ равноапостоловъ Кирилла и Меѳодія да напоминаетъ нашимъ ученымъ дѣятелямъ тѣ родныя преданія, которыя завѣщаны проповѣдническими трудами нашихъ славянскихъ первоучителей. Ихъ молитвенное представительство предъ престоломъ Божіимъ и благодатное осѣненіе, нынѣ соединенное съ ихъ святыми ликами, да хранятъ наше просвѣтительное древлехранилище отъ лживыхъ привнесеній, да блюдутъ и крѣпятъ тотъ мощный, зиждительный духъ единенія, преданности родному нашему Царственному Престолу и славному отечеству, которымъ силенъ богохранимый народъ русскій, которымъ примиряетъ немирное, уподобляетъ неподобное и распространяетъ общее благополучіе; да споспѣшествуютъ, наконецъ, укрѣпленію и процвѣтанію въ здѣшней странѣ святой нашей церкви и нашей исконной здѣсь русской народности.

Примите, Помпей Николаевичъ, на свои честныя руки святыя изображенія нашихъ первоучителей и водрузите ихъ въ общественной храминѣ просвѣщенія для истиннаго блага ее посѣщающихъ.“

Такимъ образомъ торжество наше изъ чисто церковнаго незамѣтно перешло въ торжество учебное, гражданское, патріотическое, чего никто не ждалъ и не предполагалъ. Каждый изъ предстоявшихъ, постепенно переходя отъ одной мысли къ другой, отъ созерцанія торжественнаго освященія иконы къ

сознанію великости подвига славянскихъ апостоловъ, нечувствительно проникался благоговѣніемъ и благодарностью къ нимъ, чувствуя въ себѣ самомъ частицу тѣхъ благъ, какія получилъ отъ изобрѣтенной св. Кирилломъ славянской азбуки и отъ чтенія переведеннаго имъ св. писанія на родной для насъ церковно славянскій языкъ. Торжество этого, въ особенности для нашего учебнаго вѣдомства знаменательнаго дня, окончилось у попечителя округа обѣдомъ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ преосвященный Іосифъ и на который приглашены были многія лица учебнаго вѣдомства и въ томъ числѣ находящіеся нынѣ на службѣ въ Вильнѣ славяне.

За обѣдомъ произнесены были обычныя здравицы, изъ которыхъ упомянемъ здѣсь о сказанной попечителемъ въ честь отсутствующаго высокопреосвященнаго Макарія, архіепископа литовскаго и виленскаго, а также „въ честь графини Антонины Дмитріевны Блудовой, которой имя и плодотворная дѣятельность неразрывно связаны съ просвѣтительными учрежденіями Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ нашемъ старомъ Острогѣ.“ Здравица эта была принята съ живымъ сочувствіемъ присутствующими и тутъ же составленная по этому поводу телеграмма была отправлена къ графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ въ Петербургъ. Кромѣ того отправлены телеграммы въ Москву, къ М. П. Погодину, для передачи славянскому комитету сердечнаго привѣта и поздравленія со всеславянскимъ торжествомъ памяти тысячелѣтія перваго просвѣтителя славянъ,—и, чрезъ присутствовавшаго на обѣдѣ Я. Ѳ. Головацкаго, во Львовъ къ редактору „Слова“ съ привѣтствіемъ къ русскимъ галичанамъ.

Вообще знаменательный день 14-го февраля оставилъ самыя пріятныя впечатлѣнія въ средѣ лицъ, принадлежащихъ къ составу виленскаго учебнаго округа.

Рѣчь преосвященнаго Іосифа, епископа ковенскаго, произнесенная 14-го февраля.

Благочестиво поступили мы, братіе, собравшись въ храмъ Божій торжественно воспомянуть тысячелѣтнюю годину смерти св. Кирилла, епископа катанскаго, просвѣтителя славянъ, за свою высокую и плодотворную ученость названнаго философомъ. Дорога для насъ память всѣхъ друзей человѣчества; но память

святителя Кирилла, вмѣстѣ съ единоутробнымъ братомъ его, св. Меѳодіемъ, особенно драгоцѣнна, сладостна и поучительна для насъ.

Св. Кириллъ, происходя изъ знаменитаго рода въ Восточной Римской Имперіи, и удостоившись воспитываться вмѣстѣ съ наслѣдникомъ царскаго престола, получилъ самое высокое классическое образованіе еллинское. Питомцы учебныхъ заведеній! Вамъ ли послѣ этого пренебрегать наукою, когда предаются ей люди столь высокіе и богатые?—вамъ ли, любезные дѣти? Вы надежда, утѣшеніе и радость вашихъ родителей и будущая опора отечества! вамъ ли не предаваться усердно ученію, когда вы преимущественно чрезъ науку можете образовать изъ себя истиннаго человѣка, созданнаго по образцу и подобію Божію, когда въ наукѣ преимущественно заключаются залоги будущаго вашего благоденствія?

Св. Кириллъ, въ лицѣ одного изъ своихъ родителей происходя отъ славянскаго племени, и съ дѣтства знакомый съ славянскимъ языкомъ, не забылъ его и среди господствовавшаго, образованнаго языка греческаго; напротивъ высокое усовершенствованіе греческаго языка возбудило въ немъ ревность—образовать свой родный, славянскій языкъ, сдѣлать его письменнымъ, литературнымъ: и вотъ молодой подвижникъ славянской народности составляетъ для нашихъ предковъ азбуку, которая и до сихъ поръ находится въ употребленіи и называется по имени приснопамятнаго ея составителя кириллицею. Если имена египтянина Мемнона и Таута финикіянина, изобрѣтшихъ письмена, сохраняются и прославляются исторіей, какъ имена благодѣтей рода человѣческаго: то намъ ли забыть своего роднаго, великаго, благодѣтельнаго, святаго, равноапостольнаго первоучителя грамотности? Намъ ли не воспоминать это незабвенное имя съ глубокою любовію къ труженику, съ благоговѣйною благодарностію къ промыслу Божію, что онъ не обдѣлилъ и славянскія племена геніемъ письменности и науки, когда этотъ геній, вотъ уже 1000 лѣтъ, проявляетъ себя и творитъ, если не такъ многосторонне, какъ геніи иноплеменныхъ намъ языковъ, за то не менѣе благотворно—для преуспѣянія въ истинномъ просвѣщеніи, но особенно заключаетъ въ себѣ залоги такихъ сокровищъ, которыя еще не початы и въ грядущемъ

стяжутъ ему такую *славу*, какой уже не надѣются имѣть *не славянскія* племена.

Св. Кириллъ все свое научное образованіе положилъ на алтарь св. вѣры Христовой. Чѣмъ глубже и всестороннѣе просвѣщался наукою, тѣмъ сильнѣе онъ убѣждался, что конечная цѣль науки есть истинное благо свое и ближнихъ въ славу Божію. И вотъ онъ, любвеобильный народолюбецъ, скорбя о духовной слѣпотѣ своихъ соплеменниковъ болгаръ и другихъ, особенно о ихъ блужданіи внѣ свѣта спасительной вѣры Христовой, несетъ имъ этотъ свѣтъ,—вмѣстѣ съ своимъ братомъ благовѣтствуетъ имъ св. евангеліе и совершаетъ это не только устно, но подобно апостоламъ, въ письмени начертываетъ для новопросвѣщенныхъ св. благовѣствіе и христіанское богослуженіе. Вотъ, обязательный примѣръ, братіе-христіане-служители и слушатели наукъ! Кто въ изученіи природы видимой и невидимой не видитъ Творца ея, кто чрезъ изученіе природы не приходитъ къ чувствамъ благоговѣнія, прославленія и благодаренія своего Творца; такой образованный не возвысился надъ понятіемъ животныхъ, изъ которыхъ волъ позна стяжавшаго его, и оселъ ясли господина своего, которыя чаютъ отъ Господа пріяти пищу во благовременіи, которыя боятся и трепещутъ гласа грома, сотрясающаго горы.... Истинное, вполнѣ благотворное образованіе ведетъ къ познанію Бога, къ сознательному усвоенію св. вѣры Христовой и состоитъ въ мудромъ проведеніи этой жизни на благо себѣ и ближнимъ—во славу Божію. Оно и завершается божественнымъ просвѣщеніемъ. Таковъ и есть характеръ нашего роднаго славянскаго образованія. Тогда какъ писанія другихъ народовъ, кромѣ еврейскаго, истощались на повѣствованіе о ложныхъ богахъ, упражнялись въ изображеніи не благотворныхъ предметовъ: наша славянская письменность при самомъ началѣ освящена начертаніемъ имени истиннаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа, и единой спасительной вѣры православной. О, какое въ этомъ глубокое знаменованіе нашего народнаго характера, нашего призванія, нашего назначенія! Да не осквернимъ же, братія, своей грамоты, своей письменности тѣми лжеименными мудрованіями, которыя только болѣе отуманиваютъ и распаливаютъ жажду, какъ туманныя бездождныя облака, не дающія желаемой воды на упоеніе земли и утоленіе жажды.

Святитель Божій Кириллъ перешелъ къ своему пастыреначальнику, еще не преполовивъ дней человѣческой жизни,— скончался на 42 году отъ рожденія. Неимовѣрные труды евангельскіе, великіе подвиги для блага ближнихъ и во спасеніе своей души рано изнурили тѣлесныя силы равно-апостольнаго. Онъ самъ, сгорая ревностію о распространеніи свѣта христіанства, не щадилъ своихъ силъ и не употреблялъ даже времени на потребное отдохновеніе. И вотъ, глава церкви воззвалъ его скоро въ лоно вѣчнаго, блаженнаго покоя. Святитель почилъ о Господѣ съ радостнымъ утѣшеніемъ, видѣвъ не только зарю, но и восшедшее солнце св. вѣры надъ мрачными странами славянскими. Великій урокъ, вмѣстѣ утѣшеніе и для насъ, братія! Корень ученія горекъ, но плоды его сладки. Тяжко напрягать свои духовныя и тѣлесныя силы въ дѣлѣ ученія и науки: но сладостно видѣть спасительное ихъ дѣйствіе въ сердцѣ. А Господь удостоиваетъ такихъ тружениковъ и иныхъ, высшихъ утѣшеній, только бы труды совершались во благо общее и во славу Божію.

Да будутъ намъ, братія, вся сія, по благословенію и молитвамъ нашего святаго, равно-апостольнаго первоучителя, присноблаженнаго Кирилла, Аминь.

(Вил. Вѣст.)

ЗАПИСКА

дѣйствительнаго члена витебскаго губернскаго статистическаго комитета м. Кусцинскаго о найденномъ въ Лепельскомъ уѣздѣ надгробномъ камнѣ, надъ павшими въ сраженіи въ 1568 г.

Лѣтомъ, текущаго года, посвятилъ я нѣкоторое время археологическимъ изъисканіямъ въ Лепельскаго уѣздѣ, преимущественно въ мѣстахъ ознаменовавшимся сраженіями въ XVI вѣкѣ во время войны Россіи съ Польшею за Ливонію; главная цѣль моя состояла въ точномъ опредѣленіи мѣстъ сраженій и розысканіи памятниковъ старины, принадлежащихъ къ тому времени.

Хотя исторія и современные лѣтописцы указываютъ мѣстности этихъ страженій, происходившихъ большею частью

вблизи укрѣпленныхъ замковъ, однако, безъ тщательнаго изслѣдованія, найдти такое побоище невозможно. Укрѣпленныя мѣста того времени въ Лепельскомъ уѣздѣ суть слѣдующія: Красное, Улла, Суша или Копецъ, Чашники и Воронечъ.

Въ Сушѣ, съ которой я началъ свои изъисканія, не удалось мнѣ открыть ничего замѣчательнаго. Замокъ этотъ построенъ былъ на полуостровѣ, окруженномъ водою озера называемаго Суша, на пространствѣ около четырехъ десятинъ 1). Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ лежитъ деревня того же названія; на этомъ также пространствѣ помѣщается церковь совершенно ветхая и усадьба священника, въ этомъ-то мѣстѣ сохранилась часть землянаго вала, единственнаго уцѣлевшаго остатка нѣкогда укрѣпленнаго замка. Мѣстные крестьяне весьма мало сохранили преданій о существовавшей, 300 лѣтъ тому назадъ, на ихъ землѣ крѣпости; нѣкоторые упоминаютъ только, что на этой мѣстности былъ когда-то замокъ, взятый приступомъ королемъ Батурою (Баторіемъ). При этомъ случаѣ я распрашивалъ у крестьянъ: не удалось-ли кому-либо найдти около ихъ усадьбъ старинныхъ вещей или монетъ; въ отвѣтъ на это, одинъ изъ крестьянъ принесъ мнѣ старинный военный бердышъ, довольно хорошо сохранившійся, который я отъ него пріобрѣлъ 2).

Въ разстояніи 22 верстъ отъ Суши лежитъ другой, нѣкогда укрѣпленный, замокъ—*Улла*. Лѣтописцы XVI столѣтія, какъ-то: Стрыйковскій, Бѣльскій, Кояловичъ и др. повѣствуютъ о сраженіи русскихъ съ литовскимъ войскомъ въ 1568 году, между Сушею и Уллою. На эту-то мѣстность я обратилъ особенное вниманіе, для опредѣленія съ точностію побоища и отысканія древностей. Для уясненія мѣстности и обстоятельствъ, предшествовавшихъ сраженію, приведемъ опи-

1) Лѣтопись Александро-Невская въ слѣдующихъ словахъ упоминаетъ объ основаніи крѣпости Суши: „мѣсяца августа (1567) поставленъ бысть въ Полоцкомъ повѣтѣ за Двиною къ виленскому рубежу, на озерѣ на Сушѣ на острову, городъ; повелѣ же государь звати тотъ городъ Коніе, отъ Лепеля 25 верстъ, отъ Полоцка 70, отъ Лукомля 20.“ (Карамзинъ IX пр. 223).

2) Древность эту буду имѣть честь представить въ предполагаемое собраніе древностей при Витеб. Губ. Статистическомъ комитетѣ.

саніе этой битвы современнаго намъ исторіографа Бѣлоруссія 1).

„Весною (1568 г.) князь Романъ Сангушко, генералъ-поручикъ королевскій, съ 1900 человѣкъ отличной конницы прибылъ подъ Чашники для наблюденія за войскомъ московскимъ, ибо сдѣлалось уже извѣстнымъ, что Іоаннъ назначилъ Оршу сборнымъ мѣстомъ для своего войска. Сангушко, узнавъ о переправѣ черезъ Днѣпръ 8000 отряда подъ начальствомъ Амурата и Палѣцкаго, вышелъ изъ Чашникъ и напалъ врасплохъ на главный станъ, въ которомъ воины не успѣли взяться за оружіе. Часть войска истреблена, часть спаслась бѣгствомъ. Амуратъ и Палѣцкій были убиты. Отважный подвигъ до того ободрилъ немногочисленный отрядъ, что Сангушко, провѣдавъ о выходѣ Щербатова въ главѣ 6,000 отряда 2) и 3000 татаръ подъ начальствомъ Сегита изъ *Уллы къ Сушѣ*, засѣлъ въ лѣсу при дорогѣ и улучивъ время „когда войско расположилось къ отдыху—вышелъ изъ засады и истребилъ почти половину этой рати."

Принявъ въ соображеніе то обстоятельство, что Сангушко вышелъ изъ Чашникъ на встрѣчу непріятеля, идущаго изъ Уллы въ Сушу, нетрудно заключить, что сраженіе это происходило близь пересѣченія дородъ изъ Уллы въ Сушу и изъ Чашникъ въ Полоцкъ. Мѣстность эта находится на пахатномъ полѣ имѣнія Сокорово, въ 35 верстахъ отъ Лепеля, отъ Суши въ 5 вер., отъ Уллы въ 17 верст. Слѣдующее обстоятельство окончательно подтвердило мое предположеніе. Расспрашивая у окрестныхъ жителей о преданіяхъ, касающихся этого сраженія, мнѣ сообщили, что дѣйствительно существуетъ мѣстное преданіе о происходившемъ въ этомъ мѣстѣ сраженіи, что подтверждаютъ также находимыя часто на полѣ человѣческія кости 3).

1) Нарбуттъ въ IX томѣ исторіи Литвы, описывая это сраженіе, утверждаетъ, что надъ русскимъ войскомъ начальствовали Осипъ Щербатовъ и Юрій Барятинскій.

2) Одинъ изъ крестьянъ сообщилъ мнѣ преданіе, будто бы деревня, лежащая въ 1 верстѣ отъ этой мѣстности и называемая *Сапеги*, получила названіе оттого, что въ ней умеръ какой-то Сапега отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ сраженіи.

3) См. Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи Ѳ. Турчиновича. Спб. 1857 г. стр. 155.

При томъ я узналъ отъ управляющаго имѣніемъ Сокорово, что въ разстояніи четверти версты отъ помѣщичьей усадьбы, у самой дороги, ведущей изъ Суши въ Уллу, находится каменный большій крестъ. Отправившись на мѣсто я нашелъ этотъ крестъ углубившимся въ землю до половины, на небольшой округленной возвышенности или курганѣ. Доставъ крестъ этотъ изъ земли, на немъ оказалась надпись, высѣченная старинными славянскими буквами; онъ сдѣланъ изъ гранита; высота его равна 1¾ арш., широта 1¼ арш. Наднись, которую на первый взглядъ трудно было разобрать, по причинѣ неправильнаго очертанія буквъ и множества углубленій, образовавшихся вслѣдствіе постепеннаго выпаданія полеваго шпата—гласитъ слѣдующее: афхе ту пло—о ѳу поле сжвиръ во хръ ту поствилъ по битв по... то ѥсть: *1569 здѣсь положено 200 воиновъ* (жовнеръ) *во христу, поставилъ послѣ битвы...* окончательнаго слова нѣтъ возможности разобрать. Надобно замѣтить, что языкъ этой надписи совершенно такой-же, на какомъ писались здѣсь въ то время всѣ документы, то есть — бѣлорусско-славянскій.

И такъ, это надгробный памятникъ, поставленный благочестивою рукою на могилѣ храбрыхъ воиновъ, (поставленный) на другой годъ послѣ сраженія.

Быть можетъ, что при тщательномъ розысканіи нашихъ древностей, найдутся подобные этому памятники, но покамѣстъ, на сколько намъ извѣстно, это первая находка, въ этомъ родѣ, въ западномъ краѣ; по этому я полагаю, что памятникъ этотъ, имѣющій свое историческое значеніе и представляющій интересъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поставленъ, слѣдовало бы обезпечить на будущее время отъ уничтоженія и возобновить память храбрыхъ предковъ нашихъ. Это легко можно былобъ исполнить—поставивъ этотъ крестъ на гранитномъ піедесталѣ, на которомъ можно было бы сдѣлать обстоятельную надпись о сраженіи, произошедшемъ за 300 лѣтъ.

Ежели предложеніе мое сочувственно будетъ принято, то вѣроятно статистическій комитетъ не откажетъ матеріальной поддержки для осуществленія его.

(Вит. Г. В.)

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Въ газету „Другъ Народа" пишутъ изъ с. Тыврова, Подольской губерніи: „Какъ сильно бросается въ глаза перемѣна, происшедшая въ три съ половиною года (съ 1864—1868 г.) въ нашей мѣстности. Прибывши въ Тывровъ, я чувствовалъ себя какъ въ лѣсу: польская рѣчь повсюду господствовала, каждый оффиціалистъ самаго сомнительнаго происхожденія именовался паномъ; даже крестьяне называли другъ друга панами и въ разговорахъ между собою употребляли слова, цѣлыя фразы польскія. Каждый крестьянинъ, говорящій по-польски, пользовался большимъ вниманіемъ пана-коммисара и другихъ оффиціалистовъ, гордо смотрѣлъ на своихъ собратій крестьянъ, а эти послѣдніе привыкли еще въ бывшее время крѣпостной зависимости преклоняться предъ поляками, завидовали такимъ отщепенцамъ отъ родной рѣчи и отъ родной русской семьи. Но что сдѣлали эти три съ половиною года? Теперь въ разговорахъ употребляются слова изъ польскаго языка, но ужъ совершенно въ другомъ смыслѣ: прежде онъ употреблялся изъ своего рода аристократизма, изъ желанія хвастнуть знаніемъ польскаго языка и польстить самолюбію пана-управляющаго или эконома изъ поляковъ, а теперь—изъ желанія подтрунить какъ надъ польскимъ языкомъ, такъ особенно надъ людьми, имѣющими претензіи къ шляхетству и любящими шапкованье. Каждый старается объясняться чисто по русски. Умѣющій говорить хорошо, пользуется общимъ уваженіемъ своихъ собратьевъ и слыветъ разумнымъ человѣкомъ. Грамотные люди стараются писать книжнымъ русскимъ языкомъ и пишутъ довольно хорошо.

(Совр. Лист.)

ВОСПОМИНАНІЕ О ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРѢ.

4-го іюля 1868 года.

Вотъ ужъ минулъ годъ, какъ я въ первый разъ вошла святыми воротами на высоту почаевскую. Какъ помнится мнѣ этотъ теплый, вечерѣющій день, этотъ чистый, тонкій ароматъ

цвѣтущихъ липъ, эта горная, стрѣлой прямая, дорога съ калѣками и нищими по обѣимъ сторонамъ ската, на который мы подымались, и эта бѣлая ограда въ густой зелени садовъ монастырскихъ, и гармонія постепенно густѣющихъ звуковъ вечерняго звона!

Сама по себѣ вечерняя пора несетъ съ собой успокоеніе: все въ природѣ смолкаетъ, все идетъ на отдыхъ. Это ежедневная *суббота*, когда почіютъ отъ труда дневнаго—и работающій человѣкъ, и человѣкъ изнуренный тоскою, и пахарь утомленный, и усталый страдалецъ, и птичка Божія на вѣткѣ, завернувъ головку подъ крыло, и наигравшійся ребенокъ, засыпающій сладко на рукахъ матери или няньки; цвѣты закрываютъ свои чашечки и самые листы будто дремлютъ на деревьяхъ. Тишина и покой такъ и ложатся на землю и на все земное въ часы прохлады сельскаго вечера, и нигдѣ больше, какъ въ будни, во время вечерни, на монастырскихъ дворахъ. Но есть какая-то особенная благодатная прелесть покоя, около тѣхъ обителей, гдѣ преданіе гласитъ о явленіи Царицы небесной. Нигдѣ душа такъ не мирится съ жизнью и съ горемъ жизни, какъ у Троицы Сергія,—нигдѣ такъ не стихаетъ волненіе духа, какъ около смиренной кельи преподобнаго, озаренной нѣкогда посѣщеніемъ Матери Божіей. Такое же невыразимо-сладостное, всепобѣждающее чувство мира, *не яко міръ даетъ*, дается свыше и въ Почаевской пустыни среди дебри и садовъ, и лѣсистыхъ высотъ, окружающихъ ее, съ подымающейся надъ всѣми остальными Божіей горой, которая, какъ зеленѣющій природный маякъ, виднѣется отовсюду, указывая къ ней путь отъ самаго Кременца. Спрашиваешь себя иногда, въ минуты мимолетнаго сомнѣнія: мгновенное ли присутствіе небесной Гостьи оставило на вѣки этотъ миръ и покой, какъ слѣдъ стопы своей, или покой и миръ этой пустыни зародили въ умѣ народа преданіе о неземномъ присутствіи Матери-Дѣвы? Между *земными* лицами евангельскаго повѣствованія нѣтъ другаго, которое служило бы такимъ полнымъ выраженіемъ мира и спокойствія духовнаго, — такимъ полнымъ примѣромъ, какъ обрѣтается, кротостью и смиреніемъ сердца, покой души. Вся глубина и вся высота христіанскаго идеала и идеала христіанской женщины такъ лучезарно

и такъ тихо свѣтятся въ Ней, что нельзя не *ублажать Ее всѣмъ родамъ человѣческимъ, яко сотвори Ей величіе Сильный*, величіе всепобѣждающей, неизреченной чистоты, величіе кротости, смиренія и покорности, поставившее Ее превыше всѣхъ радостей, всей славы, всего горя, всѣхъ мученій Ея земной жизни,—смиренное величіе, которое сдѣлало Ее прибѣжищемъ и тихимъ пристанищемъ всѣхъ нѣжныхъ и чистыхъ человѣческихъ душъ и украсило всѣ семейныя жилища святымъ Ея изображеніемъ.—Даже протестанты, отвергающіе всякія иконы и возстающіе противъ поклоненія Божіей Матери, однако въ картинахъ или гравюрахъ съ любовью украшаютъ свои дома именно Ея изображеніемъ, хотя и не чтятъ ихъ, какъ мы чтимъ иконы, и не сознаются въ непреодолимомъ внутреннемъ влеченіи души къ Богородицѣ и Ея заступленію, къ *взысканію* Ею *погибающихъ* милыхъ нашихъ, къ *умягченію* Ею *злыхъ сердецъ*, къ *радости* въ Ней *всѣхъ скорбящихъ* и *нечаянной радости* кающихся грѣшниковъ.

Меня не тревожило никакое сомнѣніе въ истинѣ явленія Пресвятыя, когда взошли мы въ ограду монастыря, и великолѣпный храмъ выросъ вдругъ передъ нашими глазами, съ своими золотыми крестами и куполами, сіяющими яркимъ блескомъ на глубокой безоблачной синевѣ неба, въ догорающихъ лучахъ заходящаго солнца, и все монастырское зданіе величественной массою забѣлѣло на высокой тарассѣ у самаго обрыва горы. Весь путь съ Кременца уже располагаетъ къ воспріятію. Преданія народныя и воспоминанія историческія сливаются въ одно поэтическое цѣлое, и воображенію нѣтъ дѣла до сухихъ дознаній науки, до пытливыхъ сомнѣній ума. Довольно съ насъ цѣлыхъ годовъ будничныхъ заботъ и разочарованій; дайте разуму отдохнуть въ праздничной свободѣ!— Дайте волю воображенію, дайте вернуться въ очарованный міръ дѣтскихъ сновъ.

Кто скажетъ, гдѣ истина? Въ этихъ радужныхъ снахъ, или въ мудрости житейской, холодной разсудительности—такъ часто близорукой въ своей учености, такъ часто слѣпой къ самому близкому и вѣрному, не подпадающему матеріально осязательному доказательству внѣшнихъ чувствъ?

Дорога идетъ извилинами, то долиной, то столѣтнимъ ду-

бовымъ лѣсомъ, но все между горъ, все въ зелени и пустыни, и самыя хаты рѣдко попадаются, да и тѣ какъ будто прячутся въ зелени деревъ; только мирно пасутся стада овецъ, а по всей дорогѣ куда ни повернешь, все темный отрѣзанный конусъ Божіей горы, съ своимъ густымъ боромъ, указываетъ вамъ путь на высоту и возвышаетъ душу какимъ-то нѣмымъ предвѣстіемъ святыни. Отъ всей мирной этой картины вѣетъ какбы напоминаніемъ свѣжей прелести первыхъ книгъ ветхаго завѣта, неопалимой купины и широкихъ луговъ Ливана. Образы Моисея, Авраама, Іакова, какъ будто мелькаютъ передъ вами. Для меня никакая въ мірѣ повѣсть не можетъ быть столь замѣчательною, трогательною и поучительною, какъ одно изъ древнѣйшихъ повѣствованій библейскихъ: это сватовство праотца Іакова къ Рахили и ихъ неизмѣнная до конца любовь, даже среди многоженства тогдашняго; и эта нѣжность материнская и тоска по дѣтямъ, вшедшая въ поговорку; и *отраженіе* этой тихой, крѣпкой и чистой любви—на характерѣ Іосифа и Веніамина. Мнѣ кажется, что эта сердечная повѣсть повторяется всегда для избранныхъ душъ—для людей достойныхъ быть *семьянинами-христіанами*, и я всегда желаю *такой* любви всѣмъ, которымъ желаю счастья на землѣ и вѣчнаго соединенія за гробомъ.

Откуда названіе Божіей горы, я не успѣла узнать;—вѣроятно тамъ былъ скитъ или церковь въ самыя древнія, можетъ быть языческія времена. Достовѣрно, что въ самомъ Почаевѣ, съ незапамятныхъ, до-Владимірскихъ временъ, жили пустынники, и жили отчасти, какъ кажется, въ пещерахъ. Епархія св. Меѳодія въ концѣ IX столѣтія доходила уже до Луцка и рѣки Стыри. Нѣкоторые изъ его учениковъ, преслѣдуемые зальцбургскими епископами, утомленные тяжелой борьбой съ озлобленными противниками, принимающими всуе имя Христа, весьма вѣроятно, бѣжали въ пустынные непроходимые лѣса языческаго народонаселенія, гдѣ дозволялось имъ молить и славить Бога на родномъ языкѣ, по обряду и вѣрованіямъ ихъ святаго учителя. Тутъ же въ Почаевѣ около древней, уже существовавшей тогда, церкви Успенія Богородицы, искали убѣжища отъ разоренія и угнетенія татаръ иноки кіевскіе, первые основатели этого монастыря.

Выѣзжая изъ Кременца, вы видите по обѣимъ сторонамъ дороги большія каменныя плиты, лежащія по одиночкѣ, на нѣсколько шаговъ другъ отъ друга, все по одному направленію къ Почаеву, неправильно, не плоско положенныя, а точно ихъ уронили дорогой. „Это, говоритъ народъ, и было въ то время, когда благочестивая госпожа, Анна Гойская, задумала выстроить на горѣ, гдѣ явилась Матерь Божія, Почаевскій монастырь. Тогда, изъ каменоломни около Кременца, камни сами встали и пошли несмѣтнымъ полчищемъ оживленныхъ, огромныхъ плитъ, строитъ изъ себя храмъ Царю небесному, Создателю земли и неба, человѣка и камня."—На видъ эти плиты лежатъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ споткнувшіяся или падшія на ходу, и въ воображеніи народномъ представляютъ собой опоздалыя, оказавшіяся лишними для зданія плиты, и лежатъ онѣ тутъ теперь, какъ указатели пути къ цѣли, которой не достигли. Не такъ ли бываетъ и съ цѣлыми поколѣніями человѣчества! Одно опаздываетъ, другое, торопясь неразумно, падаетъ жертвою несозрѣвшей мысли, неподготовленнаго нравами и развитіемъ, новаго строя жизни; но творческая мысль, христіанское смягченіе нравовъ и покореніе мертвой природы волѣ человѣческой, и наука съ ея примѣненіями, все это великое зданіе человѣчества зиждется другими, растетъ и возвышается, и стоитъ разукрашеннымъ, нерукотворнымъ храмомъ Божіимъ, ведя къ великой цѣли человѣчества, усовершенствованію себя во славу Божію.

Не знаю, усовершенствовали ль себя иноки почаевскіе, когда изъ бѣдной, маленькой церкви ихъ скита стала развиваться богатая обитель; но во славу Божію не мало старалась Анна Гойская, обогатившая монастырь матеріальными дарами лѣсовъ и земель и духовнымъ сокровищемъ чудотворной иконы Божіей Матери, которая уже три столѣтія привлекаетъ пилигримовъ и источаетъ исцѣленіе больнымъ, хромымъ, слѣпымъ и страждущимъ. Анна Гойская принесла въ даръ монастырю и пособіе къ умственному развитію, учредивъ *типографію*, которая по нынѣ (усовершенствованная конечно) печатаетъ тамъ. Спустя около столѣтія, другая русская женщина, Ева Томашевская, своимъ рвеніемъ и вліяніемъ на мужа своего Өеодора, еще болѣе расширила монастырскія

зданія, выстроила Троицкую церковь на самой скалѣ, гд
стопа Божіей Матери, и упрочила матеріально обитель.

Портреты во весь ростъ этихъ двухъ строительницъ Поча евской лавры стоятъ въ кельѣ намѣстника. Анна Гойска (во второй половинѣ XVI вѣка), въ чинномъ нарядѣ и в чинной позѣ портретовъ того времени, стоитъ исхудалая блѣдная, съ большими угловатыми чертами лица, смотрит безъ оживленія, безъ выраженія въ глазахъ, совершенно за падною панною, хотя была ревностной православной и, слѣ довательно, по особому складу жизни того края, русской. Мо жетъ быть, просто живописецъ не умѣлъ выразить жизни н своемъ холстѣ; не вѣрится, чтобы Анна Гойская была така и всматриваешься пристальнѣе, и ищешь чего нибудь живаг въ этихъ неподвижныхъ чертахъ. Наконецъ доискиваешьс до чего-то похожаго на грусть, и задаешь себѣ вопросъ: „чт бы это значило?“ О мужѣ Анны Гойской не упоминается в дарственныхъ записяхъ ея,—ея наслѣдники не носили ея име ни и не были православными. Или она рано овдовѣла? Ил не было у нея сына? Или она пережила его, и съ нимъ сх ронила все, что прежде оживляло этотъ холодный, равнодуш ный взоръ? И вотъ, глядя на изнуренныя черты и на этот оттѣнокъ печали, начинаешь возсоздавать другое изображен Анны Гойской, съ цѣлой, никому неизвѣстной, исторіей жиз ея, жизни тяжелыхъ испытаній, гнетущаго одиночества и этог часто встрѣчаемаго, повторенія древней басньи Мидаса, с пыткою неутоленной жажды и грызущаго глада душевнаг среди грудъ золота и матеріальнаго богатства. И вотъ, к этой грустной и одинокой вдовѣ, къ этой тоскующей матер пріѣзжаютъ за подаяніемъ далекіе странники съ разоренны поруганныхъ святыхъ мѣстъ, съ того священнаго восто откуда получили мы и чаяніе въ воскресеніе мертвыхъ, терпѣніе на подвигъ—*безъ нихъ, за нихъ*, и обѣщаніе побѣ надъ собою и своимъ строптивымъ сердцемъ, когда претерпи до конца.

Прошло около столѣтія послѣ паденія Константинопо Вся греческая имперія и Палестина въ рукахъ невѣрныхъ, Церковь парьградская въ плѣну,—и она, великолѣпная восп емница отъ купѣли нашей Церкви, она, которой блескъ и сла

озарили и побѣдили гордое язычество Владиміра,—она шлетъ къ намъ, смиренными просителями милостыни, своихъ іерарховъ и учителей; шлетъ ихъ къ намъ, недавно очнувшимся отъ мертвящаго гнета татарскаго, къ намъ, окруженнымъ сѣтями латинства и уже колеблющимися между обольщеніями западной гражданственности и вѣрностью многострадальному, бѣдному, грубому народу своему, окрѣпшему въ трудахъ и борьбѣ, готовому вступить на новое, неизвѣданное поприще, но ревниво хранящему драгоцѣнный кладъ отцовской вѣры.

Анна Гойская, ревностная православная, среди родственниковъ кальвинистовъ и латинянъ, съ благоговѣйной радостью приняла греческаго митрополита Неофита, путешествующаго по Россіи для сбора подаяній, для испрошенія защиты, для назиданія и укрѣпленія въ вѣрѣ русскихъ людей, и, въ знакъ благодарности за гостепріимство, святитель греческій благословилъ Анну иконой Божіей Матери. Ни Анна, ни митрополитъ Неофитъ, не знали тогда, какой драгоцѣнный даръ оставилъ онъ въ этомъ домѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ: *страннолюбія не забывайте, тѣмъ бо, не вѣдяще, нѣцыи страннопріяша Ангелы* (Евр. 13, 2).

И точно этотъ образъ былъ Ангеломъ—посланцемъ Божіимъ въ домъ Анны Гойской и во всю страну. Сновидѣнія и исцѣленія, вслѣдствіе сновъ объ этой иконѣ, стали повторяться, и наконецъ родной братъ Анны, Филиппъ Козинскій, слѣпой съ дѣтства, прозрѣлъ послѣ молитвы передъ этой иконой. Смиренная душа Анны смутилась отъ славы столь великихъ знаменій чудотворной силы Господней, и, не считая себя достойной сохранять подъ кровомъ своимъ такую святыню, благоговѣйно передала ее въ убогую тогда пустынь Почаевскую, куда ходила молиться на горѣ у *слѣда* или *стопы*, оставленной на скалѣ Божіей Матерью, когда посѣтила Она эту избранную гору въ огненномъ столпѣ, какъ древле самъ Господь посѣтилъ Моисея въ неопалимой купинѣ.

Таково сказаніе про икону почаевскую. Это было при королѣ польскомъ, великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ Августѣ, послѣднемъ природномъ литовско-русскомъ королѣ въ Польшѣ, въ самую блестящую пору царствованія Іоанна Грознаго, въ самомъ разгарѣ свѣтлой дѣятельности Константина

Острожскаго, за нѣсколько лѣтъ до люблинской уніи, положившей начало всѣмъ бѣдствіямъ религіозныхъ и національныхъ распрей западной Россіи, а впослѣдствіи, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, возвратившей единство отечеству, прошедшему черезъ огненное горнило почти невыносимыхъ испытаній. Не будь политической люблинской уніи, укрѣпившей какъ бы крѣпостнымъ правомъ—русскихъ за поляками,—не будь церковной уніи, предавшей мечу и пламени всѣхъ русскихъ, вѣрныхъ православію, не будь этихъ безумныхъ усилій истребить Русь, сдѣлавъ изъ церкви и религіозныхъ вѣрованій знамя политическое и народное, не будь всѣхъ этихъ дикихъ насилій, быть можетъ и по нынѣ западная Русь съ Литвой и Польшей держались бы какой-то распадающейся конфедераціи, какъ Германія или Австрія, и Россія распалась бы на двое. Ошибки враговъ спасаютъ ихъ противниковъ, такъ точно, какъ ошибки свои—губятъ народы и царства.

Всѣ ошибки поляковъ кончились на благо намъ; но долго пришлось бороться западной Руси съ этими роковыми ошибками ея правителей, пока не выработалось въ ней ясное сознаніе истинной силы политической, силы единства.

Лавра почаевская много выстрадала отъ набѣговъ татаръ и турокъ, отъ разграбленія протестантовъ, отъ соблазновъ и искушеній поляковъ; однако пять сотъ лѣтъ оставалась она вѣрна православію, и только въ началѣ XVIII вѣка, неизвѣстно въ какой именно годъ, очутилась въ уніи—просто назначеніемъ, кажется, игумена базиліана, на мѣсто умершаго православнаго и изгнаніемъ или совращеніемъ иноковъ. Сама унія, для русскаго западнаго края, была послѣдняя отчаянная попытка борьбы съ чуждою народностію и преобладающимъ чуждымъ вѣроисповѣданіемъ. Сохраняя родной языкъ въ богослуженіи и причащеніе подъ обоими видами, русскіе уніяты думали удержать и вѣру и народность, и признавать только епархіальную власть папы, какъ признавали ее вообще до раздѣленія церквей. Но все таки это была сдѣлка съ совѣстью и не могла принести съ собою благословенія Божія. На такую сдѣлку видно рѣшилась лавра, и въ ея теперешнемъ видѣ она выстроена въ концѣ XVIII столѣтія графомъ Николаемъ Потоцкимъ, старостой каневскимъ, во свидѣтельство его раскаянія въ разгуль-

ной и своевольной жизни своей (говоритъ путеводитель по лаврѣ). „Случаемъ же къ его обращенію и раскаянію было слѣдующее событіе: по народному преданію, Потоцкій увлекался самоуправіемъ до высочайшей степени. Предаваясь самымъ уродливымъ причудамъ, онъ по одной прихоти умерщвлялъ своихъ крестьянъ, и самое пріятное удовольствіе находилъ въ преслѣдованіи жидовъ, которыхъ онъ стрѣлялъ какъ дичь. Однажды, въ разгарѣ такого своеволія, ѣдучи въ коляскѣ по ровной дорогѣ, онъ былъ вдругъ опрокинутъ на полѣ, въ виду почаевской обители: лошади съ коляской помчались, а упавшій съ козелъ кучеръ остался съ нимъ на мѣстѣ. Взбѣшенный оплошностью кучера, Потоцкій выхватилъ изъ за-пояса пистолетъ и, съ словами: „умри, злодѣй!“ опустилъ курокъ у груди его. Кучеръ, при видѣ неизбѣжной смерти, съ первымъ движеніемъ руки Потоцкаго обратившись къ почаевской обители, воскликнулъ: „Матерь Божія, сіяющая чудесами въ почаевской иконѣ, спаси меня!“ и пистолетъ осѣкся. Трижды Потоцкій наводилъ на кучера пистолетъ, трижды кучеръ взывалъ о спасеніи своемъ къ Богоматери, и трижды смертоносное орудіе оказалось недѣйствительнымъ въ рукахъ Потоцкаго, который, обладая всегда самымъ исправнымъ оружіемъ, никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Не возможно было не видѣть чуда въ спасеніи кучера отъ очевидной смерти. Пораженный столь явнымъ заступленіемъ Богоматери, по усмиреніи лошадей людьми, случившимися на дородѣ, Потоцкій простилъ кучера, приказалъ ему ѣхать въ почаевскую обитель, и тогда же поселился при ней, и болѣе не оставлялъ ее до самой кончины своей. И надобно признаться, что пребываніе его въ почаевской обители было для нея весьма полезно: онъ неутомимо и ревностно старался о возведеніи предпринятой имъ постройки церкви и братскаго корпуса въ наилучшемъ видѣ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Зданіе дѣйствительно великолѣпно, но главная прелесть его все таки состоитъ въ мѣстности. Съ широкой каменной терассы, обведенной чугунной рѣшеткой, вы смотрите прямо въ глубокій оврагъ, весь обросшій зеленью каштановъ и волошскихъ орѣховъ, и если сойдете на дорогу у подошвы этого оврага—монастырь всѣмъ своимъ фасадомъ передъ вами, точно виситъ на воздухѣ. Выходя изъ церкви на

эту терассу, вы видите нескончаемое пространство густой, волнистой зелени, окаймленной синевой далекой цѣпи горъ, и на ней вырѣзается ярко гора—близнецъ почаевскій, съ такой же бѣлой двухъ-башенной церковью, уже за нашей границей: это подкаменный монастырь въ Галиціи. Судьба его и рознится и сходствуетъ съ Почаевомъ. Бывшій базиліанскій во время борьбы галицкой Руси за народность и за вѣру, онъ обращенъ уже въ чисто римско-католическій, отнятъ у русскихъ и переданъ совершенно въ польскія руки. Такъ и Почаевъ былъ отнятъ у русскихъ православныхъ и отданъ въ руки полякующихъ уніатовъ; но въ 1832 году возвращенъ православію. Тутъ опять намъ помогли враги наши, и, своими волненіями на Волыни и на границѣ во время польской компаніи 31-го года, заставили государя Николая Павловича взять въ руки и отдать на храненіе русской церкви этотъ передовой постъ уже черезъ чуръ воинствующей и воинственной церкви римской. И по чувству, и по природѣ, и по размышленію, мнѣ противны всякая вѣроисповѣдная вражда, всякія стѣсненія совѣсти религіозной; такія преслѣдованія вѣры столько же гнусны, сколько неразумны, — столько же возмутительны, сколько безполезны. Но въ данныхъ обстоятельствахъ, когда вѣроисповѣданіе, вслѣдствіе долгой исторической борьбы, дѣлается уже не религіей, а знаменемъ національности, нельзя довѣрять тѣмъ, которые держатъ это знамя, нельзя предоставлять имъ тѣ политическія точки, гдѣ измѣна опасна, гдѣ предательство наноситъ гибель на тысячи и тысячи невинныхъ людей, въ ихъ родномъ краѣ, подъ державою ихъ роднаго государя. Унія же была всегда шаткая, искусственная сдѣлка, гораздо болѣе политическая, нежели религіозная, и должна была рано или поздно перешагнуть черезъ неясную черту, проведенную между двумя церквами, и идти впередъ къ окончательному сліянію съ чуждой, недолюбливаемой стихіей, или воротиться къ старому—на лоно древней церкви и могущественнаго народа *своего;* правительству нужно было только помочь движенію. Водруженіе хоругви русской, на галицкой границѣ, возвращеніемъ почаевской лавры въ руки русскихъ людей—было первое, открытое, честное заявленіе покровительства дѣлу Россіи въ пограничномъ, долго отторгнутомъ отъ нея краѣ, на который и по сей день поляки

не оставили своихъ притязаній. Неумолимая логика исторіи взяла свое, и *возьметъ* свое, думала я, глядя на подкаменный монастырь; эта граница не естественна, и наши внуки пойдутъ крестнымъ ходомъ изъ Почаева въ Подкаменный, и изъ Подкаменнаго въ Почаевъ. Мнѣ это будущее кажется такъ вѣрно и несомнѣнно, что и задумываться нечего о немъ..

Въ оврагѣ, съ другой стороны братскихъ келлій, преданіе говоритъ, что сады посажены и пруды выкопаны руками преподобнаго Іова, одного изъ сподвижниковъ князя Константина Острожскаго въ борьбѣ за народность русскую и православіе, борьбѣ, которой, впрочемъ, онъ способствовалъ примѣромъ своей святой, смиренной жизни и благоустройствомъ монастырей, гдѣ онъ былъ игуменомъ, а не какими громкими или блестящими подвигами. Съ малолѣтства предавшись всей душей любви къ Богу и пустынножительству, онъ на 12-мъ году уже былъ пострижень, и ребенокъ-монахъ служилъ примѣромъ инокамъ своей подвижнической жизнью. 20 лѣтъ онъ былъ игуменомъ въ Кростовоздвиженской пустынѣ въ Дубнѣ, по просьбѣ князя Острожскаго; но слава его святости стала привлекать къ нему столько поклонниковъ изъ окрестныхъ странъ, что избѣгая почестей и славы, онъ тайно ушелъ въ почаевскую гору на покой; но тамъ былъ избранъ игуменомъ, и тамъ же преставился въ глубокой старости. Ему было болѣе ста лѣтъ отъ рожденія, и память его чтилась и чтится по нынѣ ревностно во всемъ околодкѣ; къ его мощамъ въ пещерѣ, въ которую часто удалялся при жизни, множество вѣрующихъ притекаютъ за исцѣленіемъ. Житіе его трогательно своей простотою. „Онъ работалъ весь день, и по ночамъ молился; онъ былъ весьма братолюбивъ, кротокъ, милосердъ и такъ молчаливъ, что трудно было слышать другое что отъ него, кромѣ молитвы: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя!“—произносимой имъ при каждомъ дѣлѣ.“

Однако внутренняя святость этого смиреннаго, молчаливаго старца просвѣчивала въ немъ и при жизни чудотворной силой исцѣленій, утѣшенія и защиты прибѣгающихъ къ нему, а по смерти онъ сдѣлался ходатаемъ у Бога за обитель и предсталъ явственно съ Божіей Матерью надъ Троицкою церковью во время осады монастыря турками, въ збаражскую войну, когда,

кромѣ его молитвъ и заступленія Матери Божіей, обитель не имѣла никакихъ средствъ къ защитѣ, однако дала отпоръ дикимъ полчищамъ турокъ и татаръ.

Величественная соборная церковь (Успенія), въ которую взошла и церковь св. Троицы Евы Томашевской, выстроенная надъ стопою Божіей Матери, еще во многомъ носитъ характеръ латинскій, но великолѣпный, высокій иконостасъ своею красотою, совершенно русскою, уже присвоилъ православію внѣшній видъ до-алтарной части (солеи). Смѣло, но вмѣстѣ правильно, какъбы спокойно—не съ дерзостью, а съ дерзновеніемъ къ милостивому Богу—подымаются ярусы его иконъ, съ этимъ живописнымъ ученіемъ евангельскимъ, которое *рисуютъ* повѣствованіе и проповѣдь Христова въ нашихъ церквахъ, для безграмотности темныхъ людей и для разсѣяннаго вниманія грамотныхъ.—Надобно видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и любовью и братія и прислуга говорятъ вамъ: „этотъ иконостасъ пожалованъ обители самимъ государемъ,“ и начинаютъ вспоминать Его посѣщеніе и благочестивую, искреннюю молитву передъ св. иконою ихъ.

Въ монастырской оградѣ есть еще небольшая терасса, у деревяннаго флигеля для гостей преосвященнаго, въ которомъ онъ отвелъ намъ помѣщеніе.—Съ этой терассы окрестности не видать—отъ нея спускъ ведетъ къ фруктовымъ садамъ по скату овражка, и только извилистыя тропинки мелькаютъ въ дебряхъ и лугахъ. Здѣсь ничто не нарушаетъ покоя и тишины созерцанія, взоры такъ и утопаютъ въ этой зеленой безднѣ пастбищъ и деревьевъ, въ этой южной синевѣ неба, въ этой пустынной дали безконечныхъ горъ и лѣсовъ. Такъ становилось мнѣ мирно, такъ отдыхала я сердцемъ тутъ, сидя по цѣлымъ часамъ въ какомъ-то душевномъ затишьи и забытьи, что будь это обитель женская, я кажется не уѣхала бы изъ нея никогда! И въ самомъ дѣлѣ, чего желаютъ на старости лѣтъ—послѣ длиннаго, уже пройденнаго жизненнаго пути, какъ только покою...

. . . . покою,
Котораго нельзя купить,
Ни багряницей замѣнить!

Такое же чувство мира и спокойствія вселяетъ бесѣда съ

преосвященнымъ Агаѳангелломъ, архіереемъ волынскимъ. Его радушное гостепріимство, его умная, оживленная вмѣстѣ и тихая рѣчь, его сочувствіе всякому посильному подвигу и забота о духовномъ состояніи волынской паствы, даже симпатичный, болѣзненный видъ, все внушаетъ къ нему глубокое и, такъ сказать, благодарное почтеніе и желаніе заслужить его одобреніе и сочувствіе. Поговоривъ съ нимъ о нашемъ дѣлѣ, испросивъ его совѣта и благословенія, стало мнѣ легче на душѣ; а его отеческія наставленія и поощренія тронули меня до глубины сердца.

Съ такимъ пастыремъ — наставникомъ, заботы облегчаются и затрудненія не пугаютъ, и упованіе на помощь Божію утверждается и крѣпнетъ въ насъ! Дай Богъ, чтобы достало силы и здоровья владыкѣ на исполненіе его благотворныхъ намѣреній, на неизмѣнное стараніе о Богомъ ввѣренной ему паствѣ!—Каково же было съ его слабымъ здоровьемъ и необходимостью въ отдохновеніи, когда въ эту самую ночь звуки шумнаго оркестра съ флейтами, бубнами, тарелками, разбудили его въ полночь и до утра проиграли всѣ возможные марши изъ Гитаны, Нормы, Лоэнгрюнъ и проч., подъ самыми окошками его спальни! Это начинался рядъ отлушительныхъ музыкальныхъ обрядовъ жидовскихъ свадебъ, которыя здѣсь бываютъ около середины лѣта, и эти концерты возобновлялись съ неумолкаемымъ трескомъ и шумомъ всякую ночь, не смотря даже на вмѣшательство полиціи; такъ сильны здѣсь евреи, облѣпившіе снаружи всю ограду монастырскую своими грязными лавками и хатами! Императоръ Николай Павловичъ выручилъ Почаевъ изъ рукъ поляковъ, но достаточна ли власть, чтобы выручить его изъ рукъ евреевъ?

Мы же черезъ два дня воротились домой, благодаря и славя Бога за все видѣнное и слышанное нами, за столько поощрительнаго и утѣшительнаго, и, подъ кровомъ Божіей Матери, осѣняемыя благословеніемъ преосвященнаго, пойдемъ мы *въ путь нашъ радуяся*, зная, что наше дѣло только сѣять,—а жать будетъ дано инымъ.

(Вил. Вѣст.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ «ВЕЧЕРНЕЙ ГАЗЕТЫ» СУЖДЕНІЙ О ЗАПАДНОЙ РОССІИ И О ПОЛЯКАХЪ.

I.

Отечественной печати не мѣшаетъ время отъ времени останавливать вниманіе общества на *окраинахъ* Россіи, чтобы знакомить читателей съ тѣмъ, что тамъ дѣлается, и на какой степени развитія стоитъ въ данную минуту такъ называемое *обрусеніе*. Служа орудіемъ общественнаго мнѣнія, печать своимъ вниманіемъ къ современнымъ государственнымъ и народнымъ русскимъ интересамъ на окраинахъ можетъ ободрить тамошнихъ дѣятелей и не дать имъ погрузиться въ лѣнь и безучастіе къ порученнымъ имъ пользамъ русской народности. Въ настоящемъ нумерѣ читатели найдутъ письмо изъ Кіева отъ нашего *новаго*, взявшагося быть *постояннымъ*, корреспондента, который описываетъ современное положеніе вопроса объ обрусеніи югозападнаго края. Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, даютъ знать, въ какомъ состояніи покойный генералъ-губернаторъ Безакъ оставилъ дѣло усиленія русской народности въ этомъ краѣ,—дѣло, которому онъ служилъ до конца своей жизни такъ искренно и такъ усердно,—и въ какомъ найдетъ это дѣло вновь назначенный начальникъ края.

О русскомъ дѣлѣ въ югозападномъ краѣ постоянно, получались пріятныя извѣстія. Но, несмотря на постоянныя пріятныя извѣстія о югозападномъ краѣ, если бы кто нибудь считалъ, что здѣсь русская народность вполнѣ восторжествовала надъ враждебными ей началами или близка къ полному торжеству, тотъ питалъ бы прямое заблужденіе, и притомъ какъ нельзя болѣе вредное для русскаго дѣла. Въ этомъ случаѣ многое еще остается сдѣлать к

главнымъ, и подчиненнымъ русскимъ дѣятелямъ въ югозападномъ краѣ.

Корреспондентъ нашъ находитъ много затрудненій, которыя придется переодолѣть здѣсь великому дѣлу обрусенія на пути къ своему торжеству. И прежде всего онъ замѣчаетъ, что въ юго-западномъ краѣ имѣнія покупаются крупными русскими капиталистами, которые сами не живутъ въ нихъ и не управляютъ ими, и которые большею частію оставляютъ въ нихъ прежнюю еврейско-польскую администрацію, такъ что крестьянское сословіе по прежнему имѣетъ непосредственныя отношенія къ тѣмъ же полякамъ, которые смотрятъ на него, какъ на «быдло» и къ тѣмъ же евреямъ. Затѣмъ фермы, которыя правительство раздаетъ чиновникамъ въ видѣ награды и для увеличенія числа русскихъ землевладѣльцевъ, тоже мало приносятъ еще пользы русскому дѣлу, потому что чиновники эти живутъ большею частію, въ городахъ, состоятъ на службѣ, а имѣнія свои отдаютъ въ аренду. Кромѣ того, приливъ русскихъ покупателей на имѣнія, весьма значительный въ прошломъ году, значительно теперь уменьшился въ слѣдствіе того, что многіе покупатели тогда, азартно конкурируя другъ съ другомъ, заплатили слишкомъ высокія цѣны и отбили охоту у другихъ. Евреи, у которыхъ заложены имѣнія поляками, и которые не имѣютъ права сами пріобрѣтать имѣній, по соглашенію съ своими должниками, взяли эти имѣнія въ долгосрочныя аренды, и въ слѣдствіе этого количество предъявляемыхъ къ продажѣ имѣній далеко не такъ велико, какъ можно было бы ожидать, судя по тому, что большая часть имѣній заложена панами во время послѣдняго возстанія. Наконецъ, послѣднимъ препятствіемъ приливу русскихъ землевладѣльцевъ въ край, по мнѣнію корреспондента, служитъ то, что крестьянское дѣло здѣсь еще не окончено, хотя оно и близко къ концу.

Такимъ образомъ и послѣ генерала Везака, послѣ его честнаго и усерднаго служенія великому дѣлу обрусенія юго-западнаго края, многое еще остается частію довершить, частію направить на настоящій путь его преемнику, и можно теперь пожелать, чтобы въ существенномъ характерѣ управленія не измѣнился. Вотъ что писано годъ слишкомъ назадъ о положеніи русскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ однимъ высоко-поставленнымъ лицемъ, при томъ весьма близко изучившимъ край: «Рѣшительныя мѣры, при-

нятыя правительствомъ въ последние четыре года къ обрусению западнаго края и еще ожидаемыя къ исполнению, если будутъ ведены съ должною настойчивостію, безъ сомнѣнія, со временемъ доставятъ хорошіе результаты. Но, замѣнивъ значительное число польскихъ помѣщиковъ русскими, мы только обрусимъ верхній слой общества: огромное же число оффиціалистовъ, необходимыхъ для хозяйства каждаго имѣнія, не только у польскихъ землевладѣльцевъ, но также у русскихъ, останутся поляки, потому что негдѣ взять русскихъ людей, которые бы съ нѣкоторымъ образованіемъ соединяли знаніе мѣстнаго народа и сельскаго хозяйства. Такое же затрудненіе встрѣчается въ замѣнѣ въ присутственныхъ мѣстахъ канцелярскихъ чиновниковъ русскими,— лишь самая крайняя необходимость заставляетъ удерживать въ нихъ поляковъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Конечно, правительство употребитъ всѣ мѣры, чтобы русскій элементъ преобладалъ въ школахъ; но, къ сожалѣнію, долговременный опытъ доказалъ, что по выходѣ изъ школъ молодые люди польскаго происхожденія бросаютъ русскую граматику въ уголъ и остаются все тѣми же поляками и рьяными католиками. До сихъ поръ даже чиновники изъ великороссійскихъ губерній, поживши въ средѣ огромной массы польской шляхты, если не сами лично, то во второмъ поколѣніи забываютъ русское слово. Гдѣ же взять столько русскихъ людей, чтобы они наполнили школы въ югозападномъ краѣ, возмѣстили недостатокъ русскаго чиновнаго міра, сколько нибудь замѣнили собою польскихъ оффиціалистовъ и предохранили русскія имѣнія отъ ополяченія? Гдѣ взять русское среднее сословіе, которое такъ необходимо для отправленій всего организма русской жизни?»

На эти вопросы, великой важности и обнимающее положеніе дѣлъ въ югозападномъ краѣ болѣе полно, чѣмъ какъ касается этого нашъ кіевскій корреспондентъ, авторъ записки, изъ которой мы привели выдержку, отвѣчаетъ слѣдующими вполнѣ основательными соображеніями: «Можно бы для образованія русскаго средняго у насъ сословія возстановить прежнее состояніе русское мѣщанство, выдвинувъ его въ центры городовъ изъ предмѣстій, куда оно вытѣснено евреями при содѣйствіи поляковъ, предоставивъ ему въ торговлѣ и промышленности особыя преимущества. Можно бы пособить и переходу крестьянъ въ малолюдныя городскія сословія, облегчивъ для нихъ способы образованія. Но плодовъ

отъ этого придется ждать еще долго. Между тѣмъ у насъ есть классъ русскихъ людей, способныхъ избыткомъ своимъ значительно исполнить недостатокъ средняго сословія въ югозападномъ краѣ. У насъ есть сословіе сплошно-русское, безъ всякой посторонней примѣси въ своемъ племени, *въ массѣ своей едва ли не болѣе прочихъ сословій образованное и притомъ вполнѣ знакомое съ сельскимъ хозяйствомъ,*—сословіе, многочисленное и даже затрудняющее правительство избыткомъ лицъ, но запертое само въ себѣ и прикрѣпленное къ особой службѣ, которая не нуждается ни въ этомъ прикрѣпленіи, ни въ такомъ множествѣ лицъ служащихъ и неслужащихъ, а только въ ней числящихся и для нея спеціально воспитывающихся. Это наше православное духовенство. Въ Англіи, въ протестантской Германіи и въ единоплеменной намъ Галиціи дѣти духовенства, получившія образованіе, служатъ не только церкви, но и государству. Для сего свободно они избираютъ и мѣсто образованія, и тотъ или другой родъ службы, наравнѣ съ дѣтьми прочихъ соотечественниковъ... Изъ нихъ выходятъ художники, ученые, литераторы, техники, чиновники, торговцы и государственные люди, тогда какъ у насъ, за весьма немногими исключеніями, семинаристы, не получившіе священническихъ мѣстъ, могутъ быть только дьячками и пономарями, или же падаютъ жертвами нужды и бѣдности, а по временамъ, за излишествомъ, поголовно были отдаваемы въ военную службу, наравнѣ съ прочими крестьянами и бродягами. По чему же и въ нашемъ отечествѣ, а особенно въ юго-западномъ краѣ, не ввести въ общую жизнь дѣтей духовныхъ лицъ, оставивши въ сторонѣ случайно образовавшійся у насъ *левитизмъ*. Если гдѣ, то преимущественно въ югозападномъ краѣ это было бы весьма полезною государственною мѣрою въ интерессѣ усиленія руской народности, или, что то же, въ видахъ *обрусенія* края. Мы сѣтуемъ на преобладаніе полонизма и католицизма въ составѣ юношества, воспитывающагося въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія; между тѣмъ рядомъ съ этими заведеніями у насъ стоятъ болѣе многолюдныя духовно-учебныя заведенія, съ сплошно-православнымъ составомъ воспитанниковъ, приготовляемыхъ для духовной службы, которая вовсе не нуждается въ столь огромномъ числѣ кандидатовъ. Такъ, наприм., въ двухъ кіевскихъ гимназіяхъ съ подвѣдомственными училищами въ 1865 году числилось 1.037 уча-

щихся, изъ которыхъ треть католиковъ-поляковъ, въ кіевской духовной семинаріи съ подвѣдомственными ей нисшими училищами въ томъ же году было 1,644 воспитанниковъ, въ томъ числѣ ни одного неправославнаго; въ той же семинаріи выпускъ оканчивающихъ курсъ простирается до 160 воспитанниковъ, тогда какъ праздныхъ священническихъ вакансій въ кіевской епархіи въ годъ бываетъ не болѣе 35, въ два 70-ти. Куда же дѣваются остальные духовные воспитанники? Опредѣляются въ учители церковно-приходскихъ школъ съ жалованьемъ отъ 40 до 100 рублей, или же остаются безъ опредѣленныхъ занятій въ ожиданіи священнической вакансіи, и немногимъ лишь представляется благопріятный случай поступить въ гражданскую службу. Большинство не окончившихъ курса семинаріи поступаетъ въ дьячки и пономари, или же, за неимѣніемъ и таковыхъ вакансій, прислуживаетъ отцамъ и родственникамъ въ сельскомъ хозяйствѣ.»

«Если бы, продолжаетъ авторъ записки, духовныя училища ограничились числомъ воспитанниковъ, соотвѣтственнымъ числу открывающихся въ епархіи вакансій, тогда всѣ остальные учащіеся въ духовныхъ заведеніяхъ воспитанники поступали бы въ гимназіи и нисшія училища министерства народнаго просвѣщенія и своимъ приливомъ дали бы рѣшительный перевѣсъ русскому элементу надъ польско-католическимъ. Тогда гимназіи юго-западнаго края получили бы совсѣмъ другую физіономію; онѣ сдѣлались бы русскими, а не полупольскими, между тѣмъ какъ теперь нѣкоторыя изъ нихъ болѣе польскія, чѣмъ русскія учебныя заведенія. Что признается полезнымъ сдѣлать въ менѣе ополяченной Кіевской губерніи, то составляетъ неотложную необходимость въ губерніяхъ Подольской и Волынской, гдѣ число русскихъ воспитанниковъ гимназій составляетъ едва не пятую часть, сравнительно съ числомъ воспитанниковъ-поляковъ. Перевѣсъ русскаго православнаго элемента въ среднихъ и нисшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народн. просв. не можетъ не перейдти и въ кіевскій университетъ и сдѣлаетъ, надобно полагать, его болѣе русскимъ, чѣмъ каковъ онъ нынѣ, безъ правительственныхъ репрессивныхъ мѣръ относительно польской народности. Вскорѣ этотъ перевѣсъ не умедлитъ отозваться въ составѣ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій югозападнаго края. Онъ ощутится также въ классѣ лицъ, занимающихся частною службою въ помѣщичьихъ экономіяхъ, заводскихъ

конторахъ и т. п. Ибо то у насъ канцелярскіе и не канцелярскіе чиновники? Это воспитанники университетовъ и гимназій, окончившіе и неокончившіе курса наукъ. Семинаристы съ трудомъ проникаютъ въ среду ихъ. Кто у насъ экономическіе офиціалисты, конторщики, аптекарскіе ученики? Это неокончившія курса въ гимназіи и уѣздныхъ училищахъ дѣти поляковъ-офиціалистовъ, пользующіяся правами дворянства внѣ государственной службы, съ дѣтства ознакомленныя съ сельскимъ хозяйствомъ, но не болѣе и даже менѣе того, на сколько его знаютъ дѣти сельскихъ священниковъ (а особенно причетниковъ), которыя возрасли среди сельскаго населенія и по бѣдности, во время вакаціальныхъ отпусковъ, принимаютъ личное участіе въ земледѣльческихъ трудахъ.»

Что же, спрашиваетъ авторъ, препятствуетъ употребить въ дѣло готовый православно-русскій элементъ, безцвѣтно прозябающій въ югозападномъ краѣ? Что мѣшаетъ вызвать наше духовенство на то поприще борьбы за возстановленіе русской народности, на которомъ такъ мужественно ратуетъ теперь въ Галиціи русское уніатское духовенство въ литературѣ, обществѣ, въ школѣ и на правительственныхъ сеймахъ? Главнымъ и единственнымъ къ этому препятствіемъ служитъ у насъ сословность или яснѣе сословная замкнутость духовенства, прикрѣпленіе къ духовной службѣ всѣхъ священно и церковно-служительскихъ дѣтей... и потомъ то, что выходъ изъ духовенства въ другія сословія крайне затрудненъ узаконеніями... Такое положеніе духовенства, бѣдственное во всей Россіи, представляется крайне не нормальнымъ и противнымъ пользамъ государства, преимущественно въ югозападномъ краѣ, въ виду правъ и привиллегій, усвоенныхъ польскому шляхетству. Между тѣмъ какъ заграждены всѣ доступы къ общественной службѣ и дѣятельности дѣтямъ тѣхъ лицъ, которыя одни устояли здѣсь въ вѣковой борьбѣ за русскую народность и спасли ее, огромная масса окатоличенной и ополяченной шляхты наполняетъ гражданскія и военно-учебныя заведенія, пользующіяся щедро средствами правительства и безспорно въ пять разъ болѣе обезпеченныя на счетъ правительства, чѣмъ православныя духовно-учебныя заведенія. Между тѣмъ какъ дѣтямъ священнослужителей затрудненъ, а дѣтямъ церковнослужителей вовсе закрытъ доступъ въ общественной службѣ и дѣятельности, польская шляхта, за которою правительствомъ признано право нобилитаціи, съ дѣтства пропитанная враждою къ рус-

скому правительству и русской народности, доселѣ имѣла возмож
ность опредѣляться во всѣ роды службы, и, пользуясь этимъ пра
вомъ, а также даровымъ образованіемъ въ лучшихъ нашихъ учеб
ныхъ заведеніяхъ, наполняла собою всѣ роды службы, устраня
отъ нея весьма многочисленный въ краѣ классъ русскихъ людей
Между тѣмъ какъ большая часть священническихъ дѣтей обречен
мести и чистить церковный дворъ, или звонить въ колокола, ил
за излишествомъ причисляться къ податнымъ сословіямъ, а періо
дически подлежать и поголовной отдачѣ въ военную службу, т
же шляхта, тѣснившая православную церковь и полонизировавша
край, можетъ служить и не служить, не теряя правъ свободнаг
сословія, заниматься торговлею, промыслами, вступать въ экономи
ческія и коммерческія должности, парализируя вездѣ приливъ рус
скихъ силъ. Мы жалуемся на недостатокъ русскихъ людей въ рус
скомъ краѣ, а не пользуемся сплошнымъ, грамотнымъ русскимъ со
словіемъ—духовнымъ. Мы обвиняемъ бывшее польское прави
тельство въ томъ, что оно издавало законы о закрѣпощеніи дѣ
тей православныхъ священниковъ, а между тѣмъ не закрѣпости
ли ли и мы ихъ, прикрѣпивши къ одному роду церковной служ
бы, которая не имѣетъ нужды въ такомъ множествѣ лицъ? Дѣ
ти нисшихъ воинскихъ чиновъ давно уже освобождены отъ при
крѣпленія къ своей службѣ, какъ неполезнаго для службы и отя
готительнаго для родителей. Совершилось освобожденіе от
«крѣпости» сословія крестьянскаго. Не пора ли, для пользы рус
скаго края и русскаго въ немъ дѣла, снять уже крѣпость и с
духовнаго сословія, хотя въ югозападномъ краѣ, по крайней мѣ
рѣ, для того, чтобы не отстранять отъ себя тѣхъ русскихъ сил
какія имѣются подъ рукою въ семействахъ православнаго духо
венства, чтобы не убивать эти силы и не заставлять ихъ глох
нуть непроизводительно для государства и къ отягощенію само
церкви православной?»

Изъ приведенныхъ нами выдержекъ читатель можетъ видѣт
какъ гармонично соединены были въ авторѣ записки горячій па
тріотизмъ съ глубокимъ пониманіемъ вопроса объ обрусеніи югоза
паднаго края. Но съ удовольствіемъ можемъ замѣтить, что, как
мы извѣщали, вопросъ объ уничтоженіи замкнутости духовна
сословія, возбужденный покойнымъ генераломъ Безакомъ въ инте
ресахъ русской народности, близокъ уже къ своему рѣшенію («Ве

черняя Газета» № 286 прошлаго года и № нынѣшняго),—къ рѣшенію, которое усилитъ вообще среднее сословіе во всей Россіи, что весьма желательно, и положитъ рѣшительное преобладаніе русской народности на ея окраинахъ, чего теперь пока еще нѣтъ. Автора приведенныхъ нами разсужденій о югозападномъ краѣ въ живыхъ уже нѣтъ! тѣмъ болѣе мы обязаны смотрѣть съ уваженіемъ на эти строки, какъ на *«завѣщаніе патріота и истинно-русскаго государственнаго человѣка»*, хотя, безъ сомнѣнія, «Вѣсть» взглянетъ на нихъ иначе.

2.

Собираніе земли русской въ одно государственное цѣлое, начатое Іоанномъ III, до сихъ поръ еще не приведено къ концу. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду не жажду Россіи къ новымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, а то, теперь уже укоренившееся и ставшее яснымъ и раздѣльнымъ, сознаніе, что многія наши *окраины*, составлявшія нѣкогда русскія владѣнія и потомъ недавно вновь вступившія въ составъ родной имъ имперіи, во время присоединенія ихъ къ другимъ государствамъ, восприняли въ себя нѣкоторые чуждые русской народности элементы, и что потому, кромѣ времени, нужны теперь еще сознательныя и намѣренныя усилія къ тому, чтобы покровительствовать здѣсь усиленію сохранившихся русскихъ началъ и содѣйствовать ослабленію и вымиранію иноземныхъ. Отъ времени, конечно, многаго можно ждать относительно торжества русской народности на окраинахъ имперіи, но время поведетъ къ торжеству быстрѣе, если русское общество и правительство присоединятъ еще къ этому свое дѣятельное содѣйствіе; а для этого необходимо печати не оставлять безъ вниманія окраинъ Россіи и указывать въ нихъ стороны и обстоятельства, полезныя для русскаго дѣла и для государственнаго единства. Съ этою цѣлію въ одномъ изъ предъидущихъ нумеровъ («Веч. Газ» № 37) мы остановили вниманіе читателей на югозападномъ краѣ; теперь остановимся на холмской греко-уніятской епархіи, и въ частности на одномъ изъ элементовъ

въ ней, который при разумномъ пользованіи имъ можетъ принести пользу русскому дѣлу здѣсь.

Правильная постановка уніятско-русскаго вопроса представляется могущественнымъ орудіемъ къ утвержденію въ нашихъ западныхъ окраинахъ русскаго вліянія. Холмская Русь, долгое время служившая поприщемъ для польской пропаганды, извращенная въ своей религіи и народности, какъ извѣстно, выдѣлила изъ себя немало элементовъ для поддержанія мятежа 1863 года. Этотъ неестественный союзъ двухъ стихій, исторически непріязненныхъ, издревле руководствовавшихся противоположными цѣлями, всего краснорѣчивѣе свидѣтельствовалъ о ненормальныхъ условіяхъ, въ какія холмская Русь поставлена неблагопріятными обстоятельствами. Такимъ образомъ задача для патріотической административной дѣятельности, по отношенію къ тамошнимъ русскимъ, сама собою опредѣлилась вполнѣ рельефно. Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы возвращеніемъ холмской Руси въ ея нормальныя предѣлы, пробужденіемъ въ уніятско-русскомъ народѣ прирожденнаго ему духа количественно ослабить революціонный элементъ польщизны, враждебной намъ. Князь Черкасскій, этотъ истинно-государственный человѣкъ и проницательный патріотъ, далъ греко-уніятскому дѣлу надлежащее направленіе, и съ тѣхъ поръ, хотя не безъ колебаній и непріятныхъ случайностей, дѣло это идетъ неуклонно къ своей цѣли. Вліяніе воспитательное находится въ надежныхъ рукахъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, благодаря патріотизму и разумному такту котораго русскій языкъ начинаетъ пускать въ подростающемъ уніятскомъ юношествѣ желанные корни. Вліяніе религіозно-духовное исходитъ изъ не менѣе надежнаго источника, олицетворяемаго въ новомъ епископѣ холмскомъ, Михаилѣ Куземскомъ.

Извѣстно, что епископъ Михаилъ, снискавшій себѣ имя русскаго патріота и *народолюбца* еще въ Галиціи, прибылъ минувшимъ лѣтомъ въ свою паству въ самое неблагопріятное время, когда на Подляськи еще кипѣло раздраженіе по поводу предпринятаго очищенія уніятской церкви отъ несвойственныхъ ей польско-католическихъ наростовъ. Первымъ дѣломъ его было заступничество за тѣхъ неразумныхъ единовѣрцевъ, которые, въ порывѣ

своего усердія къ польщизнѣ, оказали буйное сопротивленіе власти и закону, за что и были арестованы. Епископъ, испросивъ имъ освобожденіе, кроткимъ отеческимъ словомъ вразумилъ заблудшихъ, раскрылъ имъ глаза касательно истинной уніятской вѣры и отпустилъ съ миромъ. Затѣмъ, въ видахъ религіозной и національной проповѣди, онъ совершилъ объѣздъ своей епархіи, гдѣ встрѣтился съ прискорбными проявленіями глубокаго ополяченія русскаго народа. Прибывъ изъ страны, гдѣ русское народное чувство сознательно развито въ самомъ простомъ и необразованномъ человѣкѣ, епископъ съ горечью убѣдился, что здѣшній русскій уніятъ даже не подозрѣваетъ о своей русской народности. Внушая народу любовь къ своему природному языку, епископъ часто выслушивалъ отъ крестьянъ прискорбные отвѣты, свидѣтельствовавшіе о пагубномъ укорененіи въ нихъ польской пропаганды. Въ одномъ мѣстечкѣ, напримѣръ, какъ пишутъ намъ, слыша отъ крестьянъ на свою русскую рѣчь польскіе отвѣты, епископъ выразился, что русскимъ людямъ стыдно и непростительно забывать свой природный языкъ, на что послѣдовала такая выходка: «Нечего намъ стыдиться, если мы говоримъ на томъ самомъ польскомъ языкѣ, на которомъ говорили отцы наши». Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ народъ также обращался къ епископу по-польски, владыка замѣтилъ: «Вѣдь вы же русскіе люди, поэтому и говорить должны по русски». На это крестьянинъ выступилъ съ слѣдующею польскою рѣчью: «Кто русинъ, пусть себѣ и говоритъ по-русски, а мы—поляки, только русскаго обряда» и т. п. Мало того, преосвященный убѣдился, что большинство уніятско-русскаго духовенства употребляетъ польскій языкъ не только въ домашнемъ быту, но и въ церкви—въ молитвахъ и проповѣди. Вмѣсто свойственнаго греко-восточному обряду пѣнія, во многихъ церквахъ играютъ еще органы, и поются рожанцы, годники и пр.

Въ слѣдствіе личнаго убѣжденія въ печальномъ положеніи паствы, преосвященный издалъ одно за другимъ извѣстныя два пастырскія посланія, безусловно исключившія польскій языкъ изъ богослуженія и требовавшія очищенія обряда отъ польскихъ примѣсей. Тогда польщизна, увидѣвъ серіозную опасность, встре-

пенулась. Заинтересованная тѣмъ, чтобы поселить недовѣріе и рознь между русскими властями и уніятскимъ епископомъ и тѣмъ парализовать его первые шаги на поприщѣ патріотической дѣятельности, клерикально-шляхетская партія стала усердно распускать слухи, будто бы русскіе совершенно разочаровались въ новомъ представителѣ уніи, такъ какъ онъ, находясь въ своей холмской паствѣ, не выказалъ ни расположенности къ «Москвѣ» ни приверженности къ схизмѣ (православію), а, напротивъ, склоненъ будто бы вести унію къ совершенному соединенію съ латинствомъ. Въ то же время, и, какъ кажется, изъ того же источника, въ простомъ уніятско-русскомъ народѣ стали распространяться толки, будто бы русское правительство рѣшительно потребовало отъ холмскаго епископа присоединенія его паствы къ православію, и что недовольный епископъ будто бы намѣренъ, оставивъ свой пастырскій постъ, возвратиться въ Галицію. На эти интриги, сшитыя бѣлыми нитками, преосвященный отвѣтилъ новымъ распоряженіемъ, запрещающимъ совершать 14 (26) ноября торжественную службу въ честь новаго святаго, знаменитаго изувѣра и гонителя русскаго народа, Іосафата Кунцевича,— и толки о ненадежности епископа съ одной стороны для русскаго дѣла, а съ другой для вѣроисповѣдной уніи въ послѣднее время стали утихать.

Такъ какъ отъ направленія дѣятельности главы уніятско-русской паствы зависитъ весьма многое, а въ понятіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ людей произошли на счетъ этой дѣятельности нѣкоторыя сомнѣнія, то не излишнимъ считаемъ сообщить, на основаніи самыхъ вѣрныхъ данныхъ, правдивыя свѣдѣнія объ образѣ убѣжденій и духовномъ направленіи этого уважаемаго дѣятеля. Преданность свою русскому дѣлу онъ ясно проявилъ своимъ подвижничествомъ на этомъ поприщѣ еще въ Галиціи. Такимъ же патріотомъ онъ дѣйствуетъ и здѣсь; только энергія его, въ виду кое-гдѣ обнаруживающагося противодѣйствія, проявляетъ еще болѣе настойчивости. Въ то же время, по своимъ религіознымъ убѣжденіемъ, епископъ Михаилъ дѣйствительно отличается преданностію папскому авторитету, и этого никто изъ здравомыслящихъ людей не можетъ ему ставить въ вину, такъ какъ призна-

ніе главенства папы есть одинъ изъ основныхъ догматовъ уніи. Ревность къ русскимъ интересамъ и приверженность главѣ католицизма, по нашимъ понятіямъ, какъ то плохо вяжутся между собою; но въ русскомъ уроженцѣ Галиціи, въ слѣдствіе особаго хода исторіи, такая комбинація не только не представляется абсурдомъ, а составляетъ совершенно нормальное явленіе. Такимъ образомъ пока онъ стоитъ во главѣ своей паствы, унія не возсоединится съ древнею вѣрою русскихъ прадѣдовъ, но не сольется также и съ латинствомъ. За то же истертая временемъ и обстоятельствами демаркаціонная линія между Русью и польщизною, между греко-восточною обрядностію уніи и католичествомъ будетъ проведена епископомъ рѣзко. Вотъ вѣрнѣйшая характеристика общественной роли епископа Михаила.

О національно-русскомъ значеніи нынѣшняго холмскаго пастыря всего краснорѣчивѣе свидѣтельствуютъ горькія сѣтованія русскихъ галичанъ, которые, лишившись въ немъ своего главы и народнаго водителя, чувствуютъ себя безпомощными и осиротѣлыми. Одинъ изъ гостей нашихъ во время московской этнографической выставки, образованный и крѣпко русскій галичанинъ, жалуется, что въ Галиціи теперь нѣтъ настоящаго представителя истинно-русскихъ интерессовъ, и что индифферентное галицко-нѣмецкое направленіе начинаетъ здѣсь пріобрѣтать силу. Во главѣ этого противонароднаго направленія стоитъ въ настоящее время гибкій митрополитъ Литвиновичъ, котораго считаютъ тамъ нѣмецкою казенною фигурою и даже приспѣшникомъ ляховъ. Значеніе его упадаетъ съ каждымъ днемъ. За неимѣніемъ истинно способныхъ людей, впереди народа стоитъ нѣсколько личностей, но до положенія народныхъ вождей имъ далеко. Павликовъ и Лавровскій не имѣютъ твердо выработанныхъ убѣжденій и страдаютъ отсутствіемъ энергіи, протоіерей Малиновскій—уважаемый всѣми богословъ, но въ національномъ отношеніи ничего не значитъ, профессоръ Костекъ—человѣкъ дѣльный, патріотъ надежный и энергическій, но по своей молодости еще не пользуется авторитетомъ. Затѣмъ національная партія считаетъ въ своей средѣ нѣсколько образованныхъ и прекрасно настроенныхъ поборниковъ изъ молодежи, которые стараются распространить русскую идею

въ галицко-русскомъ народѣ и словомъ, и дѣломъ; но эти отдѣльныя и разрозненныя усилія безъ вліятельнаго руководства, безъ общаго центра, гибнутъ безслѣдно для славяно-русскаго дѣла.

Вотъ почему галицко-русскіе народолюбцы плачутся на свою горькую судьбину и ждутъ не дождутся, какъ великой благодати, чтобы русское правительство, въ замѣнъ отсутствующаго у нихъ народнаго вождя, нынѣшняго холмскаго преосвященнаго, учредило во Львовѣ хоть свое консульство. Въ прошломъ году въ газетахъ заговорили было одно время, что это учрежденіе переносится туда изъ Бродъ, но теперь по этому дѣлу нѣтъ и слуховъ. Между тѣмъ русскіе галичане совершенно увѣрены, что русское консульство во Львовѣ, представляемое надежнымъ русскимъ патріотомъ, сильно подняло бы упавшій духъ той партіи, которая, руководясь идеею славянства, покуда еще благопріятствуетъ обще-русскимъ интересамъ и составляетъ, хотя слабый численностію, но крѣпкій духомъ, оплотъ противъ враждебнаго намъ галицкаго полонизма. И желаніе галичанъ намъ кажется совершенно естественнымъ. Мы сдѣлаемъ важную ошибку и допустимъ горькую несправедливость, если нравственно не поддержимъ родственно-расположенныхъ къ намъ галицко-русскихъ братьевъ. Неужели мы разобьемъ ихъ скромныя надежды полнымъ невниманіемъ къ ихъ положенію, къ ихъ народнымъ нуждамъ?... Съ другой стороны если имѣются русскія консульства въ Черневицахъ, и въ особенности въ Бродахъ, то есть гораздо больше причинъ быть нашему консульству именно во Львовѣ, который въ настоящее время служитъ для Галиціи торговымъ, умственнымъ и политическимъ центромъ. Не должно при этомъ упускать также изъ виду и того, что нити, часто развязываемыя въ Варшавѣ, завязываются въ числѣ другихъ агитаціонныхъ пунктовъ польщизны и во Львовѣ, гдѣ далеко не безполезно имѣть намъ свой наблюдательный постъ. Для убѣжденія въ этой очевидной истинѣ довольно припомнить хотя бы только осеннюю исторію поддѣлывателей и распространителей нашихъ сторублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Цѣлая шайка этихъ злодѣевъ завелась и долгое время безнаказанно работала въ Львовѣ, откуда фальшивый товаръ въ замѣтномъ количествѣ сталъ проникать и въ наши предѣлы, покуда не были случайно схва-

ченны въ Гусятинѣ двое неосторожныхъ агентовъ евреевъ. А въ настоящее время, судя по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, по всей Галиціи снуетъ цѣлая туча польскихъ эмигрантовъ, самаго яраго свойства, имѣющихъ свои центры въ Краковѣ и Львовѣ, откуда они намѣреваются снабжать русскіе предѣлы этими печатными продуктими своей преступной фабрикаціи.

Мы намѣрены были говорить о положеніи дѣлъ въ холмской Руси—и незамѣтно перешли къ Руси галицкой, изъ своихъ предѣловъ перешли за австрійскую границу. Но такой переходъ весьма естественъ и необходимъ, потому что одна и та же русская народоость живетъ и въ настоящее время стремится къ господству надъ враждебными ей элементами и на нашей холмской, и на австрійско-галицкой окраинахъ; такъ было всегда, и только дипломатія провела между ними искуственную границу, которой въ жизни не существовало и не существуетъ.

3.

Австрійскіе, венгерскіе и польскіе журналы ничего такъ не боятся, какъ той безспорной истины, что Россія есть государство славянское, что коренное населеніе ея родственно сербамъ, руссинамъ, полякамъ, чехамъ, что тѣ племена, которыя призвали къ себѣ въ князья норманскихъ вождей, были племена славянскія. Идея финско-татарскаго происхожденія Россіи, давно уже пущенная въ ходъ страшливыми австрійцами и легкомысленными поляками не разъ, повторявшаяся во французскихъ журналахъ, въ послѣднее время пришлась какъ нельзу больше по вкусу и кстати недавно «выскочившимъ въ люди» мадярямъ, и усердно разъясняется и доказывается въ ихъ журналахъ. «Пештскій Лойдъ» недавно помѣстилъ у себя статью нѣмецкаго ученаго Ричарда Миллера, въ которой этотъ многоученый сынъ многоученой Германіи, безъ сомнѣнія, не безъ значительнаго гонорарія за подпись своего имени подъ необычайно дикими соображеніями, излагаетъ теорію постепеннаго ославянизированія финско-татарской Россіи. Статья «Пештскаго Ллойда» по своей необыкновенной

дикости вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы русскій славянинъ познакомился въ тою одуряющею дребеденью, какую пишутъ и печатаютъ западные враги славянства и Россіи подъ вліяніемъ страха, внушаемаго имъ идеею панславизма. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ статьи венгерской газеты:

«Палацкій, этотъ знаменитый «отецъ чешской народности», и его зять Ригеръ, эти два пресловутые борца и, увы, вовсе не мученики за дѣло панславизма, можетъ быть, не знаютъ, а, можетъ быть, только не хотятъ знать, что Россія искони вовсе не славянское государство, и что, если ее нынѣ можно считать славянскою съ нѣкоторымъ правомъ, то этимъ она обязана своему смѣшенію, вызванному стремленіемъ къ самосохраненію и сознательно ею выполненному, съ чисто славянскими элементами, но что и до нынѣ, несмотря на все это, никто еще (?!) не отрицалъ ея азіятскаго, финско-татарскаго происхожденія. Эти чисто славянскіе элементы были сообщены ей руссинами, восточными славянами или антами (названными такъ въ отличіе отъ западныхъ славянъ или венетовъ, къ которымъ, между прочимъ, принадлежатъ и поляки). И такъ, если въ словѣ «русскій» имѣть въ виду славянскій элементъ, то это названіе прилично только руссинамъ,—тѣмъ, которые теперь въ подданствѣ Россіи, и тѣмъ, которые живутъ въ Галиціи и Венгріи. Нынѣшнее значеніе слова «русскій» въ смыслѣ, тождественномъ съ словомъ «славянинъ», имѣетъ происхожденіе весьма позднее, и оно усвоено намѣренно и насильственно. Въ жилахъ большей части великоруссовъ течетъ и доселѣ финская кровь, хотя теперь они и говорятъ на славянскомъ нарѣчіи; они или монгольскаго, или татарскаго происхожденія, и лишь малая часть изъ нихъ дѣйствительные славяне. Такъ какъ Россія къ настоящему времени значительно ославянизировалась, то спрашивается, какимъ образомъ это произошло? Съ тѣхъ поръ, какъ Россія сочла необходимымъ все крѣпче и крѣпче льнуть къ славянству, такъ какъ это племя, полное юношескихъ силъ, одно только могло ручаться за свою прочность и обѣщать будущность (что немыслимо относительно первоначальной финско-татарской національности, которая уже давно изжилась и, какъ все дряхлое, неспособна выдержать пробы

на огнѣ европейской цивилизаціи и должна была бы погибнуть),— съ тѣхъ поръ русскіе писатели больше всего хлопочутъ о томъ, чтобы представить Россію искони вѣковъ славянскою, и, чтобы достигнуть этой цѣли, они не страшатся даже искажать исторію, знающую только восточныхъ и западныхъ славянъ, выдумавъ при этомъ еще третье славянское племя, которое будто бы изстари жило въ нынѣшней России между восточными славянами на Днѣпрѣ и западными славянами на Вислѣ. Но все это только хитрыя изобрѣтенія, какъ и вся теорія о славянскомъ происхожденіи русскихъ; но именно вслѣдствіе подобной теоріи финско-татарскія племена, до XVIII столѣтія составлявшія въ Россіи ядро народонаселенія, были сглажены... Сами русскіе ученые отчасти допускаютъ, что славянизированіе Россіи совершилось при посредствѣ восточныхъ славянъ или, какъ ихъ теперь называютъ, руссиновъ. Изъ страны руссиновъ на Днѣпрѣ, которую русскіе въ насмѣшку или изъ состраданія называютъ теперь Малороссіею, началось образованіе государства, управляемаго норманскою династіею и населеннаго финско-татарскими народностями. Отсюда, особенно въ эпоху нашествія татаръ, шли руссинскіе выселки, и они-то посѣяли между финнами сѣмена Великороссіи. Въ болѣе позднія времена это подновленіе и смѣшеніе племенъ съ руссинскими элементами производилось, такъ сказать, систематически. Кромѣ нѣсколькихъ знаменитыхъ руссинскихъ ученыхъ, которыми искусно воспользовалось русское правительство, оно, особенно въ XVIII вѣкѣ, переселяло цѣлыя общины и цѣлые полки казаковъ (казаки первоначально составляли между руссинами неосѣдлую часть населенія) въ тѣ страны, гдѣ славянскій элементъ, хотя уже и былъ, но нуждался въ подкрѣпленіи и освѣженіи себя.

«Великорусскій языкъ есть единственный признакъ славянства, на которое претендуютъ великоруссы; языкъ этотъ произошелъ не отъ руссиновъ. Русскій языкъ есть дитя древне-болгарскаго церковнаго языка, далеко распространившагося вмѣстѣ съ схизматическою греческою вѣрою. Такъ какъ вѣра эта предписываетъ народу пѣніе при богослуженіи, то народъ скоро принужденъ былъ уподобить себѣ или усвоить новый языкъ... Этотъ русскій языкъ

былъ первымъ камнемъ для возведенія зданія Великороссія и первымъ цементомъ, связывавшихъ пеструю смѣсь народностей. Другимъ вспомогательнымъ средствомъ для этого, стоящимъ, впрочемъ, въ тѣсной связи съ первымъ, была вѣра, въ слѣдствіе чего всѣ исповѣдывавшіе греческую схизму смотрѣли на Россію, какъ на главу и покровителя схизмы, потому что прежде вниманія на національности не обращалось. Чѣмъ больше народовъ подчинялось языку и религіи русскихъ, чѣмъ шире поэтому дѣлалась область государства россійскаго, тѣмъ ближе подходили русскіе къ мысли о всемірномъ государствѣ. Петръ Великій былъ первый, въ комъ укоренилось это убѣжденіе; онъ старался, однако, выполнить его больше въ космополитическомъ духѣ. Преемники его, напротивъ, обратили главное вниманіе на славянскій характеръ своего государства, и этотъ характеръ былъ достигнутъ, такъ что теперь Россія въ большей части своей есть уже государство славянское и въ будущемъ еще болѣе сдѣлается такимъ. Россія стремится возстановить въ себѣ всѣхъ славянъ. И панславизмъ не есть цѣль, какъ пріятно грезится иному славянскому народу или народцу, а только средство къ самосохраненію финско-татарской Россіи. Чтобы обморочить при этомъ славянскія племена, Россія выставляетъ панславизмъ, какъ идею величественнаго, свободнаго единенія славянъ, какъ идею будущности человѣчества подъ руководствомъ славянства. Въ такой постановкѣ панславистическая идея можетъ сбить съ толку даже людей осторожныхъ, если только станутъ считать такое пониманіе ея истиннымъ. Венгерскіе и галицкіе руссины приходятъ отъ нея въ восторгъ; ихъ слѣдуетъ предостеречь и вразумить».

Послѣднія слова выдаютъ побужденіе, заставившее венгерскую газету купить продажную ученость Ричарда Миллера, чтобы онъ «для предостереженія и вразумленія» венгерскихъ и галицкихъ русиновъ написалъ теорію финско-татарскаго происхожденія Россіи. На свѣтѣ нерѣдко приходится встрѣчать безчестныя продѣлки, но такое безчестное отношеніе къ исторической наукѣ, какое мы видимъ въ сотрудникѣ «Пештскаго Ллойда», рѣдкость, достойная быть спасенною отъ невѣдѣнія о ней русскихъ читателей. Здѣсь, что ни строка, то ложь и клевета самаго тенден-

ціознаго свойства; опровергать такую тенденціозную теорію, какъ теорія преобразованія татарско - финской Россіи въ славянскую, было бы легко на словахъ, но было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и излишне. Ее опровергаетъ каждая уцѣлѣвшая до нась буква древней славяно - русской письменности, существующей уже тысячу лѣтъ, каждый стихъ древнихъ славяно-русскихъ пѣсенъ, въ устахъ народа доживших до нашего времени.

Но лучшимъ и самымъ сильнымъ отвѣтомъ, какъ на эту клевету Ричарда Миллелера, такъ и на много другихъ клеветъ на Россію, на православіе и славянство будетъ торжественное празднованіе завтра, въ пятницу (14 февраля), во всемъ славянскомъ мірѣ и у насъ, въ Россіи, тысячелѣтія кончины апостола и первоучителя славянъ, св. Кирилла. Имя великое, пробуждающее въ душѣ славянина множество скорбныхъ воспоминаній и грустныхъ размышленій!

Годъ назадъ германско-протестантскій міръ торжественно праздновалъ пятисотлѣтнюю годовщину смерти Лютера, при чемъ Германія въ частности гордилась Лютеромъ, какъ великимъ нѣмцемъ, давшимъ ей переводъ библіи и создавшимъ нѣмецкую литературу. Годъ спустя, славянскому міру пришлось праздновать не *пятисотлѣтіе,* а *тысячелѣтіе* кончины своего просвѣтителя, давшаго славянамъ письменность и славянскій переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и начавшаго ихъ духовно-христіанское развитіе. И между тѣмъ до сей поры какая скудость славянской литературы сравнительно съ литературою романо-германской Европы! Въ то время, когда въ IX вѣкѣ св. Кириллъ изображалъ славянскую азбуку и переводилъ на славянскій языкъ библію, французскій, италіанскій и англійскій языки находились только въ первомъ періодѣ своего развитія и не имѣли, не исключая и нѣмецкаго, своей письменности: между тѣмъ славянскій языкъ былъ уже до того развитъ, что оказался способнымъ къ передачѣ возвышенныхъ понятій христіанства. Спрашивается, какія причины остановили духовное и національное образованіе славянъ, для котораго св. Кириллъ положилъ такой прочный фундаментъ? При этомъ невольно вспоминается страдальческая судьба народовъ славянскаго племени, остановившая правильный и поступательный

ходъ ихъ національнаго и духовнаго развитія; припоминается несчастная судьба южныхъ славянъ, подвергшихся власти мусульманъ и до сей поры находящихся подъ ихъ властію; припоминается не менѣе въ существѣ дѣла несчастная судьба западныхъ славянъ,—чеховъ, моравовъ,—отторгнутыхъ Римомъ отъ просвѣтительнаго вліянія православія, лишенныхъ нѣмцами самостоятельности политической и утратившихъ и славянское богослуженіе, и великое изобрѣтеніе св. Кирилла—славянское письмо; припоминается несчастная судьба нѣкогда сильнаго польскаго королевства, издавна добровольно и до фанатисма отдавшагося Риму и измѣнившаго славянскому знамени; припоминается несчастная судьба восточныхъ славянъ, которымъ приходилось терпѣть отовсюду,—со стороны Азіи и со стороны Европы,—которые цѣлыя столѣтія находились подъ властію монголовъ, а потомъ подвергались съ сѣвера нападеніямъ шведовъ, съ юга—татаръ и турокъ, съ запада нападеніямъ поляковъ. Но главнымъ образомъ при этомъ, какъ главная причина всѣхъ золъ, постигшихъ славянскіе народы, и главное препятствіе ихъ послѣдующему духовному и національному развитію, припоминается та рознь, тотъ недостатокъ племеннаго единства, которыя проходятъ чрезъ всю ихъ исторію и которыя давали ихъ сосѣдямъ всѣ удобства къ ихъ порабощенію. Каждое почти славянское племя имѣетъ свою исторію, по временамъ даже блистательную, имѣетъ своихъ народныхъ героевъ; но у славянскихъ народовъ до сихъ поръ не было общей племенной исторіи, не было общихъ славянскихъ героевъ и великихъ людей, не было даже стремленія къ общенію въ мысли и жизни. Великіе люди славянства, первые его герои-просвѣтители, святые братья Кириллъ и Меѳодій, долгое время были какъ бы потеряны для сознанія славянскихъ племенъ: между тѣмъ ихъ имена по праву должны быть написаны на всеславянскомъ знамени, какъ имена, дорогія для всѣхъ славянъ, исключая развѣ поляковъ, потому что всѣ славянскіе ученые, поэты, патріоты, всѣ другія великія и святыя имена славянскихъ племенъ послѣдующихъ вѣковъ, стояли въ прямой зависимости отъ великихъ подвиговъ святыхъ братьевъ. Кириллъ и Меѳодій были первыми эманципаторами славянскаго духа, первыми вкладчиками въ духовную со-

кровищницу славянства, тысячелѣтними предтечами нашихъ Ганокъ, Шафариковъ, Добровскихъ, Крыловыхъ, Ломоносовыхъ, Глинокъ, Пушкиныхъ, нашихъ чтимыхъ святыхъ мужей и искреннихъ патріотовъ; подъ ихъ, хотя и отдаленнымъ, вліяніемъ, воспитались и выросли всѣ личности, которыми гордятся или которыхъ благоговѣйно чтятъ славянскіе народы.

Дурнымъ предзнаменованіемъ для будущей исторіи славянскихъ народовъ было уже то, что ихъ просвѣтителю Кириллу пришлось умереть и, несмотря на усиленныя просьбы брата его Меѳодія— отдать ему дорогой прахъ для отвезенія на родину, быть похороненнымъ въ Римѣ. Тогдашній папа не уважилъ просьбъ Меѳодія. Въ священныхъ останкахъ перваго великаго славянина-христіанина Римъ сохранилъ себѣ залогъ своихъ послѣдующихъ притязаній на власть надъ славянскими народами, обращенными Кирилломъ,—притязаній, которыя, къ несчастію, ему удалось осуществить надъ нѣкоторыми изъ нихъ, благодаря усердной поддержкѣ, оказанной Риму въ этомъ дѣлѣ нѣмцами. Не исполнилъ Римъ и въ XVI вѣкѣ просьбы славянскаго епископа и нѣмецкаго императора—перенести мощи св. Кирилла въ Моравію, на томъ основаніи, что въ славянскихъ земляхъ свирѣпствуетъ «еретическая язва.» И много бѣдъ, много зла причинилъ Римъ и его усердные слуги славянскому міру, когда однѣ племена они отторгнули отъ праотеческой вѣры, когда другія до сей поры упорно держатъ подъ властію мусульманъ, а противъ третьихъ (русскихъ), какъ противъ схизматиковъ, поднимаютъ крамолы и возбуждаютъ недовѣріе и опасенія народовъ.

Предъ нашими глазами, когда мы пишемъ эти строки, лежитъ картина работы академика Солнцева—изданіе Слѣпца Ширяева. Картина изображаетъ сцену, происходившую тысячу лѣтъ тому назадъ. Въ келіи какого нибудь изъ монастырей Рима, на бѣдной постелѣ, сидитъ поддерживаемый двоими изъ присутствующихъ больной, истощенный апостольскими трудами, св. Кириллъ и передаетъ своему брату Меѳодію епископскій омофоръ, умоляя его не покидать славянъ. «Мы, братъ, тянули съ тобою, говорилъ онъ, одну борозду, и вотъ я падаю на грядѣ, кончаю дни

мои; ты же, смотри, не покидай нашего служенія славянам
Кромѣ святыхъ братьевъ въ келіи присутствуютъ еще восемь ли
одежда которыхъ говоритъ о ихъ священномъ санѣ, а чисто
вянскія физіономіи—о ихъ славянскомъ происхожденіи. На л
Меѳодія видна смиренная покорность завѣщанію брата, двое
присутствующихъ закрыли свои плачущіе глаза, остальные
грустію и благоговѣніемъ смотрятъ на происходящее въ ихъ
захъ. Можетъ быть, именно въ тѣ самыя минуты, когда пр
славный столичный читатель будетъ пробѣгать строки эти, т
чу лѣтъ назадъ происходило то дѣйствіе, которое изображаетъ
ходящаяся предъ нами литографическая картина, украшенная
сторонамъ буквами славянской азбуки, изобрѣтенной умирающ
Какъ, однако, поздно мы стали издавать подобныя карти
Какъ поздно мы уразумѣли великое значеніе въ исторіи Росс
всѣхъ славянъ св. Кирилла и его брата! Много ли у насъ
честь ихъ построено храмовъ, пріютовъ, больницъ? Основан
хоть одинъ кирилло-меѳодіевскій фондъ для пособій нуждающ
единоплеменникамъ? Есть ли хоть одна кирилло-меѳодіевская
бліотека, посвященная памяти родоначальниковъ русскихъ кн
Давно ли мы стали съ нѣкоторою торжественностію праздно
день памяти ихъ? Не забыла ли сама наша академія наукъ
выхъ своихъ академиковъ въ 1863 году, когда исполнилось
сячелѣтіе славянской письменности? Слава Богу! Теперь с
издалъ картину, чтобы, подставивъ ее предъ глаза зрячим
помнить имъ о неблагодарной забывчивости къ величайшим
годѣтелямъ русско-славянскаго міра.

Буквы *«кириллицы»* (которую поляки обыкновенно н
наютъ съ прибавленіемъ прилагательнаго «дикая»), которы
дожникъ украсилъ бока картины, навели насъ еще на одно
женіе. Вспоминалъ ли когда нибудь какой нибудь публици
русскій, сербскій или болгарскій,—въ ту пору, когда онъ
писать для назиданія своихъ соотечественниковъ, о той не
ной связи, которая и по истеченіи тысячи лѣтъ соединя
дѣятельность съ дѣятельностію св. Кирилла? Представлялъ
сколько для него лично и для всѣхъ его товарищей по за

сдѣлалъ святой изобрѣтатель славянской письменности? Сколько, напримѣръ, времени онъ сохранилъ для всѣхъ грамотныхъ сербскихъ, болгарскихъ и русскихъ людей, освободивши ихъ отъ необходимости славянскіе звуки *ч, ш, щ* выражать, какъ дѣлаютъ поляки, двумя, тремя и четырьмя латинскими буквами. А между тѣмъ великія личности Кирилла и Меѳодія, стоящія при самомъ входѣ въ святилище духовной исторіи славянства, вполнѣ достойны того, чтобы ихъ помнили и знали, ихъ память чтили съ благодарною признательностію не только ученые и публицисты Россіи, не только преемники ихъ священнаго служенія Христу, но всякій русскій, умѣющій читать и писать. Съ ихъ изображеніями должны быть издаваемы наши букварии, ихъ изображенія должны стоять въ нашихъ школахъ грамотности, ихъ покровительству мы должны отдавать всякое самостоятельное русско-славянское начинаніе. Это были первые самостоятельные труженики въ славянскомъ мірѣ, и ни одинъ изъ послѣдующихъ дѣятелей славянства не имѣетъ права считать себя внѣ духовной зависимости отъ нихъ. На разстояніи десяти вѣковъ для всякаго славянина можетъ быть болѣе обязательно, чѣмъ для Меѳодія, послѣднее завѣщаніе Кирилла: *ты же, смотри, не покидай нашего служенія славянамъ.*» И когда каждый славянинъ проникнется обязательностію этихъ словъ, тогда нѣмцы, поляки и венгерцы перестанутъ сочинять теоріи о финско-татарскомъ происхожденіи Россіи...

(Веч. Газ.)

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ КОНЧИНЫ ПРОСВѢТИТЕЛЯ СЛАВЯНЪ, СВ. КИРИЛЛА.

Оно совершилось съ необыкновенною торжественостью. Во-первыхъ, денъ этотъ былъ праздничнымъ днемъ почти для *всѣхъ* столичныхъ учебныхъ заведеній, воспитанники которыхъ были уволены отъ занятій. Вѣсть объ этомъ увольненіи пришла наканунѣ вечеромъ въ нѣкоторыя гимназіи, въ лицей, въ училище правовѣдѣнія и въ военно-учебныя заведенія; въ заведенія же

морскаго вѣдомства распоряженіе о прекращеніи занятій пр
въ самый день праздника утромъ, а потому воспитанники
были уволены только послѣ утреннихъ занятій, т. е. къ д
часамъ пополудни.

Торжественное богослуженіе въ Исакіевскомъ соборѣ нача
равно въ десять часовъ. Громадный храмъ былъ полонъ на
За рѣшетку, отдѣлявшую переднюю часть храма по амвонъ
пускались только получившіе особыя приглашенія отъ славян
благотворительнаго комитета, и все это пространство было с
шенно наполнено представителями высшей администраціи въ
радныхъ мундирахъ, дамами, представителями литературы, н
искусства и вообще лицами, сочувствующими славянской
внѣ рѣшетки толпились массы богомольцевъ, явившихся въ х
по своему собственному побужденію. Хоругвь св. Кирилла и
Ѳодія высилась направо отъ амвона, и при ней стоялъ извѣс
ея соорудитель и неутомимый поборникъ славянской идеи, сл
Ширяевъ. Литургію совершалъ преосвященный Палладій, ви
санктпетербургской епархіи. Проповѣдь говорилъ ректоръ здѣ
духовной академіи, о. Янышевъ. Въ этой краснорѣчивой п
вѣди извѣстный нашъ церковный ораторъ указалъ на причин
шего прежняго равнодушія къ памяти просвѣтителей славян
Онъ объяснялъ такое равнодушіе разъединенностью между
вославною церковью и обществомъ, разъединенностью искус
ною, созданною тѣмъ недовѣріемъ общества къ церкви, ко
возникло на Западѣ вслѣдствіе злоупотребленій католициз
перешло къ намъ оттуда, какъ нѣчто напускное и чуждое, п
что православіе вовсе не отдѣляетъ себя отъ жизни и науки
добно католицизму, и всегда можетъ идти рядомъ съ ни
развитіи гражданственности. Въ заключеніе о. Янышевъ у
на тотъ знаменательный фактъ, что славянская идея и чес
ніе въ Россіи памяти св. Кирилла и Меѳодія совпадаетъ съ
неніемъ къ лучшему воззрѣній общества на значеніе правос
церкви, и закончилъ воззваніемъ къ русскому народу проде
нынѣ начинающееся сліяніе православія съ гражданскою жи

По окончаніи обѣдни началось торжественное молебств

...млу. Оно совершалось съ небывалымъ, со времени освященія ...кіевскаго собора, торжествомъ. Три митрополита (санкпетер...скій, московскій и кіевскій), три архіепископа и до тридцати ...мандритовъ, протоіереевъ и священниковъ въ праздничномъ, ...номъ облаченіи служили соборнѣ это молебствіе, представляв..., по своей обстановкѣ, совершенно особое, величественное зрѣ...е, вполнѣ достойное памяти великаго просвѣтителя славянъ. Громадные толпы народа, непопавшія въ соборъ, собрались ...кіевской площади. Необычайная торжественность богослу...ія, собраніе столькихъ высшихъ іерарховъ русской православ... ...церкви въ простой, непраздничный день, должны были, ко...о, возбудить интерессъ и въ тѣхъ, кому неизвѣстно было ...янское значеніе праздника. Въ народѣ нашлись начетчи... объяснявшіе другимъ, кто былъ св. Кириллъ и чѣмъ ему обя... Россія и все славянство.

Изъ собора лица, получившія пригласительные билеты на ду...е пѣніе въ придворной пѣвческой капеллѣ, отправились въ ... этой капеллы. Здѣсь собралась блестящая и многочислен... ...публика, на устроенное директоромъ капеллы, г. Бахметевымъ, ...ество въ память тысячелѣтія по кончинѣ святителя Кирил... просвѣтителя славянъ» (какъ было сказано на изящно отпе...ной славянскими буквами программѣ, служившей въ то же ... входнымъ билетомъ). Торжество это состояло изъ церков... пѣсень и гимновъ, исполненныхъ всѣмъ хоромъ придвор... пѣвчихъ (въ парадныхъ мундирахъ). Для тѣхъ, кому из...о, съ какимъ неподражаемымъ совершенствомъ исполняетъ ... хоръ церковныя пѣснопѣнія, врядъ ли нужно говорить, ...на этотъ разъ онъ произвелъ громадное впечатлѣніе на ...у. Церковныя пѣсни были исполняемы по самымъ древ... «распѣвамъ:» греческому, сербскому, болгарскому, кіевско... столповому и такъ называемому простому. Особенное впе...іе произвели на слушателей «Великій прокименъ св. четы...дницы» (столповаго распѣва), «Отче нашъ» (простаго рас... и славословіе на два хора Д. С. Бортнянскаго. Все это ... исполнено съ неподражаемымъ совершенствомъ.

На пѣніи въ придворной капеллѣ присутствовала Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна.

Вечеромъ, въ девять часовъ, происходило торжественное засѣданіе славянскаго благотворительнаго комитета въ квартирѣ Н. А. Кирѣева, на дворцовой набережной. Засѣданіе открылось заявленіемъ предсѣдателя, А. Ѳ. Гильфердинга, о томъ, что въ память тысячелѣтія кончины св. Кирилла, петербургскими членами славянскаго благотворительнаго комитета учреждается *кирилловская премія* въ 500 руб., па слѣдующихъ основаніяхъ: премія эта имѣетъ цѣлію поощреніе молодыхъ людей къ изученію славянства. Она опредѣляется на награду за лучшія сочиненія, до славянства относящіяся, и раздѣляется на двѣ преміи въ 300 и 200 руб. Къ соисканію ея приглашаются всѣ *учащіеся* въ русскихъ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сочиненія соискателей присылаются на имя петербургскаго казначея славянскаго комитета. Для присужденія преміи комитетъ каждый разъ избираетъ особую комиссію изъ своихъ членовъ. На первый разъ, для составленія учащимся возможности воспользоваться двумя каникулярными періодами, срокъ представленія сочиненій назначается *1-го октября* 1870 г., срокъ выдачи наградъ *15-го ноября того же года*. Отчетъ коммиссіи, разбиравшей сочиненія, печатается въ одной изъ газетъ.

За симъ г. предсѣдатель заявилъ, что тема на 1869—70 годъ для соисканія кирилловской преміи назначается слѣдующая:

«Историческій разсказъ о трехъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія западныхъ славянъ (850—1025). Великая Моравія при Ростиславѣ и Святополкѣ, Чехія при Болеславѣ I и II-мъ и Польша при Болеславѣ Храбромъ»). Въ сочиненіи должно быть обращено вниманіе на проповѣдь вселенскаго христіанства въ означенныхъ земляхъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и на переворотъ въ пользу латинства, произведенный проповѣдническою дѣятельностію Войтеха».

Послѣ этого заявлено о слѣдующихъ пожертвованіяхъ въ пользу комитета: 1) Слѣпецъ Г. И. Ширяевъ пожертвовалъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа, съ тѣмъ чтобъ въ случаѣ

выхода билета въ тиражъ на вырученныя деньги былъ купленъ другой билетъ, а въ случаѣ выигрыша весь выигрышъ этотъ пошелъ въ пользу комитета. 2) Г. Милютинъ пожертвовалъ такой же билетъ. 3) А. Д. Башмаковъ пожертвовалъ 1,000 р. ср. 4) Изъ Ростова на Дону получена телеграмма о собранныхъ тамъ въ пользу славянскаго петербургскаго комитета 300 руб. с. И. П. Корниловъ представилъ собранныя въ Варшавѣ 88 р. с. Г. Аристовъ пожертвовалъ 50 экземпляровъ изданной имъ азбуки для разсылки въ славянскія земли. Г. Кирѣевъ пожертвовалъ съ тою же цѣлью 50 экземпляровъ «Пчелы» Н. Ѳ. Щербины. А. Д. Башмаковъ и Г. И. Ширяевъ признаны отъ комитета почетными членами-благотворителями.

Далѣе, графъ Голенищевъ-Кутузовъ предложилъ устройство кирилло-меѳодіевской библіотеки и читальни при ней. Положено разсмотрѣть средства къ осуществленію этого предложенія въ особой комиссіи.

За симъ, по предложенію О. Ѳ. Миллера о необходимости ознаменовать память св. Кирилла содѣйствіемъ образованію русскаго простаго народа, положено ежегодно 11-го мая, въ день празднованія церковію памяти св. Кирилла и Меѳодія, производить особый сборъ съ цѣлью посильнаго вспомоществованія народнымъ русскимъ школамъ. Первый сборъ, произведенный вслѣдъ за этимъ предложеніемъ, далъ сумму въ 323 руб.

Въ заключеніе, предсѣдатель комитета сообщилъ присутствующимъ интересныя свѣдѣнія о послѣднемъ путешествіи своемъ въ Македонію, на берега рѣки Брегальницы, бывшіе ареною проповѣднической дѣятельности просвѣтителей славянства, и прочелъ отрывки изъ найденной имъ тамъ болгарской лѣтописи.

Второе отдѣленіе академіи наукъ, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», устроило 14-го февраля особое засѣданіе, къ которому были приглашены всѣ дѣйствительные члены академіи, а также корреспонденты отдѣленія и почетные члены его.

Чтеніе, приготовленное къ этому засѣданію академикомъ Срез-

невскимъ, касалось трехъ главныхъ явленій, которыми обозначился подвигъ Константина философа (св. Кирилла): 1) введенія греко-славянской азбуки, 2) введенія у славянъ одного общаго языка церкви и просвѣщенія, 3) утвержденія въ этомъ языкѣ многихъ основныхъ выраженій для изображенія отвлеченныхъ понятій. Вслѣдъ за чтеніемъ г. Срезневскаго академикъ Гротъ заявилъ о двухъ сдѣланныхъ отдѣленію приношеніяхъ: 1) предъ самымъ засѣданіемъ членъ отдѣленія, архіепископъ Макарій литовскій и виленскій, отправляясь на богослуженіе въ Исакіевскій соборъ, могъ лишь на нѣсколько минутъ посѣтить залу собранія и при этомъ лично сообщилъ для передачи сочленамъ второе изданіе своей книги: *Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра,* и слово, произнесенное имъ въ Вильнѣ при вступленіи на новую епархію. Вмѣстѣ съ тѣмъ высокопреосвященный поручилъ выразить собранію полное сочувствіе свое значенію засѣданія и искреннее сожалѣніе, что самъ онъ лишенъ возможности въ немъ участвовать. 2) Изъ гельсингфорскаго александровскаго университета получены найденные въ архивѣ финляндскаго сената пергаментные рукописные листы, служившіе обложками другихъ актовъ и поступившіе оттуда въ библіотеку александровскаго университета, и нѣсколько такихъ же листовъ, пріобрѣтенныхъ въ Финляндіи г. Норквистомъ. Полученныя отдѣленіемъ наканунѣ, рукописи эти, въ числѣ 166 частію цѣльныхъ листовъ, частію полулистовъ и узенькихъ полосъ, были тогда же переданы на просмотръ И. И. Срезневскому, который отдѣлилъ въ нихъ до 40 особенныхъ рукописей; отъ однихъ изъ нихъ уцѣлѣли только отдѣльные листы, отъ другихъ сохранились довольно значительныя части. По письму, большая часть ихъ должна быть отнесена къ XIV вѣку, многія къ XV и XVI вѣкамъ, двѣ къ XII, остальныя къ XIII вѣку. На одной рукописи XIV вѣка есть глаголическая приписка.

Въ заключеніе академикъ Куникъ сообщилъ отрывокъ изъ болгарской лѣтописи, указывающій на дѣйствія Константина философа въ Болгаріи.

(Сов. Лист.)

Председатель славянскаго комитета М. П. Погодинъ, сказалъ въ засѣданіи 14-го февраля *замѣчательную рѣчь*, напечатанную въ „Моск. Вѣд.", которую приводимъ здѣсь вполнѣ.

„Нынѣ исполняется тысяча лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скончался св. Кириллъ, изобрѣтатель славянской грамоты, переводчикъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, священнаго писанія, просвѣтитель христіанскою вѣрою всѣхъ славянскихъ племенъ болѣе или менѣе. Тысячу лѣтъ многіе изъ нихъ пользуются благодѣяніями св. Кирилла и Меѳодія, и первое мѣсто между ними занимаемъ мы, русскіе, удержавшіе богослуженіе, введенное равноапостольными братьями во всей полнотѣ и чистотѣ. Въ сію минуту въ Божьемъ храмѣ слышали мы глаголы живота, произнесенные впервые св. Кирилломъ и Меѳодіемъ за тысячу лѣтъ, какъ будто бы только вчера они были сложены. Въ собраніи славянскаго комитета почитаемъ священнымъ долгомъ помянуть въ этотъ знаменительный день, хотя вкратцѣ, „старыми, словесы" великихъ славянскихъ первоучителей. Жизнь ихъ представляетъ высокое, умилительное и назидательное зрѣлище; они поражаютъ своими подвигами воображеніе и умъ всякаго мыслящаго испытателя судебъ народныхъ и человѣческихъ. Это почувствовали глубоко, выразили горячо самые первые причастники ихъ ученія.

Сочинитель службы св. Кириллу, жившій, вѣроятно, вскорѣ послѣ него, въ концѣ IX столѣтія, сравниваетъ прямо славянскаго учителя, по случаю кончины его въ Римѣ, со св. первопрестольными апостолами Петромъ и Павломъ: „Блаженъ градъ, пріимый *третьяго соверщителя Божьяго смотрѣнія:* той оубо верховноую свѣтилоу (Петра и Павла) останки наполняя явися блаженный сей: тѣмъ же и спима повелѣ емоу Господь Богъ пречьстный покой пріяти."

Такъ точно и въ новое время между учеными люди высшаго образованія воздали трудамъ св. Кирилла и Меѳодія подобающую хвалу. Шлецеръ, иностранецъ, одинъ изъ первыхъ всесторонне образованныхъ ученыхъ историковъ своего времени, начавшій преобразованіе своей науки, принадлежащій къ тому народу, который наименѣе способенъ чувствовать и цѣнить что либо славянское,—сказалъ, лѣтъ 70 тому назадъ, въ заключеніе своихъ изслѣдованій о трудахъ св. Кирилла и

Мееодія: „Привѣтствую васъ, безсмертные изобрѣтатели славянскія грамоты! Вы первые дерзнули грубый языкъ, имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ взять такъ сказать, изъ устъ народа и писать греческими буквами; въ этомъ дѣлѣ поступили вы—какъ люди отличнымъ умомъ одаренные, и для каждаго особеннаго звука, котораго грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новые особенные знаки или буквы....“

Римскій проповѣдникъ говорилъ: „вѣрь своему священнику“; греческій, то-есть, славянскій, говоритъ: „вѣрь слову Божію, возвѣщаемому тебѣ твоимъ священникомъ; но точно ли его онъ возвѣщаетъ, смотри самъ, вотъ оно на твоемъ языкѣ.“ Этого мало: переводъ свой начинаютъ Кириллъ и Мееодій Новымъ Завѣтомъ, содержащимъ въ себѣ такое только правоученіе и исторію, которыя понятны для всякаго мыслящаго человѣка при первомъ его выходѣ изъ грубаго состоянія. Изъ Ветхаго же Завѣта выдаютъ они на первый разъ только Псалтирь, книгу полезную для возбужденія благоговѣнія народнаго. Дальше Шлецеръ объясняетъ, каково было положеніе всего запада въ отношеніи къ „принятому христіанству, сравнительно съ міромъ славянскимъ. „Вы понимаете“, говоритъ онъ, обращаясь къ своимъ читателямъ, что должны быть учители народа или священники—наставлять грубыхъ невѣждъ, исправлять порочныхъ, утѣшать больныхъ, пріуготовлять умирающихъ; нѣтъ, эти римско-католическіе священники не могутъ говорить съ ними, даже наружные обряды религіи должны отправлять на языкѣ непонятномъ для народа! Не возмущаетъ ли это человѣческаго разсудка? Однако же это стерпѣлъ тупой нѣмецъ, германскій вендъ, полякъ, датчанинъ, шведъ; но не моравскій, богемскій и паннонскій славянинъ (прибавимъ: болгарскій, сербскій, русскій). Честь и слава славянскому разсудку“

Шлецеръ разсматривалъ событіе съ общей отвлеченной, такъ сказать, философской, космополитической точки зрѣнія и цѣнилъ его сравнительно съ соотвѣтствующими событіями въ исторіи прочихъ народовъ. Взглянемъ на него относительно русской исторіи, относительно русской жизни, какъ она, благодаря трудамъ св. Кирилла и Мееодія, слагалась, въ какомъ

положеніи находится теперь и чѣмъ обѣщаетъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться впредь.

Богослуженіе на родномъ общевразумительномъ языкѣ, скажу смѣло, есть краеугольный камень нашего нравственнаго состоянія, залогъ нашего будущаго развитія и преуспѣянія, и вмѣстѣ условіе до сихъ поръ нашего политическаго значенія. Если русскій народъ не совершенно загрубѣлъ, одичалъ, не лишился человѣческаго образа ни вслѣдствіе двухсотлѣтнихъ княжескихъ междуусобій, ни вслѣдствіе почти трехсотлѣтняго монгольскаго ига, ни вслѣдствіе другихъ враждебныхъ событій, если не погасла въ насъ, несмотря ни на какіе бури и вихри, внѣшніе и внутренніе, искра святаго огня, способная въ счастливое время воспылать, пролить свѣтъ и теплоту на пространства неизмѣримыя, то этимъ счастіемъ обязаны мы богослуженію на родномъ языкѣ, учрежденному свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Нѣтъ цѣны, нѣтъ мѣры, нѣтъ вѣсу, для этого ихъ вѣковѣчнаго благодѣянія. Здѣсь все нравственное, сердечное, умственное до сихъ поръ сокровище русскаго народа—говорю о большинствѣ.—„Господи помилуй", „Отче нашъ",—вотъ гдѣ вся его мудрость, вотъ гдѣ его насущный бладодатный хлѣбъ которымъ онъ тысячу лѣтъ питается изъ рукъ св. Кирилла и Меѳодія, и который спасаетъ отъ голодной смерти его тѣло и его душу. Здѣсь вся его теологія, философія, мораль, поэзія, медицина.

Какія происшествія составляютъ сущность русской исторіи, главныя наши эпохи?

Основаніе государства,

Принятіе христіанской вѣры,

Столица Москва, собравшая русскую землю,

Донское побоище,

Освобожденіе Россіи отъ поляковъ,

Полтавская побѣда,

Сожженіе Москвы въ 1812 году,—и самое къ намъ близкое, самое радостное, животрепещущее,—это

Освобожденіе двадцати пяти милліоновъ крѣпостнаго народа!

Великія событія! Такъ вотъ между этими великими событіями богослуженіе на своемъ языкѣ занимаетъ первое мѣсто,

рядомъ со введеніемъ христіанской вѣры при св. Владимірѣ,— относительно благодѣтельнаго дѣйствія на совокупность всего русскаго народа, въ продолженіе истекшаго тысячелѣтія.

И не только занимаетъ оно одно изъ первыхъ мѣстъ, но условливаетъ всѣ прочія, служитъ имъ или основаніемъ, или утвержденіемъ, и распространеніемъ. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи на куликовскомъ полѣ душою возставшаго народа былъ св. Сергій, а рукою Дмитрій Донской; такъ въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, Гермогенъ, Іоасафъ, Діонисій, Палицынъ, участвовали столько же, какъ Пожарскій, Мининъ и Сусанинъ, возбуждая народъ возстать за домъ Пресвятой Богородицы.

Вотъ что сдѣлали для русскаго народа св. Кириллъ и Меѳодій.

А несчастные болгары и несчастные сербы, стонущіе вѣка подъ игомъ варваровъ? Чѣмъ поддерживается ихъ убогая жизнь, чѣмъ питаются ихъ надежды, чѣмъ облегчается ихъ несносное бремя? Славянскимъ кирилловскимъ богослуженіемъ, кромѣ котораго у нихъ нѣтъ уже совершенно ничего.

Кириллъ и Меѳодій—первые, и увы, до сихъ поръ послѣдніе истинные панслависты,—должны быть символомъ общаго обновленія. Славянскій церковный языкъ, языкъ священнаго писанія, ихъ наслѣдіе, долженъ сдѣлаться средоточіемъ связей всѣхъ славянскихъ племенъ, основаніемъ ихъ единства, условіемъ ихъ своеобразнаго развитія, средствомъ возбужденія къ новой жизни, къ освобожденію отъ всякаго ига, духовнаго и вещественнаго—языкъ прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, несмотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ творніяхъ великихъ писателей. Языкъ—это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ славянской исторіи, по какаму-то таинственному предопредѣленію, однѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпать однѣ и тѣ же святыя сѣмена по всѣмъ странамъ славянскимъ. О, если бы теперь, исполняющемуся тосячелѣтію, эти сѣмена, прозябшія въ продолженіе многихъ вѣковъ, въ родимой

почвѣ, дали свой плодъ, еслибъ вездѣ раздались вѣщіе звуки, и встрепенулось одинаково сердце у всѣхъ разномыслящихъ братьевъ!

О если бы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что бы они откликнулись, кажется съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, и лучшее выраженіе нашей признательности трудамъ, усиліямъ и заботамъ дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу—Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Коляра, Сметану, Челаковскаго, Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, Шевырева,—вслѣдъ за Милутиновичемъ, Юнгманомъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Прешлемъ, Добровскимъ. Помянемъ здѣсь, на праздникѣ славянской любви, и Мицкевича съ Лелевелемъ, оплакивая ихъ роковое ослѣпленіе. Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: *Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи мои спасеніе Израиля!* Увы, всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, не видя единаго луча надежды, истекая кровью, точившеюся изъ сердца.

Будемъ же, братія, молиться молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, прощая другъ другу и врагъ врагу, будемъ молиться едиными усты и единымъ сердцемъ Милосердному Богу, *да не до конца Онъ прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ;* будемъ молиться, да снизойдетъ къ намъ миръ и будетъ изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, хотя въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ, едино стадо и единъ Пастырь!

(Вил. Вѣст.)

ВАЖНАЯ ОПЕЧАТКА

Въ 1-й книжкѣ «Вѣст. Западной Россіи».

Отд. IV, стр. 19, строка 29 въ статьѣ о прибытіи въ Вильну архіепископа Макарія. Напечатано: *не можемъ радоваться* и не быть благодарными и проч. Нужно читать не можемъ не радоваться. Пропускъ этотъ произошелъ по небрежности типографіи.

Въ III отд. 1-й кн. вкрались слѣдующія важныя опечатки:

Стран.	Строк.		*Напечатано:*	*Нужно читать:*
3	7	снизу	подобныхъ	подобныхъ защитниковъ
5	17	—	дремлющихъ	въ меломановъ, дремлющихъ
9	6	сверху	съ примѣсью	въ примѣси
12	17	—	учителей	и другихъ учителей

СОДЕРЖАНІЕ 2-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОСС

ЗА 1869 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.
